

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

3

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Заместители
главного редактора** ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я. – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

**Ответственный
секретарь** ЕФИМОВА Н. В. – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллиньё К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Запрудский С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет имени Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Минск, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** **ПРЫГОДЗІЧ М. Р.** – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Намеснікі галоўнага рэдактара** **ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я.** – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: rovdois@bsu.by
- Адказны сакратар** **ЯФІМАВА Н. В.** – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Бутырчык Г. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Важнік С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Зяпрудскі С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лебядзінскі С. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саверчанка І. В. Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Савіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Хмяльніцкі М. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шэшкен А. Г. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	PRYHODZICH M. R. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: mik197@tut.by
Deputy editors-in-chief	GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: goncharova_s@tut.by ROVDO I. S. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rovdos@bsu.by
Executive secretary	JAFIMAVA N. V. , PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Allignol C.</i>	Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Butyrchik G. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Khmalnitski M. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lebedinskiy S. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Saverchanka I. V.</i>	Institute of Literature Researchers of the Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Sheshken A. G.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Vazhnik S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zaprudski S. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

УДК 82.0

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВ – ДЕРИВАТОВ АРХЕТИПА МИРОВОЙ ОСИ В РОМАНАХ М. МУРКОКА

Ю. С. КОСАРЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере романов М. Муркока «Дочь похитительницы снов» и «Древо скрелингов» рассматриваются архетипические образы и мифологемы, производные от архетипа мировой оси. Исследуются степень воплощения этого архетипа в произведениях английского писателя и уровень авторской рецепции данного образа. На основе анализа взаимосвязи между группами изучаемых образов (архетип, архетипический образ, мифологема) вводится понятие «образ-дериват». Так, например, архетипические образы мирового древа и мировой горы, мифологема ясеня Игдрасиль или горы Олимп являются образами – дериватами архетипа мировой оси. За счет их ключевой роли в организации хронотопа и модели мира в мифологии эти образы отражаются в художественной литературе. В частности, в романах писателя-фантаста М. Муркока подобные образы-дериваты занимают центральное положение, что свидетельствует об их значимости и важности в авторском мироустройстве. Новизна статьи состоит в исследовании проявлений архетипических образов на материале романов М. Муркока «Дочь похитительницы снов» и «Древо скрелингов», поскольку данная проблема в научном пространстве не изучена.

Ключевые слова: архетип; архетипический образ; образ-дериват; мировое древо; мировая ось; М. Муркок; рецепция; фэнтези.

Образец цитирования:

Косарева ЮС. Рецепция образов – дериватов архетипа мировой оси в романах М. Муркока. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;3:5–12. EDN: YFVNRG

For citation:

Kosareva YuS. The reception of derivative images of the world axis archetype in the novels by M. Moorcock. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;3:5–12. Russian. EDN: YFVNRG

Автор:

Юлия Сергеевна Косарева – аспирантка кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. В. Шамякина.

Author:

Yuliya S. Kosareva, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology. yu.s.kosareva@gmail.com

РЭЦЭПЦЫЯ ВОБРАЗАЎ – ДЭРЫВАТАЎ АРХЕТЫПА СУСВЕТНАЙ ВОСІ Ў РАМАНАХ М. МУРКОКА

Ю. С. КОСАРАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На прыкладзе раманаў М. Муркока «Дачка выкрадальніцы сноў» і «Дрэва скрэлінгаў» разглядаюцца архетыпічныя вобразы і міфалагемы, вытворныя ад архетыпа сусветнай восі. Даследуюцца ступень увасаблення гэтага архетыпа ў творах англійскага пісьменніка і ўзровень аўтарскай рэцэпцыі дадзенага вобраза. На аснове аналізу ўзаемазвязі паміж групамі вывучаемых вобразаў (архетып, архетыпічны вобраз, міфалагема) уведзіцца паняцце «вобраз-дэрыват». Так, напрыклад, архетыпічныя вобразы сусветнага дрэва і сусветнай гары, міфалагема ясеня Ігдрасіль або гары Алімп з'яўляюцца вобразамі – дэрыватамі архетыпа сусветнай восі. За кошт іх ключавой ролі ў арганізацыі хранатопу і мадэлі свету ў міфалогіі гэтыя вобразы адлюстроўваюцца ў мастацкай літаратуры. У прыватнасці, у раманах пісьменніка-фантаста М. Муркока такія вобразы-дэрываты займаюць цэнтральнае становішча, што сведчыць аб іх значнасці і важнасці ў аўтарскай светабудове. Навізна артыкула заключаецца ў даследаванні праяў архетыпічных вобразаў на матэрыяле раманаў М. Муркока «Дачка выкрадальніцы сноў» і «Дрэва скрэлінгаў», паколькі дадзеная праблема ў навуковай прасторы не вывучана.

Ключавыя словы: архетып; архетыпічны вобраз; вобраз-дэрыват; сусветнае дрэва; сусветная вось; М. Муркок; рэцэпцыя; фэнтэзі.

THE RECEPTION OF DERIVATIVE IMAGES OF THE WORLD AXIS ARCHETYPE IN THE NOVELS BY M. MOORCOCK

Yu. S. KOSAREVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the example of novels «Daughter of the dream thief» and «The screling tree» by M. Moorcock, archetypical images and mythologems derived from the archetype of the world axis are considered. The degree of embodiment of this archetype in the works of the English writer and the level of the author's reception are studied. Based on the analysis of the relationship between the groups of studied images (archetype, archetypical image, mythologeme), the concept of derivative image is introduced. So, for example, the archetypical images of the world tree and the world mountain, the mythologeme of the ash tree Yggdrasil or mount Olympus are images – derivatives of the prototype (archetype) of the world axis. Playing a key role in the organisation of the chronotope and the model of the world in mythology, they are also reflected in fiction. In particular, in the novels of science fiction writer M. Moorcock they occupy a central position, which indicates their significance and importance in the author's world order. The novelty of the article lies in the study of the manifestations of archetypical images on the material of novels «Daughter of the dream thief» and «The screling tree» by M. Moorcock, since this problem has not been studied in the scientific space.

Keywords: archetype; archetypical image; derivative image; world tree; world axis; M. Moorcock; reception; fantasy.

Введение

Архетип мировой оси является крупной смысловой моделью. В свое время этим вопросом занимались многие ученые. Значительную работу провел румынский религиовед М. Элиаде, который, опираясь на свои исследования в области шаманизма, рассмотрел мировую ось как связующую линию между тремя космическими зонами [1; 2]. Французский философ Р. Генон изучал осевую символику, а также значение образа центра мира в культуре, посвятив этому вопросу ряд трудов [3; 4]. Российские писатели С. Э. Ермаков и Д. А. Гаврилов, отталкиваясь от архетипа мировой оси, исследовали архетипические образы мирового древа и мировой горы, основываясь на мифологии, литературе, фольклоре и этнической символике разных народов [5].

Само понятие «архетип» тесно связано с психикой человека. Оно было введено известным психоаналитиком К. Г. Юнгом в рамках концепции коллективного бессознательного, которое выражается в сновидениях, мифах, а также в литературе [6]. Российский психолог В. В. Зеленский отмечает следующее: «Архетипы свидетельствуют о себе в сознании лишь посредством некоторых проявлений, а именно в качестве архетипических образов и идей»¹.

¹Зеленский В. В. Архетипы // Толковый слов. по аналит. психологии. СПб. : Б. и К., 2000. С. 42.

Наиболее часто в литературных произведениях мировая ось предстает как древо. Это объясняется тем, что данный архетипический образ является универсальным, поскольку согласно точке зрения В. Н. Топорова он описывает мифопоэтическую модель мира старого и нового света, а также отражается в изобразительном искусстве, архитектуре, ритуалах, социальных и экономических структурах, языке и возникает практически повсеместно и в самые разные эпохи [7, с. 324–325]. В свою очередь, архетипический образ может распадаться на мифологемы. Например, в литературе часто используется мифологема ясеня Иггдрасиль, что связано, возможно, с высокой степенью проработанности и сохранности дошедших до нас сведений о данном образе германо-скандинавской мифологии.

Необходимо отметить, что в мифологии архетип мировой оси наделен особой сакральностью, так как он связан с центром мира. Российский культуролог В. М. Пивоев указывает на то, что «освоенное пространство иерархически организовывалось концентрическими кругами вокруг центра мира, символизировавшегося камнем, столбом, а чаще всего мировым деревом, обозначающим мировую ось, которая связывала землю и небо» [8, с. 76]. Следовательно, мировую ось и производные от нее образы можно считать областью священного пространства, которое имеет высокое духовное значение.

Поскольку данные структуры субъективно понимаются писателями, в художественных произведениях они обретают разное описание и воплощение. Стоит упомянуть, что рецепция зависит от уровня знаний воспринимающего субъекта: чем значительнее пласт информации, тем больше возможность проанализировать объект с различных сторон. Данную идею подчеркивал и чешский исследователь В. Шмид, отмечая, что под восприятием понимается не только первое впечатление, но и процесс его обработки и осмысления [9, с. 125].

Наибольшее проявление архетипа мировой оси обнаруживается в литературе фэнтези. Известный российский филолог Е. М. Мелетинский полагал, что мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования [10, с. 129]. Следовательно, мифологические образы и мотивы так или иначе оказываются воплощенными в художественном произведении. Конкретно в литературе фэнтези процесс переосмысления первоисточников авторами проявляется наиболее ярко, так как данный жанр в основном построен на использовании мифологической и сказочной образности. Кроме того, события в таких произведениях развиваются в вымышленном (вторичном) мире, для описания структуры которого авторы нередко применяют мифологическую модель мира. Российский ученый Д. А. Батурин отмечает следующее: «Моделирование миров и культур наиболее последовательно и зримо воплощается в фантастической литературе, особенно в научной фантастике и в фэнтези. В рамках этих двух жанров создаются наиболее полные культурно-мифологические модели мира, которые становятся убедительными благодаря апелляции к общекультурным мифологемам и архетипам, хранящимся в коллективной памяти (коллективном бессознательном) человека, и поэтому легко узнаваемы» [11, с. 123–124].

Особенности литературы фэнтези, в том числе мифопоэтичность подобных произведений, освещались в исследованиях основателя данного жанра профессора филологии Дж. Р. Р. Толкина [12], а также в работах И. Д. Винтерле [13], Е. Н. Ковтун [14], С. В. Шамякиной [15] и др.

Архетип мировой оси с его конкретными проявлениями (древо, гора и т. д.) имеет яркое выражение в мифологии и культуре разных народов. Таким образом, можно говорить о его значимости и для литературы.

Новизна настоящей статьи обусловлена введением понятия «образ-дериват» в качестве производного образа, а также анализом его проявлений в романах М. Муркока. Творчество этого английского писателя на данный момент недостаточно изучено, на что указывает американский ученый Д. Л. Эмерсон [16]. Наиболее объемное исследование провел М. Скроггинс, затронувший творческий путь М. Муркока и рассмотревший особенности воплощения в его романах идей космического равновесия, мультивселенной и вечного воителя [17]. Данных вопросов касались также К. Каплан [18], Дж. Гардинер [19], О. С. Намчик, В. Н. Смирнов [20] и др. Кроме того, ранее в научной сфере специфика проявления архетипа мировой оси в творчестве М. Муркока не рассматривалась.

Цель исследования – анализ степени воплощения архетипа мировой оси в произведениях М. Муркока и уровня авторской рецепции данного образа. Использовались сравнительный, мифопоэтический и психоаналитический методы исследования, а также проводился рецептивный анализ рассматриваемых произведений.

Результаты и их обсуждение

Для начала стоит дать определение понятию «образ-дериват». Так, распространенное в английском языке слово *derivative* переводится на русский язык лексемой *производный*. Отметим, что дериват (лат. *derivatus*) трактуется как нечто, производное от чего-либо первичного². Рассмотрим также два ярких

²Дериват // Новейший большой толковый слов. рус. яз. / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Рипол-классик, 2008. С. 253.

примера использования данной лексемы в науке: в языкознании дериват представляет собой производное слово, т. е. слово, образованное от какого-либо другого слова или словосочетания³, а в биохимии – вещество, которое происходит из другого вещества и является его производным (например, нитробензол – это дериват бензола)⁴. На основании сказанного предлагается использовать названное понятие в литературоведении. Под образами-дериватами понимаются те образы, которые являются производными от первообраза. В данном случае, например, архетипические образы мирового древа и мировой горы выступают образами – дериватами архетипа мировой оси.

Древо. Древо – одно из центральных воплощений архетипа мировой оси, присутствующее в скандинавской (Иггдрасиль), индийской (Ашваттха), славянской (Мировой дуб) и других мифологиях. Первое упоминание подобного образа в произведениях М. Муркока встречается в начале романа «Дочь похитительницы снов». Писатель сравнивает дом, в котором живет главный герой, с деревом: «Моему интересу немало способствовал дом – старинный замок, который многожды перестраивали, добавляли к нему флигели и подсобные помещения. Он возвышался над пастбищами и лесистыми холмами, будто могучее дерево, окруженный кипарисами, тополями и ливанскими кедрами, которые мои предки-крестоносцы привезли из Святой Земли» [21, с. 10]. Окружающие этот дом дубы М. Муркок характеризует как пристанище для душ ушедших родственников: «...и саксонскими дубами, в которых, как гласили легенды, обитали души моих еще более ранних предков, сливаясь воедино с родимой почвой» [21, с. 10]. Сам по себе образ дуба представляется священным у многих народов, что подчеркивает В. Е. Борейко: «Дуб является одним из самых любимых и почитаемых среди европейских народов деревом» [22, с. 7].

С образом древа у М. Муркока тесно связано понятие «мультивселенная», которое он переосмыслил для жанра научной фантастики в 1963 г. Согласно его идее мультивселенная предполагает совокупность возможных альтернативных вселенных или параллельных миров⁵. Писатель неоднократно высказывал эту мысль через персонажей своих романов: «Для меня мультивселенная – огромное дерево, растущее непрерывно, выпускающее новые корни, простирающее ветви во все стороны и направления; и каждый корень, каждая ветвь – отдельная реальность, отдельная история, рассказанная собственными словами» (Оуна) [21, с. 196]; «Мультивселенная – это дерево...» (Лобковиц) [23]; «Мультивселенная и дерево – одно и то же, они заключены друг в друге» (Лобковиц) [23].

В мифологии разных народов древо является основой мироздания, осью, вокруг которой «распускаются» миры. Кроме того, М. Муркок приравнивает ветви древа к своеобразным дорогам, ведущим в иные измерения, что еще больше сближает образ, воплощенный в романах, с образом космического древа: «Каждый изгиб лунного пути, ветви великого вечного древа ведет нас к новым знаниям, пониманию самих себя» [23]. Здесь важно отметить, что в шаманизме хождение в другие миры через мировую ось (древо, гору, столп и т. д.) является ключевым элементом идеологии. Данный мотив неоднократно используется в рассматриваемых произведениях. Так, в романе «Дочь похитительницы снов» главному герою Эльрику необходимо было пройти по лунным дорогам, чтобы освободиться от вредоносных чар и вернуться в свое тело. Для этого он погружается в мистический сон, и его путь начинается у древа: «Впереди возвышалось высоченное серебряное древо, корни которого охватывали ствол, а ветви терялись в необозримой вышине. Никогда в жизни я не видел ничего столь прекрасного, столь непостижимого... Да, я находился вне мироздания и глядел на ветвистое древо мультивселенной, ни на мгновение не прекращавшее расти и умирать. Ветви переплетались, образуя сложнейшие узоры, подобные фрагментам изысканнейшей на свете филигрании, и за их переплетением невозможно было уловить и воспринять общую картину. Я знал, что смотрю на бесконечную вереницу миров. <...> Я осторожно шагнул вперед и шел, пока не приблизился к дереву настолько, что видел теперь только ближайшую ветку, по которой двигались какие-то фигурки, переходившие из мира в мир» [21, с. 314]. В романе «Древо скрелингов» героиня Оуна засыпает под ветвистым деревом в пещере и также во сне путешествует по дереву: «Древо, под которым я спала, превратилось в мультивселенную, по которой я бродила» [23]. В конце книги писатель снова обращает внимание на то, что ветви древа представляют собой особые пути для путешествия в другие миры: «Ветви были не просто ветвями, а извилистыми серебристыми тропами, по которым ходили мужчины и женщины... Ветви изгибались под разными углами, выпуская все новые, а те образовывали матрицы внутри матриц, миллиарды реальностей, каждая из которых была вариантом моей собственной» [23].

В романе «Древо скрелингов», когда герои достигают своей цели (добираются до священного города), М. Муркок описывает священное древо, которое предстает перед ними, следующим образом: «Мы стояли

³Дериват // Большой академ. слов. рус. яз. : в 26 т. Т. 5. Деньга – Жюри / ред. Л. И. Балахонова. М. : Наука, 2006. С. 35.

⁴Дериват // Новейший большой толковый слов. рус. яз. ... С. 253.

⁵Multiverse [Electronic resource]. URL: <http://www.sf-encyclopedia.com/entry/multiverse> (date of access: 02.02.2023).

среди колышущихся ветвей у вершины гигантского дерева. Земля была так далеко внизу, что я не мог ее разглядеть. Только безбрежное море листвы. Я смотрел сквозь хитросплетение толстых ветвей, сучьев и листьев, дивясь сложности этого организма, растущего из одного-единственного огромного ствола. Уходя вдаль на много миль, массивные ветви несли на себе более мелкие, а те, в свою очередь, разветвлялись вновь» [23]. Затем писатель подчеркивает родство образов дерева и горы, соединяя их в конкретной точке: «Моему изумлению не было предела. Город заключал в себе гору, а в горе рос этот бескрайний дуб!» [23]. Один из героев поясняет, что название города, в котором растет дерево мультивселенной, означает «гора дерева». Необходимо отметить, что образы горы и дерева в мифологии разных народов часто являются взаимозаменяемыми [24, с. 422]. В произведении отражен еще один элемент, связанный с данным образом, – воды: «...молочно-белые и зеленые реки, испещренные пузырящимися лужицами. Я почувствовал сильный запах соли» [23]. Образ водного источника (ручьи, реки и т. д.) у дерева можно обнаружить в скандинавской, индийской и других мифологиях. Там же есть место и образу змея-дракона, покоящегося у корней: «Дракон, который защищает корни, но и грызет их. Эта легенда в том или ином виде существует почти во всех мифологиях вашего мира» [23]. Поскольку эпиграфы в книге повторяют стиль, свойственный исландской поэзии, а также содержат цитаты (прямые или косвенные) из текстов Старшей Эдды, в ней встречается прямая отсылка к дракону Нидхёгг из скандинавской мифологии: «Не ведают люди, какие невзгоды у ясеня Иггдрасиль: корни ест Нидхёгг» [25, с. 90]. И наконец, М. Муркок отразил важную черту данного образа – взаимосвязь с божественным началом: «Мной овладело радостное ликование, мне казалось, что я нахожусь рядом с самим Всевышним» [23].

Таким образом, в рассматриваемых романах М. Муркока дерево становится основой вторичного мира писателя. Это подчеркивается соединением образа дерева с идеей мультивселенной. Вводя в романы данный образ, который является космологическим для многих мифологий, М. Муркок стремится создать логичную и устойчивую систему. В то же время писатель заимствует из разных мифологий (для написания романа «Древо скрелингов» автор черпал вдохновение из скандинавской мифологии, что следует из стиля отдельных элементов произведения) различные аспекты, связанные с этим образом (водные источники и дракон у дерева, связь дерева и горы и т. д.), и по большей части оставляет их неизменными.

Священный город. Священный город является еще одним образом – дериватом архетипа мировой оси. Ранее отмечалось, что дерево было заключено в гору, а гора находилась в городе. Необходимо подчеркнуть, что путь к нему для героев был сопряжен со многими трудностями. Н. С. Широкова полагает, что добраться до сакрального центра весьма проблематично: «Действительно, имеются описания сокровенных и труднодостижимых духовных центров, созданные в разных странах: это Агартха-Шамбала индуистской традиции, Салем ‘град мира’, а также таинственный город Луз иудаистской традиции» [26, с. 71]. О городе как о сакральном центре писал и известный ученый Р. Генон: «...центр изображается в виде города, крепости, храма или дворца» [3, с. 114]. Возвращаясь к роману «Древо скрелингов», обратим внимание на описание золотого города, в котором находилось дерево мультивселенной: «В центре замерзшего озера, примерно в двух километрах от берега, вздымалась огромная блистающая пирамида... Эта чудовищная ступенчатая пирамида высотой с небоскреб являла собой целый город внутри единого строения» [23]; «Я видел пирамиду. Из чистого золота» [23]. Р. Генон отмечал, что символ горы или пирамиды соотносится с образом оси мира [3, с. 140]. Кроме того, он подчеркивал, что священные и духовные города связаны с образом центра мира: «...разнообразие символов, его (центр. – Ю. К.) олицетворявших, таких как гора, пещера, остров и еще многие другие, по большей части тесно» сопряжены «с символикой “полюса” или “оси мира”» [3, с. 114]. М. Муркок отсылает к тому, что сакральный город, который искали герои его романа, находится в своеобразном центре мира: «Он (город. – Ю. К.) стоит в центре озера, в точке, где край мира смыкается с Полярной звездой»; «Мультивселенная – это дерево, дерево растет в доме, дом стоит на острове в середине озера» [23].

Следовательно, образ священного города у М. Муркока является переосмыслением образа центра мира, известного в различных культурах. Он играет ключевую роль, поскольку представляет собой конечную и вместе с тем сакральную точку назначения героев, достигнув которой они смогут обрести желаемое.

Грааль. Образ Грааля, производный от архетипа мировой оси, также имеет важное значение в произведениях М. Муркока. В книге «Дочь похитительницы снов» Грааль изображается следующим образом: «Он находился в самом центре обсидианового круга – висел, не касаясь поверхности; это был обыкновенный на вид камень, мелко вибрировавший и издававший звуки... <...> И вдруг камень стал меняться на моих глазах. <...> На месте камня возникла огромная золотая чаша, украшенная самоцветными камнями, наполненная по кромку густым красным вином, которое переливалось через края... <...> Чаша стремительно уменьшалась, как бы съеживалась – пока наконец не преобразилась в золотой, отделанный драгоценными камнями посох... <...> На мгновение он превратился в маленького ребенка с прекрасным ангельским личиком, вновь стал самим собой, затем обернулся изящной золотой стрелой» [21, с. 213]. Во-первых, важное представление о Граале как о камне встречается в известном романе

В. фон Эшенбаха «Парцифаль»: «...вожделеннейший камень Грааль» [27, с. 136]; «Грааль – это камень особой породы: *lapsit exillis*» [27, с. 232]. В книге М. Бейджента, Р. Лея и Г. Линкольна «Святая кровь и святой Грааль» (обладающей скандальной репутацией, однако являющейся достойной внимания в качестве источника информации) дается следующий комментарий: «...Грааль стал камнем, и его интерпретации имели очень много более или менее достоверных толкований слов “*lapsit exillis*”. Действительно, в нем можно увидеть “*laipis ex caelis*” (‘камень, пришедший с небес’), “*lapsit ex cadis*” (‘упавший с небес’), “*lapis lapis ex caelus*” (‘камень, упавший с небес’), и, наконец, “*lapis elixir*”, знаменитый и сказочный философский камень алхимиков» [28, с. 299]. Р. Генон также утверждал, что «Грааль был... выточен из камня, который... упал с неба» [3, с. 201].

Во-вторых, писатель отразил в Граале образ ребенка. М. Бейджент, Р. Лей и Г. Линкольн отмечали, что, когда Гавейн увидел Грааль, ему показалось, будто в сердцевине Грааля просматривается фигура ребенка [28, с. 293]. В-третьих, существует мнение о том, что Грааль – это чаша с кровью Иисуса Христа⁶. Образ чаши М. Муркок использовал и в романе «Дочь похитительницы снов» («Грааль – магическая чаша, которая возвращает жизнь» [21, с. 385]), и в книге «Древо скрелингов» («Грейдейл – так называлась ритуальная чаша» [23]). Наконец, образ стрелы, отраженный в романах М. Муркока, может быть соотнесен с сакральным образом копья, который, в свою очередь, представляет собой проявление архетипа мировой оси. Это подтверждается и словами Р. Генона о том, что «копье, расположенное вертикально, есть одно из изображений “оси мира”, отождествляемой с “небесным лучом”... и можно напомнить в этой связи частые уподобления солнечного луча оружию, например копью или стреле» [3, с. 99–100]. В рассматриваемых романах Грааль помещается писателем в сердце мира, которое эквивалентно мировой оси: «Серые жилы – суть мультивселенной... та самая субстанция, из которой произошло все остальное, плоть и кровь мироздания. Там, откуда они растут, изначально пребывал священный Грааль» [21, с. 196]; «Он (Грааль. – Ю. К.) был точкой опоры самого равновесия» [23].

Таким образом, писатель заимствует из культуры и мифологии образ Грааля, наделяя его известными чертами и характеристиками. Как и образы древа и священного города, связанные с архетипом мировой оси, образ Грааля несет значительную смысловую нагрузку. В романах он становится образом власти, божественной силы, которая в руках деструктивных героев способна перевернуть мир, разрушить его до основания. М. Муркок, вводя его в произведения, стремится затронуть этические вопросы в диалоге с читателем.

Меч. Особое место в романах М. Муркока отводится и образу Черного меча (Равенбранд и Буреносец), который является важным атрибутом главных героев (Ульрика и Эльрика) и соотносится писателем с космическим равновесием. Мечи называются братьями: «Это был Равенбранд, брат моего Буреносца» [23]; «Равенбранд был семейным достоянием, но я почти не знал его историю, только то, что он каким-то образом является тем же мечом, что и Буреносец Эльрика. В моем мире он обладал сверхъестественными качествами, однако в его собственном мире, как мне было известно, могущество Равенбранда бесконечно возрастало» [23]. Оба предмета, хранителями которых являлись Ульрик и Эльрик, представлялись им обузой: «Я лишился дьявольского клинка Буреносца, который был для меня тяжким бременем и в котором я так нуждался» [23]. Мечи обладали особой аурой, способствующей развитию безумия или помешательства: «Некоторые мои предки впадали в безумие... и использовали меч в ситуациях, о которых мы предпочли бы забыть» [21, с. 12]. Это обусловлено тем, что клинки постоянно требовали крови и насыщали своих хозяев энергией поверженных душ. Поскольку в романах меч является и отражением страданий, и образом мировой оси (связан с космическим равновесием), он соотносится и с образом креста: «М. (меч. – Ю. К.) в мифологиях наделяется специфически амбивалентной семантикой, сводимой к основному противопоставлению *жизнь – смерть*. <...> Подобная амбивалентность мифологически интерпретируется сближением М. (с лезвием и рукоятью, разделенными эфесом) с одним из наиболее емких символов – *крестом*»⁷. Последний выступает «...универсальным символом единства жизни и смерти, засвидетельствованным в самых разных мифопоэтических и религиозных системах», крест «...соотнесен и с образом мучения и смерти. И прежде всего он сам ее орудие, инструмент пыток, страстей, мук и ужаса»⁸.

В конце книги «Древо скрелингов» Черный меч был помещен в сердце древа для восстановления равновесия: «Потом я повернул меч, нацелил его на верхушку дерева и вонзил туда, все глубже проникая в душу всех времен, в сердце всех пространств, в толщу древа скрелингов. Погружаясь внутрь, меч не расщеплял, а скорее раздвигал его плоть... <...> Внутри раскидистого дуба виднелся черный клинок,

⁶Грааль // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А – К (Корейская мифология) / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1987. С. 317.

⁷Меч // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. К (Корибанты) – Я / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1988. С. 149.

⁸Крест // Там же. С. 12–13.

его гарда вытягивалась среди ветвей, а кончик рукояти мерцал, будто звезда. Черный меч полностью слился с деревом, став неотъемлемой частью его организма. <...> Мы стояли, глядя на дерево скрелингов, на огромный черный стержень равновесия» [23]. Согласно историям героев ранее меч находился внутри древа: «Мы растим дерево мультиселенной, мы храним меч, который живет в сердце этого дерева, и служим равновесию, которое опирается на это дерево» [23]. Р. Генон также соотносил образ меча с архетипом мировой оси: «...копье, сказали мы, является также символом “небесного луча”. <...> Но это равным образом объясняет и то, что копье так же, как меч и стрела, в конечном счете являющиеся его эквивалентами, иногда отождествляется с солнечным лучом» [3, с. 204–205].

Таким образом, образ меча тесно связан с архетипом мировой оси, поскольку в рассматриваемых романах он выступает как символ равновесия и соотносится с его проявлениями – образами креста и древа. М. Муркок наделяет ключевых персонажей (Эльрика и Ульрика) данным атрибутом, желая подчеркнуть их уникальность и избранность. Здесь проводится параллель с христианским мифом: и крест для Иисуса, и меч для героев романов являются одновременно и наказанием, и избавлением.

Заключение

Архетип мировой оси выступает крупной смысловой моделью и в художественных произведениях отражается посредством образов-дериватов, производных от первообраза (в данном случае, например, архетипический образ мирового древа – дериват архетипа мировой оси). Так, рассмотренные образы-дериваты играют основополагающую роль в созданной М. Муркоком реальности. Заимствуя элементы из культурной, в том числе мифологической, среды, писатель гармонично вплетает эти образы в ткань произведения, наделяет их особыми чертами. В частности, древо символизирует основу, структуру, которая «держит» миры. В романе «Древо скрелингов» оно располагается в священном городе, соединенном с центром мира. В центре мира пребывает и Грааль, который представляет собой предмет сверхъестественной силы. Схожим свойством наделен выступающий символом равновесия меч, который помещается в сердце древа. Все четыре образа оказываются переплетены и взаимосвязаны, т. е. они коррелируют друг с другом. Следовательно, переосмысляя образы – дериваты архетипа мировой оси и их элементы, М. Муркок выстраивает гармоничную базисную структуру вторичного мира.

Библиографические ссылки

1. Элиаде М. *Космос и история*. Васильева АА, Рокитянский ВР, Борисова ЕГ, переводчики; Григулевич ИР, Гаспаров МЛ, редакторы. Москва: Прогресс; 1987. 311 с.
2. Элиаде М. *Священное и мирское*. Гарбовский НК, переводчик. Москва: Издательство Московского университета; 1994. 144 с.
3. Генон Р. *Символы священной науки*. Тирос Н, переводчик. Москва: Беловодье; 1997. 494 с.
4. Генон Р. *Символика креста*. Фадеева ТН, Стефанов ЮН, переводчики. Москва: Прогресс-традиция; 2004. 703 с.
5. Ермаков СЭ, Гаврилов ДА. *Опора мироздания: мировое древо и скала времен в традиционной культуре*. Москва: Ганга; 2009. 282 с.
6. Юнг КГ. *Архетип и символ*. Руткевич АМ, составитель. Москва: Канон+; 2021. 335 с.
7. Топоров ВН. *Мировое древо: универсальные знаковые комплексы. Том 2*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2010. 496 с.
8. Пивоев ВМ. *Мифологическое сознание как способ освоения мира*. Петрозаводск: Карелия; 1991. 109 с.
9. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 311 с.
10. Мелетинский ЕМ. *От мифа к литературе*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. 167 с.
11. Батурин ДА. Неомифологическая сущность фэнтези. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2013;3:123–126.
12. Толкин ДжРР. *Чудовища и критики*. Гаврикова О, Артамонова М, Лихачева С, Иосад П, переводчики. Москва: Хранитель; 2008. 413 с.
13. Винтерле ИД. Миф как основа литературы фэнтези. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2012;1(2):37–39.
14. Ковтун ЕН. *Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века)*. Москва: Издательство Московского университета; 1999. 306 с.
15. Шамякина СВ. *Verbo tenus (у прасторы слова)*. Минск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2003. 145 с.
16. Emerson DL. «Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain» by Mark Scroggins, «The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock» by Jeff Gardiner. *Mythlore*. 2020;39(1):212–215.
17. Scroggins M. *Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain*. Jefferson: McFarland&Company; 2016. 212 p.
18. Kaplan C. Fractal fantasies of transformation: William Blake, Michael Moorcock, and the utilities of mythographic shamanism. In: Hassler DM, editor. *New boundaries in political science fiction*. Columbia: University of South Carolina Press; 2008. p. 35–52.
19. Gardiner J. *The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock*. Manchester: Headpress; 2015. 174 p.
20. Наумчик ОС, Смирнов ВН. Концепция мультиселенной в литературе фэнтези: от М. Муркока до А. Сапковского. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020;42(3):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463.
21. Муркок М. *Дочь похитительницы снов*. Башкирцев А, переводчик. Москва: Эксмо-пресс; 2002. 480 с.

22. Борейко ВЕ. *Лесной фольклор: древа жизни и священные рощи*. Киев: Логос; 2003. 216 с.
23. Муркок М. *Древо скрелингов* [Интернет]. 2019 [процитировано 2 февраля 2023 г.]. Доступно по: <https://avidreaders.ru/read-book/drevo-skrelingov.html>.
24. Криничная НА. *Русская мифология: мир образов фольклора*. Москва: Академический проект; 2004. 1005 с.
25. Корсун А, переводчик. *Старшая Эдда*. Санкт-Петербург: Азбука; 2011. 461 с.
26. Широкова НС. *Культура кельтов и нордическая культура античности*. Санкт-Петербург: Евразия; 2000. 349 с.
27. фон Эшенбах В. *Парцифаль*. Гинзбург ЛВ, переводчик. Москва: Русский путь; 2004. 349 с.
28. Бейджент М, Лей Р, Линкольн Г. *Святая кровь и святой Грааль*. Скобей В, переводчик. Москва: Крон-пресс; 1997. 478 с.

References

1. Eliade M. *Kosmos i istoriya* [Cosmos and history]. Vasil'eva AA, Rokityanskii VR, Borisova EG, translators; Grigulevich IR, Gasparov ML, editors. Moscow: Progress; 1987. 311 p. Russian.
2. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The sacred and the profane]. Garbovskii NK, translator. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1994. 144 p. Russian.
3. Guenon R. *Simvol'y svyashhennoi nauki* [Symbols of sacred science]. Tiros N, translator. Moscow: Belovod'e; 1997. 494 p. Russian.
4. Guenon R. *Simvolika kresta* [The symbolism of the cross]. Fadeeva TN, Stefanov YuN, translators. Moscow: Progress-traditsiya; 2004. 703 p. Russian.
5. Ermakov SE, Gavrilov DA. *Opора mirozdaniya: mirovye drevo i skala vremen v traditsionnoi kul'ture* [The pillar of the universe: the world tree and the rock of times in traditional culture]. Moscow: Ganga; 2009. 282 p. Russian.
6. Jung CG. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Rutkevich AM, compiler. Moscow: Kanon+; 2021. 335 p. Russian.
7. Toporov VN. *Mirovye derevo: universal'nye znakovye komplekсы. Tom 2* [The world tree: universal sign complexes. Volume 2]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2010. 496 p. Russian.
8. Pivoev VM. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk: Kareliya; 1991. 109 p. Russian.
9. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2003. 311 p. Russian.
10. Meletinskii EM. *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000. 167 p. Russian.
11. Baturin DA. [The neo-mythological essence of fantasy]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013; 3:123–126. Russian.
12. Tolkien JRR. *Chudovishcha i kritiki* [The monsters and the critics]. Gavrikova O, Artamonova M, Likhacheva S, Iosad P, translators. Moscow: Khramitel'; 2008. 413 p. Russian.
13. Vinterle ID. [Myth as the basis of fantasy literature]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;1(2):37–39. Russian.
14. Kovtun EN. *Poetika neobychainogo: khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka)* [Poetics of the extraordinary: the artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth (on the material of European literature of the first half of the 20th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1999. 306 p. Russian.
15. Shamyakina SV. *Verbo tenus (u prastory slova)* [Verbo tenus (in the space of words)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2003. 145 p. Belarusian.
16. Emerson DL. «Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain» by Mark Scroggins, «The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock» by Jeff Gardiner. *Mythlore*. 2020;39(1):212–215.
17. Scroggins M. *Michael Moorcock: fiction, fantasy and the world's pain*. Jefferson: McFarland&Company; 2016. 212 p.
18. Kaplan C. Fractal fantasies of transformation: William Blake, Michael Moorcock, and the utilities of mythographic shamanism. In: Hassler DM, editor. *New boundaries in political science fiction*. Columbia: University of South Carolina Press; 2008. p. 35–52.
19. Gardiner J. *The law of chaos: the multiverse of Michael Moorcock*. Manchester: Headpress; 2015. 174 p.
20. Naumchik OS, Smirnov VN. Concept of the multiverse in fantasy literature: from M. Moorcock to A. Sapkowski. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(3):43–51. Russian. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463.
21. Moorcock M. *Doch' pokhititel'nitsy snov* [Daughter of the dream thief]. Bashkirtsev A, translator. Moscow: Eksmo-press; 2002. 480 p. Russian.
22. Boreiko VE. *Lesnoi fol'klor: dreva zhizni i svyashchennye roshchi* [Forest folklore: trees of life and sacred groves]. Kiev: Logos; 2003. 216 p. Russian.
23. Moorcock M. *The screling tree* [Internet]. 2019 [cited 2021 February 2]. Available from: <https://avidreaders.ru/read-book/drevo-skrelingov.html>. Russian.
24. Krinichnaya NA. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: a world of folklore images]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2004. 1005 p. Russian.
25. Korsun A, translator. *Starshaya Edda* [The Elder Edda]. Saint Petersburg: Azbuka; 2011. 461 p. Russian.
26. Shirokova NS. *Kul'tura kel'tov i nordicheskaya kul'tura antichnosti* [Celtic and Nordic culture of antiquity]. Saint Petersburg: Evraziya; 2000. 349 p. Russian.
27. fon Eshenbach W. *Partisifal'* [Parzival]. Ginzburg LV, translator. Moscow: Russkii put'; 2004. 349 p. Russian.
28. Baigent M, Leigh R, Lincoln H. *Svyataya krov' i svyatoi Graal'* [The holy blood and the holy Grail]. Skobei V, translator. Moscow: Kron-press; 1997. 478 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023.
Received by editorial board 04.08.2023.

УДК 821.111(73)

РОМАН ДЖ. СМАЙЛИ «ТЫСЯЧА АКРОВ»: АМЕРИКАНСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ЛИР»

Я. А. АЛЕКСЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется специфика рецепции трагедии У. Шекспира «Король Лир» в романе Дж. Смайли «Тысяча акров». Актуальность и теоретическая значимость изучения данного вопроса объясняются необходимостью систематизировать достижения литературного процесса рубежа XX–XXI вв., обозначить тенденции переосмысления наследия драматурга в США. Устанавливается, что писательница адаптирует претекст под американскую действительность, сохраняя сюжет и основных действующих лиц пьесы узнаваемыми. Центр повествования смещается, что позволяет представить женский взгляд на события. В соответствии с основными проблемно-тематическими полями в романе выявляются элементы феминистской и экологической (объединенных идеями экофеминизма), а также социально-критической, психологической и философской прозы. Обосновывается, что творчество чужого автора становится частью национальной культуры США и одним из факторов, влияющих на процесс нациогенеза.

Ключевые слова: национальное самосознание; национальный характер; пасторальный миф; рецепция; современная адаптация; шекспировский сюжет; экофеминизм.

РАМАН ДЖ. СМАЙЛІ «ТЫСЯЧА АКРАЎ»: АМЕРЫКАНСКАЯ АДАПТАЦЫЯ ТРАГЕДЫІ У. ШЭКСПІРА «КАРОЛЬ ЛІР»

Я. А. АЛЯКСЕЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца спецыфіка рэцэпцыі трагедыі У. Шэкспіра «Кароль Лір» у рамане Дж. Смайлі «Тысяча акраў». Актуальнасць і тэарэтычная значнасць вывучэння дадзенага пытання тлумачацца неабходнасцю сістэматызаваць дасягненні літаратурнага працэсу мяжы XX–XXI стст., акрэсліць тэндэнцыі пераасэнсавання спадчыны драматурга ў ЗША. Устанаўліваецца, што пісьменніца адаптуе прэтэкст пад амерыканскую рэчаіснасць, захоўваючы сюжэт і асноўных дзеючых асоб п'есы пазнавальнымі. Цэнтр апавядання зрушваецца, што дазваляе прадставіць жаночы погляд на падзеі. У адпаведнасці з асноўнымі праблемна-тэматычнымі палямі ў рамане выяўляюцца элементы феміністычнай і экалагічнай (аб'яднаных ідэямі экафемінізму), а таксама сацыяльна-крытычнай, псіхалагічнай і філасофскай прозы. Абгрунтоўваецца, што творчасць чужога аўтара становіцца часткай нацыянальнай культуры ЗША і адным з фактараў, якія ўплываюць на працэс нацыягенезу.

Ключавыя словы: нацыянальная самасвядомасць; нацыянальны характар; пастаральны миф; рэцэпцыя; сучасная адаптацыя; шэкспіраўскі сюжэт; экафемінізм.

Образец цитирования:

Алексеевко ЯА. Роман Дж. Смайли «Тысяча акров»: американская адаптация трагедии У. Шекспира «Король Лир». Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023;3:13–20.
EDN: RMOKBD

For citation:

Aliakseyenka YaA. J. Smiley's «A thousand acres»: American adaptation of W. Shakespeare's «The tragedy of King Lear». Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023;3:13–20.
Russian.
EDN: RMOKBD

Аўтор:

Янина Алексеевна Алексеевко – преподаватель-стажер кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутырчик.

Author:

Yanina A. Aliakseyenka, trainee lecturer at the department of foreign literature, faculty of philology.
alexeeenko_1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1430-4880>

J. SMILEY'S «A THOUSAND ACRES»: AMERICAN ADAPTATION OF W. SHAKESPEARE'S «THE TRAGEDY OF KING LEAR»

Ya. A. ALIAKSEYENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the specifics of the reception of W. Shakespeare's «The tragedy of King Lear» in J. Smiley's «A thousand acres». The current importance and theoretical significance of the research is explained by the need to systematise the achievements of the literary process at the turn of the 20th–21st centuries, to identify modern trends in the revision of the playwright's legacy in the USA. The writer adapts the pretext to American reality, keeping the plot and the main characters of the play recognisable. The centre of the narrative shifts, allowing to hear the female version of events. In accordance with the main problem-thematic aspects of the novel, elements of feminist and ecological (united by the ideas of ecofeminism), socio-critical, psychological and philosophical prose are distinguished. The foreign author's literary works become a part of the national culture of the USA and one of the factors which affect the process of nationogenesis.

Keywords: national identity; national character; pastoral myth; reception; modern adaptation; Shakespeare's plot; ecofeminism.

Введение

Фигура У. Шекспира – одна из неотъемлемых составляющих английского национального самосознания. Любовь к шекспировскому театру можно назвать отличительной чертой английскости (*Englishness*). Более того, в контексте постколониального дискурса интертекстуальные связи с творчеством драматурга становятся и частью британскости (*Britishness*), так как на смену понятиям «английская литература» и «английская культура» приходят термины с определением «британский». Почитание великого барда – это своего рода религия. Б. Шоу придумал специальный термин для такого чрезмерного восхищения писателем – «бардопоклонство» (*bardolatry*). Этот феномен объясняет повышенный интерес к рецепции творчества У. Шекспира в рамках национальной литературной традиции. Для американцев английский классик становится не менее значимой личностью: его пьесы и сонеты входят в школьную программу, он является одним из самых читаемых авторов в США, его драмы ставятся наиболее часто. Историко-культурный парадокс заключается в том, что американская нация, стремящаяся к максимальному дистанцированию от британского прошлого, долгое время отвергает чужое и активно создает новую культуру в течение нескольких столетий. По отношению же к У. Шекспиру, как указывает К. С. Стерджесс, американцы бессознательно употребляют местоимение *наш* и считают его частью своего культурного наследия: «...произведения Уильяма Шекспира, английского драматурга, были приняты всеми гражданами Соединенных Штатов, и истории, содержащиеся в пьесах, сегодня считаются частью американского культурного наследия. В XIX в. американцы научились использовать притяжательное местоимение *наш* при упоминании Шекспира, чего не делали с другими иностранными писателями»¹ [1, р. 16]. Исследователи предлагают различные объяснения данного феномена, с которыми можно как согласиться, так и поспорить. Среди них выделяются следующие гипотезы:

- пьесы У. Шекспира – одна из немногих точек соприкосновения различных групп населения;
- творчество барда выступает как объединяющая сила (язык, культура, символика, философия) во время Войны Севера и Юга в XIX в.;
- произведения драматурга представляют собой метаязык, позволяющий выразить все, что сближает его с Библией в некотором роде;
- в США отсутствует величина такого масштаба на этапе становления государственности;
- в Америке изначально распространяется именно британский театр с приезжими актерами;
- шекспировский язык близок к стилю Библии короля Якова, что способствовало не только пониманию и распространению, но и восприятию пьес барда как светского Священного Писания;
- литературное наследие носит универсальный характер;
- ораторское искусство пользуется популярностью;
- в XIX в. распространяются расистские идеи англосаксонизма и предопределенности судьбы Америки;
- шекспировские тексты являются призмой, сквозь которую можно проанализировать национальное прошлое и др. [1; 2].

¹Здесь и далее перевод наш. – Я. А.

Профессор Дж. Шапиро объясняет, каким образом удается избежать противоречий между английской и американской ментальностью: «Многие из проблем, которые волновали Шекспира и его современников в конце XVI в. (опасности автократического правления; воображаемая угроза, исходящая от представителей разных рас, религий или национальностей; размытые гендерные границы), продолжали волновать американцев XIX в. Шекспир удобно сформулировал их как конфликты (разрешаемые путем кровопролития в его исторических пьесах и трагедиях и более мирно, хотя и временно, в комедиях), социальные и политические столкновения, которые вполне можно рассматривать через призму прошлого и настоящего Америки» [2, р. 8]. Действительно, на первый взгляд кажется странным, что американцы спокойно относятся к сюжетам укрощения женщины мужем, убийства мавром белой женщины, на которой он женат, угроз еврея по отношению к христианину, а также к повторяющимся в пьесах У. Шекспира мотивам инцеста, супружеской измены, суицида и т. д. Возможно, именно в этом кроется причина популярности пьес английского драматурга среди населения США: в них затрагиваются темы, которые волновали американцев, в том числе те, на которые не принято (было) говорить. Необходимо обратить внимание на изменения, происходящие в постановочной традиции вслед за развитием общества. Сегодня спектакли по пьесам великого барда и экранизации его текстов являются гораздо более репрезентативными с точки зрения расового и гендерного признаков, что можно рассматривать как доказательство универсальности творчества У. Шекспира и наличия в нем адаптивного потенциала.

Дж. Смайли – американская писательница-романист, признанный автор коротких рассказов и критических работ, профессор гуманитарных и естественных наук, член Американской академии искусств и литературы. В 1992 г. она была удостоена Пулитцеровской премии за роман «Тысяча акров» (1991), в котором поднимаются важные для американского общества и в то же время универсальные вопросы и проблемы, а рецепция литературного наследия У. Шекспира тесно переплетается с осмыслением специфики национальной идентичности американцев. Данное исследование позволяет дополнить разработки белорусских литературоведов Т. Е. Комаровской [3; 4] и А. М. Бутырчик [5], посвященные переосмыслению трагедии У. Шекспира «Король Лир» (1608) современным автором. В зарубежной критике специфике адаптации классического сюжета посвящены статьи С. Р. Фарриса [6], Дж. А. Шиффа [7] и Д. Браунера [8]. В ряде работ затрагиваются отдельные аспекты поэтики романа, например в статье Н. Н. Бочеговой и Д. В. Портнягина [9]. В исследованиях М. Лесли [10], Дж. Бендера [11], С. Стреле [12], С. Макдермотт [13] и С. Хикса [14] реализуется междисциплинарный подход к анализу художественного произведения.

Результаты и их обсуждение

На протяжении нескольких веков английские поэты, прозаики и драматурги обращаются к осмыслению жизни и творчества знаменитого стратфордца в различных формах, в том числе в виде адаптаций и пересказов. Известно, что первые драматические адаптации пьес У. Шекспира обнаруживаются после Реставрации 1660 г. Среди зачинателей данной традиции стоит отметить У. Давенанта, Дж. Ховарда и Дж. Драйдена. В XXI в. интерес к трагедиям и комедиям У. Шекспира не утихает. В частности, появляются пересказы в прозаической форме. Один из ярких примеров – проект издательства «Хогарт пресс» (*The Hogarth Shakespeare project*), приуроченный к четырехсотлетней годовщине со дня смерти барда. В рамках этого проекта известные авторы (преимущественно представители англофонной литературы) переписывают канонические пьесы на современный лад. Во второй половине XX в. писатели в полной мере осознают трансформационный потенциал классической литературы. Этот феномен отчасти объясняется доминированием постмодернистских установок в культурной парадигме того времени: в центре литературного процесса находятся такие принципы постмодернистского мировосприятия, как эпистемологическая неуверенность, релятивизм, плюрализм истин, тотальная ирония, игра, интертекстуальность. Преодоление однозначности повествования и эксперименты с нарративом позволяют по-новому взглянуть на шекспировские тексты. Дж. Шифф называет еще две очевидные причины популярности адаптаций на рубеже веков: «Во-первых, изменения как в литературном каноне, так и в культуре в целом, особенно в том, что касается вопросов пола, класса и расы, повлияли на наше восприятие канонических текстов. Авторы современных пересказов пытаются взглянуть на “мифическую” историю с новой или даже с маргинальной точки зрения. <...> Мода может быть второй причиной увеличения количества пересказов» [7, р. 368–369]. Вместе с тем для адаптации выбираются источники, в которых реализуется один или несколько архетипов, имеются пробелы в сюжете, неоднозначные моменты, элемент недосказанности. Они должны быть известны широкой читательской аудитории.

Дж. Смайли предлагает современную интерпретацию трагедии У. Шекспира «Король Лир» – американский роман «Тысяча акров», который можно поставить в один ряд с пьесами Н. Тейта «История короля Лира» (1681) и Э. Бонда «Лир» (1972). Элементы шекспировского текста в романе писательницы легко

узнаваемы. На уровне системы персонажей этому отчасти способствует звуковое подобие имен героев романа Дж. Смайли и персонажей пьес У. Шекспира: фермер Ларри (*Larry*) Кук, владелец самой большой фермы, местный авторитет, соотносится с Лиром (*Lear*), а его дочери Джинни (*Ginny*), Роуз (*Rose*) и Кэролайн (*Caroline*) ассоциируются с Гонерильей (*Goneril*), Реганой (*Regan*) и Корделией (*Cordelia*) соответственно. Остальные действующие лица угадываются по своей роли. В соседи Гарольде Кларке и его сыновьях Джессе и Лорене невозможно не увидеть Глостера, Эдмунда и Эдгара. Мужья сестер Тай, Пит и адвокат Фрэнк – это воплощения герцога Альбанского, герцога Корнуэльского и короля Франции. Кроме того, у Роуз-Реганы есть дочери Пэмми и Линда. По мнению автора настоящей статьи, в романе нет аналога Шута. Возможно, на эту роль мог бы претендовать Марв Карсон, юрист, хитрый делец, который провоцирует героев на совершение рискованных операций с недвижимостью и финансами, а также имеет весьма нетипичные пищевые привычки и слышит человеком со странностями. Стоит отметить, что фамилии, которые писательница дает главным героям, являются одними из самых распространенных как в Великобритании, так и в Америке. Это может свидетельствовать о предельной универсальности созданных У. Шекспиром и Дж. Смайли образов. В романе «Тысяча акров» сохраняются сюжетные доминанты (в прямом или опосредованном виде): раздел фермерских земель между тремя дочерьми, «изгнание» Кэролайн за несогласие, попадание Ларри в шторм, его неадекватное поведение, ослепление Гарольда при (косвенном) участии в этом Пита, старание Кэролайн вернуть отцу права на ферму, увлечение Джинни и Роуз Джессом, попытка Джинни отравить Роуз, противостояние Джесса и Лорена, «убийство» Кэролайн, смерть Ларри. Вместе с тем причинно-следственные связи между событиями видятся в ином свете, так как авторский замысел строится на наличии ранее неизвестных предпосылок конфликта. Более того, в некоторых случаях попытка следовать оригинальному сюжету может казаться не вполне обоснованной, так как в реалистичном романе Дж. Смайли кажутся неуместными шекспировские страсти. Однако если учитывать вторичную природу произведения как адаптации или пересказа, то вопросов к фабуле не возникает. Американская писательница меняет финал истории о короле Лире. Если в ранних адаптациях в живых часто остается, к примеру, только Корделия, то в данном случае не умирает и Джинни-Гонерилья.

Именно от лица Джинни ведется повествование в романе. Дж. А. Шифф, рассуждая о причинах, которые побуждают современных писателей брать за пересказы классики, ссылается на слова Дж. Смайли: «Зачем подвергать себя такому сравнению? Для Смайли ответ кроется в пробелах шекспировского текста: “Я всегда чувствовала, что мне представили “Лира” неправильно. Не будучи в состоянии объяснить почему, я решила, что к Гонерилье и Регане отнеслись несправедливо”» [7, р. 370]. В пьесе У. Шекспира старшие дочери короля Лира представляются порождениями зла в отличие от любящей Корделии. Помимо этого, женщинам отводится не так много сценического времени, что характерно для трагедии того времени в силу социальных причин и специфики устройства елизаветинского театра, в котором мужчины исполняли женские роли. Дж. Смайли решает написать версию событий, рассказанную лишенными голоса действующими лицами. Показательно, что при этом она отказывается от традиционного деления на черное и белое, подчеркивая двойственность человеческой природы. Используя нарративные и жанровые трансформации (переход к повествованию от первого лица и романной форме), писательница достигает психологической глубины и раскрывает внутренний мир женщины. Это, в свою очередь, дает основания рассматривать роман «Тысяча акров» как пример гиноцентрической прозы в американской литературе.

Трагедия «Король Лир», передающая настроения кризиса ренессансного гуманизма, – подходящий фон для раскрытия противоречивого характера одного из переломных периодов в истории американцев. Время действия в романе – конец 1970-х гг., когда президентом США был Дж. Картер, которого многие критиковали за некомпетентность. Этим могут объясняться некоторый пессимизм и гнетущая атмосфера романа «Тысяча акров». Кроме того, в 1960–80-х гг. активно обсуждаются проблемы насилия и социального неравенства, критикуется патриархальный строй. В романе, написанном в 1991 г., на третьей волне феминистского движения, находят отражение как положительные результаты, так и недостатки предыдущих периодов. Несмотря на то что представительницы поколения Джинни, Роуз и Кэролайн благодаря достижениям предшественниц получают больше социальной и экономической свободы, по-прежнему существует множество сдерживающих факторов, прежде всего сексизм и рудименты патриархального общества. В отличие от матери и бабушки, упоминания о которых встречаются в романе, Кэролайн получает возможность построить карьеру, а Джинни и Роуз обретают экономические права на ферму. В то же время мужчины относятся к ним снисходительно, не воспринимают их всерьез, все решения принимают сами, считая представительниц «слабого пола» способными только на ведение хозяйства. Даже решение прекратить попытки зачать ребенка принимает за жену Тай, распоряжаясь ее телом по своему усмотрению. В качестве примера сексизма можно привести следующие слова Гарольда: «*One person don't break a farm up that lots of people have sweated and starved to put together*». *Harold was beginning to heave with anger. «If you'd have been sons, you'd understand that. Women don't understand*

that» [15, p. 204] «Тот, кто на собственной шкуре знает, чего стоило сколотить такую ферму, вряд ли будет ее так просто разбазаривать! – начал горячиться Гарольд. – Сыновьям это объяснять не нужно, а вам, женщинам, не понять!» [16, с. 235]. Муж Джинни Тай на протяжении всего повествования повторяет уничижительную и полную презрения фразу *you women*. Неудивительно, что в такой ситуации Джинни приходится подавлять женскую сущность. Временами она чувствует себя ничем не лучше животного. Женщина живет в состоянии ментальной угнетенности и подавленности и не находит в себе сил этому противостоять, теряет идентичность, принимая роль жертвы. Ей присущи те качества, которые ассоциируются с примерной американской женой и дочерью: трудолюбие, молчаливость, скромность, покорность, вежливость, внимание к соблюдению приличий. Роуз, напротив, столкнувшись с домашним насилием со стороны Пита, проявляет твердость характера и дает ему отпор. Не боится она и отца, Ларри Кука. Кроме того, героиня говорит то, что думает, и не обращает внимания на мнение соседей.

Как отмечается выше, Дж. Смайли накладывает матрицу трагедии У. Шекспира «Король Лир», действие которой происходит в средневековой Британии, на американскую реальность. Место действия – Средний Запад, округ Зебулон, фермерский край. Как известно, в истории США сельское хозяйство играет важную роль. Первые поселенцы начала XVII в. видят американскую почву как новый мир, землю обетованную. Особую значимость имеет семейное фермерское хозяйство, которое в 1970-х гг., выбранных писательницей в качестве времени действия, находится в состоянии кризиса, упадка. Банки и большие корпорации лишают американские семьи земель. Гармоничный образ страны, созданный в XIX в. национальным поэтом У. Уитменом, который родился на ферме, но в равной степени отразил в творчестве специфику как буколического, так и урбанистического миров (сборник «Листья травы»), оказывается неактуальным и разрушается с приходом новой реальности. Н. Н. Бочегова и Д. В. Портнягин пишут о роли фермы в нациогенезе следующее: «Семейная ферма – это основа сельского хозяйства США. За исключением нескольких густо заселенных районов, американские фермы обычно были значительно разбросаны и отдалены друг от друга, а не группировались в деревне. Это способствовало росту индивидуализма и чувства самостоятельности американского фермера. В немалой степени ценности, присущие сельской Америке, были восприняты и усвоены обществом в целом. Сельскохозяйственно-предпринимательская специфика развития американского общества повлияла на формирование американского национального характера» [9, с. 38]. В романе поднимаются темы насилия и американской мечты-симулякра. На первый взгляд владелец земли Ларри Кук кажется человеком, добивающимся успеха исключительно своим трудом, опытным фермером, трудолюбивым и дальновидным хозяином, примерным семьянином, любящим отцом. Всю жизнь он работает на ферме и занимается ее расширением. Благодаря ему клочок земли, который он когда-то возделывал с родителями жены, превратился в настоящее королевство размером в тысячу акров. Ларри уважают соседи, прислушиваются к его мнению. Однако вскоре обнаруживается, что образ отца семейства не соответствует действительности. Ларри – деспотичная личность, держащая членов семьи, особенно дочерей, в страхе. С одной стороны, жизненные принципы Ларри соответствуют традиционным представлениям об американском фермере: «*What is a farmer? A farmer is a man who feeds the world. What is a farmer's first duty? To grow more food. What is a farmer's second duty? To buy more land. What are the signs of a good farm? Clean fields, neatly painted buildings, breakfast at six, no debts, no standing water. How will you know a good farmer when you meet him? He will not ask you any favors*» [15, p. 45] «Кто такой фермер? Фермер – это труженик, который кормит весь мир. Каков первый долг фермера? Выращивать больше еды. Каков второй долг фермера? Покупать больше земли. Что отличает хорошую ферму? Чистые поля, аккуратно покрашенные постройки, завтрак в шесть, нет долгов, нет стоячей воды. Как понять, что перед тобой хороший фермер? Он никогда ни о чем не просит» [16, с. 53]. С другой стороны, чрезмерный практицизм, фиксация на материальном обогащении и сохранении имиджа, железная дисциплина и обретенная власть приводят к трагическим последствиям. Дж. Смайли показывает как негативные, так и позитивные черты американского национального характера.

Джинни и Роуз с детства терпят проявления жестокости со стороны отца. Он не гнушается телесными наказаниями, держит в страхе жену, которая не имеет права заступиться за детей. Примечательно, что в романе «Тысяча акров» героини умирают в довольно молодом возрасте. Роуз высказывает мысль о том, что всему виной не болезнь и токсины, а отравляющая жизнь с Ларри. Напряжение достигает пика, когда Джинни открывается ужасающая правда об отце: после смерти жены он на протяжении долгого времени использует старших дочерей в качестве сексуальных объектов. М. Лесли объясняет поведение Ларри следующим образом: «И все же, пожалуй, самым шокирующим и радикальным аспектом прочтения Смайли “Короля Лира” является не то, что она настаивает на реальности кровосмесительной связи между родителем и ребенком. Скорее дело в том, что вместо того, чтобы сосредоточиться на Корделии, дочери без приданого, которую обожает Лир, она фокусируется на дочерях, которых он ненавидит, Гонерилье и Регане. Понимая инцест не как запутанное проявление любви, а как грубую демонстрацию власти

и контроля, Смайли поднимает несколько ретроспективных вопросов касательно пьесы» [10, р. 34]. Показателен эпизод, в котором фермер смотрит на фотографию одной из девочек и не может сказать, кто это. В его сознании образы Джинни и Роуз сливаются и становятся частью образа Кэролайн. В главе, посвященной буре, Ларри, который находится в невменяемом состоянии, раздражается грубой и жестокой тирадой по отношению к Джинни, обнажая неприглядную правду об их связи. Фигуру Ларри Кука можно рассматривать как продукт современного общества, не избавившегося от пережитков патриархата в форме морального и физического насилия над женщиной. В то же время не исключено, что данный персонаж – это символ национального прошлого, от которого американцы стараются уйти. Джинни, реакция которой на детскую травму заключается в подавлении памяти о ней, пересматривает отношения с отцом. Отсутствие чувства собственной сексуальности, полное подчинение отцу, женитьба в раннем возрасте, выбор в спутники жизни Тая, двойника Ларри, – все это можно считать последствиями пережитого девушкой опыта. Однако героиня решает отречься от семейного наследия, равно как и от места, и покидает ферму, уезжает в город, прерывая традицию. К концу романа она обретает собственный голос и находится на пути преодоления травматического опыта. Ключевым становится мотив памяти: женщина не отказывается от прошлого, как бы это ни было болезненно, не принимает позицию умалчивания и забывания, которую насаждало ей общество. Дж. Смайли словно утверждает, что без осмысления травмы, рефлексии над национальным прошлым невозможно движение вперед.

Одной из важнейших идейных составляющих романа Дж. Смайли являются положения экофеминизма – вновь ставшей актуальной синкретической философии, которая проводит параллели между женщинами и природой как жертвами эксплуатации и подавления. Экофеминисты выступают в защиту как окружающей среды, так и прав женщин. Они считают, что ухудшение экологической ситуации и распространение гендерного неравенства связаны, и предлагают искать комплексное решение данных проблем. В этом контексте стоит в первую очередь рассмотреть мотив бесплодия. Когда Джинни рассказывает Джессу Кларку о пяти выкидышах, тот полагает, что всему виной загрязненная химикатами с фермы вода. Другими словами, бесплодие женщины напрямую связано с последствиями безразличия семьи к окружающей среде. Аналогичной видится ситуация с болезнью Роуз: она борется с раком груди, который унес жизнь их матери в довольно молодом возрасте. Любопытно, что непосредственно мотивы бесплодия и болезни являются не новаторской частью пересказа Дж. Смайли трагедии «Король Лир», а только их современной интерпретацией. В романе «Тысяча акров» проклятия Лира, которые он бросает в сторону дочерей-предательниц, становятся реальностью.

Джесс, вынашивающий идею построить экологически безопасную ферму, натывается на непонимание окружающих. Дж. А. Шифф высказывает интересную мысль о роли образа загрязненной земли в романе: «Отчасти земля, предположительно отравленная, играет ту же роль, что боги и колесо фортуны в “Лире”. <...> Джесс Кларк склонен объяснять бесплодие Джинни и безумие Ларри отравленной колодезной водой. Химические вещества заменили богов, став невидимыми и таинственными силами, влияющими на нашу судьбу» [7, р. 378]. Так, современный интерес к вопросам экологии органично вписывается Дж. Смайли в шекспировский контекст.

С образом фермерского хозяйства как национального топоса тесно связан американский пасторальный миф. В отличие от классической пасторали, возникшей в античной литературе и получившей распространение в европейской литературе в качестве устоявшегося положительного концепта в противовес урбанистическим мифам, американская пастораль базируется на идеях обладания собственностью и покорения, завоевания. С. Р. Фаррис дает следующее определение данному понятию: «Американская пастораль – мечта иммигранта, которая претендует на добродетель рабочего класса и обещает процветание среднего класса, но на самом деле является традицией класса собственников, поскольку фермер владеет землей и трудом своих рабов и семьи и, кроме того, наследует его привилегии» [6, р. 34]. Дж. Смайли на примере семей фермеров Кук и Кларк раскрывает фикциональную природу такого рода пасторали. Важно заметить, что в отличие от, как правило, изолированных ферм хозяйства округа Зебулон находятся в непосредственной близости и тесно взаимодействуют, образуя небольшое сообщество, основа которого – соблюдение приличий и создание видимости благополучия. Джинни разоблачает общество, которому принадлежит, обнажает его безразличие и лицемерие. Насилие, загрязнение окружающей среды, извращение семейных ценностей, отчуждение и экономический кризис – все это болезни современного общества, с которыми необходимо бороться.

Заключение

В романе «Тысяча акров» Дж. Смайли продолжает традицию пересказа пьес У. Шекспира, начатую в XVII в. в английской литературе и подхваченную в других национальных литературах. Актуализацию художественной рецепции во второй половине XX в. можно объяснить доминированием постмодернистских установок (эпистемологическая неуверенность, релятивизм, плюрализм истин, тотальная ирония,

интертекстуальная игра), влиянием моды и наличием в претекстах архетипов, сюжетных лакун, неоднозначных моментов и элементов недосказанности (в данном случае однобокость персонажей, их категоричное деление на положительных и отрицательных, отсутствие мотивации поступков). Благодаря универсальному характеру, классическому статусу и объединяющему потенциалу творчество чужого автора становится частью культуры США и одним из факторов, влияющих на процесс нациогенеза. Межкультурный диалог оказывается как стимулом к поиску собственной идентичности и инструментом национального самопознания, так и основой для урегулирования внутренних конфликтов.

Современная писательница адаптирует каноническую трагедию У. Шекспира «Король Лир» под американскую действительность (время действия – конец 1970-х гг., период руководства США президентом Дж. Картером, место – Средний Запад, округ Зебулон, фермерский край), сохраняя основных действующих лиц (в том числе с помощью звуковых соответствий имен) и сюжет (главные события – раздел фермерских земель между тремя дочерьми, «изгнание» Кэролайн за несогласие, поведение Ларри во время бури, его безумие, ослепление Гарольда, стремление Кэролайн вернуть отцу права на ферму, увлечение Джинни и Роуз Джессом, попытка Джинни отравить Роуз, противостояние Джесса и Лорена, «убийство» Кэролайн, смерть Ларри) оригинальной пьесы легко узнаваемыми. Вместе с тем центр повествования смещается, что позволяет автору представить взгляд Джинни-Гонерильи на события. Дж. Смайли поднимает как универсальные, так и волнующие американцев второй половины XX в. вопросы (социальное и финансовое неравенство женщин и мужчин, политический и экономический кризис, влияние урбанизации на сельское хозяйство, загрязнение окружающей среды, домашнее насилие, распад института семьи, отказ от традиционных ценностей, преодоление травматического опыта). Писательница разрушает американский пасторальный миф, базирующийся на хронотопе фермы. В соответствии с основными проблемно-тематическими полями, которые выделяются в произведении, можно говорить о романе «Тысяча акров» как о примере феминистской и экологической (объединенных идеями экофеминизма), а также социально-критической, психологической и философской прозы.

Библиографические ссылки

1. Sturges KC. *Shakespeare and the American nation*. New York: Cambridge University Press; 2004. 234 p.
2. Shapiro J. *Shakespeare in a divided America: what his plays tell us about our past and future*. New York: Penguin Press; 2020. 320 p.
3. Комаровская ТЕ. Трагедия короля Лира в современной литературе США: роман Дж. Смайли «Тысяча акров». В: Михайлова ЛГ, редактор. *Культура и литература США: проблемы поэтики и эстетики. Материалы международной конференции: 1–7 декабря 1997 г.*; Москва, Россия. Москва: [б. и.]; 1997. с. 61–64.
4. Комаровская ТЕ. Реалистическая деконструкция Шекспира в романе Д. Смайли «Тысяча акров». В: Самусенко ВИ, редактор. *Методология изучения литературы и основы анализа художественного текста*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; 1998. с. 93–96.
5. Бутырчик АМ. Шекспировские реминисценции в романе Дж. Смайли «Тысяча акров». В: Стулов ЮВ, редактор. *Американские исследования. 2004–2005: Европа и Соединенные Штаты Америки: взгляд извне*. Минск: Прописи; 2006. с. 62–69.
6. Farris SR. American pastoral in the twentieth-century «O pioneers!», «A thousand acres», and «Merry men». *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 1998;5(1):27–48.
7. Schiff JA. Contemporary retellings: «A thousand acres» as the latest «Lear». *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 1998; 39(4):367–381. DOI: 10.1080/00111619809599542.
8. Brauner D. «Speak again»: the politics of rewriting in «A thousand acres». *The Modern Language Review*. 2001;96(3):654–666. DOI: 10.2307/3736736.
9. Бочегова НН, Портнягин ДВ. Хронотоп фермы в романе Дж. Смайли «Тысяча акров». *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012;4:38–40.
10. Leslie M. Incest, incorporation, and «King Lear» in Jane Smiley's «A thousand acres». *College English*. 1998;60(1):31–50. DOI: 10.2307/378472.
11. Bender J. What is so disturbing about Jane Smiley's «A thousand acres»? *Agriculture and Human Values*. 1998;15:153–160.
12. Strehle S. The daughter's subversion in Jane Smiley's «A thousand acres». *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2000; 41(3):211–226. DOI: 10.1080/00111610009601587.
13. McDermott S. Memory, nostalgia, and gender in «A thousand acres». *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2002; 28(1):389–407. DOI: 10.1086/340916.
14. Hicks S. Jane Smiley's «A thousand acres» (1991) and archival reimaginings of eco-cosmopolitanism. *Environmental Humanities*. 2013;2(1):1–20. DOI: 10.1215/22011919-3610324.
15. Smiley J. *A thousand acres*. New York: Ballantine Books; 1992. 371 p.
16. Смайли Дж. *Тысяча акров*. Карпова КК, переводчик. Москва: АСТ; 2021. 416 с.

References

1. Sturges KC. *Shakespeare and the American nation*. New York: Cambridge University Press; 2004. 234 p.
2. Shapiro J. *Shakespeare in a divided America: what his plays tell us about our past and future*. New York: Penguin Press; 2020. 320 p.
3. Komarovskaya TE. [«The tragedy of King Lear» in the modern USA literature: J. Smiley's «A thousand acres»]. In: Mikhailova LG, editor. *Kul'tura i literatura SShA: problemy poetiki i estetiki. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii: 1–7 dekabrya 1997 g.*

Moskva, Rossiya [Culture and literature of the USA: problems of poetics and aesthetics. Proceedings of the international conference; 1997 December 1–7; Moscow, Russia]. Moscow: [s. n.]; 1997. p. 61–64. Russian.

4. Komarovskaya TE. [Realistic deconstruction of Shakespeare in the novel by J. Smiley's «A thousand acres»]. In: Samusenko VI, editor. *Metodologiya izucheniya literatury i osnovy analiza khudozhestvennogo teksta* [Methodology of literature study and fundamentals of literary text analysis]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 1998. p. 93–96. Russian.

5. Butyrchik AM. [Shakespeare reminiscences in J. Smiley's «A thousand acres»]. In: Stulov YuV, editor. *Amerikanskije issledovaniya. 2004–2005: Evropa i Soedinennye Shtaty Ameriki: vzglyad izvne* [American studies. 2004–2005: Europe and the United States of America: an outside perspective]. Minsk: Propilei; 2006. p. 62–69. Russian.

6. Farris SR. American pastoral in the twentieth-century «O pioneers!», «A thousand acres», and «Merry men». *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 1998;5(1):27–48.

7. Schiff JA. Contemporary retellings: «A thousand acres» as the latest «Lear». *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 1998; 39(4):367–381. DOI: 10.1080/00111619809599542.

8. Brauner D. «Speak again»: the politics of rewriting in «A thousand acres». *The Modern Language Review*. 2001;96(3):654–666. DOI: 10.2307/3736736.

9. Bohegova NN, Portnyagin DV. The chronotope of farm in «A thousand acres» by Jane Smiley. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2012;4:38–40. Russian.

10. Leslie M. Incest, incorporation, and «King Lear» in Jane Smiley's «A thousand acres». *College English*. 1998;60(1):31–50. DOI: 10.2307/378472.

11. Bender J. What is so disturbing about Jane Smiley's «A thousand acres»? *Agriculture and Human Values*. 1998;15:153–160.

12. Strehle S. The daughter's subversion in Jane Smiley's «A thousand acres». *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2000; 41(3):211–226. DOI: 10.1080/00111610009601587.

13. McDermott S. Memory, nostalgia, and gender in «A thousand acres». *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2002; 28(1):389–407. DOI: 10.1086/340916.

14. Hicks S. Jane Smiley's «A thousand acres» (1991) and archival reimaginations of eco-cosmopolitanism. *Environmental Humanities*. 2013;2(1):1–20. DOI: 10.1215/22011919-3610324.

15. Smiley J. *A thousand acres*. New York: Ballantine Books; 1992. 371 p.

16. Smiley J. *Tysyacha akrov* [A thousand acres]. Karpova KK, translator. Moscow: AST; 2021. 416 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.08.2023.

Received by editorial board 23.08.2023.

УДК 821.161.3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В РОМАНЕ К. ЦВИРКИ «ВОЛЧИЙ ОСТРОВ»

Л. Г. ДУКТОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Национальные культурные коды имеют художественное воплощение в образах и мотивах произведения, выступают своеобразными катализаторами проявления авторской позиции и формирования определенных взглядов читателей на темы, затронутые в романе К. Цwirки «Волчий остров». Через определение культурных смыслов внутри диад *хороший – плохой, правильно – дурно, мужское – женское, история – вечность* и *свой – чужой* показывается отношение героев к семье, родине, труду, а также связи человека и общества. Делается вывод о том, что в романе К. Цwirки «Волчий остров» использование пространственного, временного и персонажного кодов направлено на отображение чувств к родной земле, а обращение к акциональному коду помогает очертить специфику деревенской жизни белоруса, акцентировать внимание на его трудолюбии. При изображении судьбы Игнасия Королени перечисляются особенности отношения жителей Беларуси к родине, семье и своему дому.

Ключевые слова: культурный код; национальный образ мира; роман; культурный смысл; пространственный код; временной код.

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОДАЎ У РАМАНЕ К. ЦВІРКІ «ВОЎЧАЯ ВЫСПА»

Л. Г. ДУКТАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Нацыянальныя культурныя коды маюць мастацкае ўвасабленне ў вобразах і матывах твора, выступаюць своеобразными катализаторами праяўлення аўтарскай пазіцыі і фарміравання пэўных поглядаў чытачоў на тэмы, затронутыя ў рамане К. Цвіркі «Воўчая выспа». Праз вызначэнне культурных сэнсаў у межах дыяд *добры – дрэнны, правільна – кепска, мужчынскае – жаночае, гісторыя – вечнасць* і *свой – чужы* паказваюцца стаўленне герояў да сям'і, радзімы, працы, а таксама сувязі чалавека і грамадства. Робіцца вывад аб тым, што ў рамане К. Цвіркі «Воўчая выспа» выкарыстанне прасторавага, часовага і персанажнага кодаў скіравана на паказ пачуццяў да роднай зямлі, а звяртанне да акцыянальнага кода дапамагае акрэсліць спецыфіку вясковага жыцця белоруса, акцэнтаваць увагу на яго працавітасці. Пры адлюстраванні лёсу Ігнася Каралені пералічваюцца асаблівасці стаўлення жыхароў Беларусі да айчыны, сям'і і свайго дому.

Ключавыя словы: культурны код; нацыянальны вобраз свету; раман; культурны сэнс; прасторавы код; часавы код.

Образец цитирования:

Дуктава ЛГ. Репрезентация национальных культурных кодаў у рамане К. Цвіркі «Воўчая выспа». *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;3:21–27.
EDN: JLDEJR

For citation:

Duktava LG. Representation of national cultural codes in K. Cvirka's novel «Wolf island». *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;3:21–27. Belarusian.
EDN: JLDEJR

Автор:

Любовь Георгиевна Дуктова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Liubou G. Duktava, PhD (philology), docent; associate professor at the department of communication technologies and public relations, faculty of journalism.
docent2020@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5401-7932>

REPRESENTATION OF NATIONAL CULTURAL CODES IN K. CVIRKA'S NOVEL «WOLF ISLAND»

L. G. DUKTAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

National cultural codes have an artistic embodiment in the images, motifs of the work, act as a kind of catalysts for showing the author's position and forming certain views of the readers on the topics covered in K. Cvirka's novel «Wolf island». Through the definition of cultural meanings within the dyads *good – bad, right – wrong, masculine – feminine, history – eternity*, and *own – foreign*, the work shows the relationship to the family, homeland, work, connection between man and society. It was concluded that in K. Cvirka's novel «Wolf island», the spatial, temporal and personal codes are aimed at showing relations to native land, the action code helps to outline the specifics of the village life of a Belarusian, his hard work. When portraying the fate of Ignas Karalenja, the features of the attitude of residents living on Belarusian land to the motherland, family and their home are shown.

Keywords: cultural code; national image of the world; novel; cultural meaning; spatial code; time code.

Уводзіны

Нацыянальныя культурныя коды з'яўляюцца носьбітамі гісторыка-культурных сэнсаў, яны звязаны з сацыяльнымі, эканамічнымі, геапалітычнымі і культурнымі асаблівасцямі прадстаўнікоў пэўнай нацыі ў прыватнасці або нават насельніцтва дзяржавы ў цэлым. У сучасным гуманітарным дыскурсе код разглядаецца ў дачыненні да тэрмінаў «код культуры» [1, с. 39; 2, с. 5; 3, с. 28–29; 4, с. 3; 5, с. 8–10], «лінгвакультурны код» [6–8], «канцэптуальны код» [9, с. 333–337; 10] і «нацыянальны культурны код» [11; 12].

Літаратуразнаўчы аналіз па вызначэнні адметных рыс рэпрэзентацыі культурных кодаў у канве мастацкага твора грунтуецца на семіячным падыходзе, скіраваным на акрэсленне спецыфікі нацыянальнай карціны свету. Даследаванню культурных кодаў у літаратуры прысвечаны дысертацыі Т. У. Болдыравай [13], М. Ю. Жылінай [14], Л. У. Калугінай [15], Я. А. Кулікова [16], А. М. Мельнікавай [17], А. А. Раманава [18], А. Г. Трубяцковай [19] і інш.

Вызначэнне і апісанне культурных кодаў у літаратурным творы ажыццяўляюцца з дапамогай інтэрпрэтацыйнага аналізу тэксту, іх тыпалагічнага супастаўлення з кодамі іншых культур, а таксама праз канцэптуальнае мадэляванне. С. М. Талстая прапанавала адрозніваць у тэксце наступныя віды культурных кодаў: канцэптуальныя коды, у аснове якіх ляжыць ментальная сутнасць (прадстаўленні, матывы, паняцці), і змястоўныя коды [3]. Да ліку апошніх адносяцца лічбавы, прадметны, прасторавы, часавы, саматычны, раслінны, анімалістычны і іншыя коды. Пры разглядзе сістэмы культурных кодаў можна вылучыць некалькі модуляў, у прыватнасці модуль жыццядзейнасці чалавека (акцыянальны код дзеянняў), саматычны, марбуальны, гастронамічны і духоўны коды), модуль чалавека і прыроды (анімалістычны, раслінны і метэаралагічны коды), модуль чалавека і грамадства (персанажны код), а таксама модуль чалавека і свету (касмаграфічны, прасторавы, часавы, лікавы, каляровы, астранамічны, атрыбутыўны і прадметны коды).

К. Цвірка прысвяціў працы над раманам «Воўчая выспа» дзесяць гадоў (2008–2018). У артыкуле «Раман Кастуся Цвіркі варты школьнай праграмы» Л. В. Дранько-Майсюк высока ацаніў гэты эпічны твор: «Скажу так: раман “Воўчая выспа” запоўніў нішу, якая да нядаўняга часу была пустой. Паміж трагедыяй напружанасцю прозы Васіля Быкава, сямейнай мазаікай мініяцюр Янкі Брыля, шляхетным духам Віктара Карамазова, філасофскай эстэтыкай Віктара Казько і нацыянальнымі пошукамі Генрыхы Далідовіча – для мяне як чытача заставаўся прагон, нейкая незанятая прастора. Вось з гэтай прасторы і з'явіўся раман Кастуся Цвіркі, які і трагедыяны, і сямейны, і шляхетны, і філасофскі, і нацыянальны, а перш за ўсё неверагодна чуллівы... да людзей, жыцця, прыроды, радзімы, сялянскай працы» [20, с. 636]. Даследчык звяртае ўвагу на рысы прыгодніцкага твора, якія акрэсліваюць жанравыя асаблівасці рамана К. Цвіркі і адзначае, што «жыццё Ігнася праходзіла на Воўчай выспе, можна сказаць паводле рамантажных законаў, усё адно як у прыгодніцкай літаратуры» [20, с. 638]. У сваю чаргу, Л. М. Галубовіч вылучыў прыкметы фэнтэзі і прыгодніцкага рамана ў тэксце: «Фармальна гэта абсалютна самабытны твор нацыянальнай літаратуры, які па-цяперашняму можна аднесці да жанру фэнтэзі (альбо прыгодніцкага рамана), накладзенага на рэалістычны фон арыгінальнага мастацкага выяўлення» [21, с. 305]. Нарэшце, Г. В. Навасельцава знайшла ў ім адметныя рысы рамана-эсэ: «“Воўчая выспа” рэпрэзентуе жанравыя паказчыкі рамана-эсэ: змястоўная глыбіня, сэнсавая шматграннасць увасоблены ў трансфармаванай мастацкай форме» [22, с. 377].

Выкарыстанне прасторавага, часовага, акцыянальнага, анімалістычнага і іншых культурных кодаў пры адлюстраванні рэчаіснасці дазваляе пісьменніку трапіць данесці да рэцыпіента пэўныя ідэі, паказаць асаблівасці нацыянальнага характару, спецыфіку ладу жыцця і светасузірання: «Беларус, паляшук, селянін – зусім не казачны асілак, аднак жа волат духу!» [20, с. 635]. Мэта дадзенага артыкула – вызначэнне адметных рыс рэпрэзентацыі нацыянальных культурных кодаў у рамана К. Цвіркi «Воўчая выспа».

Вынікі і іх абмеркаванне

Раман К. Цвіркi «Воўчая выспа» прысвечаны паказу лёсу чалавека падчас правядзення палітыкі раскулачвання. Тэма трагедыі сям’і ў перыяд сталінскай калектывізацыі не з’яўляецца новай для беларускай літаратуры, пра што сведчыць шэраг эпічных твораў (аповесці Васіля Быкава «Аблава», Янкі Сіпакова «Кулак»). Сімвалічная назва рамана звязана з неабходнасцю адлюстравання жыцця ў лясной нерушы пасярод балот – на Воўчай выспе, таму небеспадстаўна асобныя эпізоды ў творы змяшчаюць элементы традыцый, закладзеных у аповесці Якуба Коласа «Дрыгва», рамана Івана Мележа «Людзі на балоце». Лёс чалавека, адасобленага ад грамадства, нагадвае воўчае жыццё – матыў, які прысутнічае ў творчасці беларускіх аўтараў (аповесці Васіля Быкава «Аблава», Алеся Наварыча «Цкаванне вялікага звера» і інш.), а таксама ў сусветнай літаратуры (раманы Г. Гэсэ «Стэпавы воўк», В. Пелевіна «Свяшчэнная кніга прэзэватна» і інш.).

Герой рамана – беларускі селянін. Яшчэ ў дзяцінстве і маладосці ён сфарміраваў і захаваў у свядомасці такія каштоўнасці, як сям’я, адданасць працы на зямлі, павага да людзей навокал, каханне і радзіма. Падчас правядзення палітыкі раскулачвання разам з роднымі мужчына быў адпраўлены ў Сібір, адкуль наперакор лёсу вярнуўся дадому, але не мог жыць пад адным дахам з жонкай і сынам, бо меў кляймо кулака. Адзінае выйсце, якое знайшоў Ігнась Караленя, – пасяліцца на Воўчай выспе, у месцы, да якога цяжка дабрацца звычайнаму чалавеку. Дзякуючы кемлівасці, працавітасці ён менш чым за год здолеў стварыць у глушы свой аазіс. Ігнась збудаваў дом, наладзіў гаспадарку, прыручыўшы жывёл, і нават узараў у нерушы ўласнае поле: «Будаўніцтва паглынула яго з галавой. Кожнай раніцай ледзьве прачынаўся, як ужо бег на сваю будоўлю. Не вылазіў адтуль дацямна. Адлучаўся толькі, каб згатаваць якую яду і прагнаць голад.

Акуратненька выбіраў-выдзёўбаў сякерай чашкі вуглоў, роўна ўсцілаў вянкi зруба мохам, які загатоўіў загадзя, шчыльна ўкладваў паверх новыя бярвёны» [20, с. 103]; «Коз жа на Воўчай выспе – процьма.

З іх і пачне абзаводзіцца тут сваёй жывёлай, з дзікай рабіць свойскаю» [20, с. 185]; «Высеяную пшанічку Ігнась акуратненька забаранаваў граблямі. Тыя зярняты, што астатнія на версе, утаптаў у зямлю пятаю нагі – каб дарэмна не прапала ні каліва. Невялічкі лапiк выйшаў у яго пшаніцы. Але для пачатку і гэта добра» [20, с. 184].

У творы прысутнічаюць замалёўкі вясковага пейзажу, сцэны апісання быту селяніна. Разам з тым у рамана паказана, што, калі чалавек апынаецца сам-насам на новым месцы, яго дзеянні скіроўваюцца на аднаўленне звычайнага быту, парадку, асноў жыцця. Мае рацыю Л. В. Дранько-Майсюк: «Раман Ка-стуса Цвіркi можна назваць падручнікам жыцця: кніга вучыць, як выжыць у невыносных умовах; кніга нагадвае: тады, калі людзі не ведалі хлеба, брукча ды рэпа замянялі хлеб; з рамана можна даведацца, як закладваць сад і адваёўваць у лесу поле; як дагледзець збажыну і займацца паляваннем; як здабыць кляновік і бярозавік і завесці пчальніковую гаспадарку; як адкляпаць і асадзіць касу перад касавіцай і з чаго зрабіць мянташку; як святкаваць Каляды і калі пачынаць засеўкі; як дзікіх коз зрабіць свойскімі і як прывучыць ляснога каня (тарпана) да хамута і сахi...» [20, с. 638].

З дапамогай акцыянальнага кода К. Цвірка паказвае справы, якімі займаецца гаспадар і якія спрадвеку з’яўляюцца традыцыйнымі для вясковага жыхара (касьба, малацьба, праца на раллі, будоўля дому, догляд свойскіх жывёл, рыбалоўства, паляванне). Праз гастронамічны код падкрэсліваецца шчодрасць беларускай зямлі: для руплівага чалавека, які апынуўся сам-насам з прыродай у лясной глушы, няма перашкоды здаволіць голад ці нават накрыць шчодры стол. Сцэны, у якіх апавядаецца пра святкаванне Калядаў на Воўчай выспе, змяшчаюць апісанне святочных страў: «Яшчэ завідна, да ўсходу сонца, прынёс у хату жменю пахкага мурожнага сена, палажыў на стол, накрыў сурвэткай і паставіў на яго сваю куццю ў глінянай місцы. А вакол куцці прымасціў скавародку з смажанай рыбай, міску вывараных грыбоў і на чыстай дошчачцы паклаў кучку сухіх уюноў. Паставіў у конаўцы і ўзвар з ігрушак-дзічак, падсалоджаных малінамі. Абвёў усё вачыма – чым не святочны стол? Нават традыцыі не парушыў: пяць (якраз няцотны лік) належных для гэтага выпадка страў на ім выстраілася» [20, с. 170–171]. Выкарыстанне гастронамічнага кода ў літаратурных творах спалучана з апісаннем страў, якія ўвасабляюць нацыянальную спецыфіку і рысы гістарычнага часу, характарызуюць гасціннасць, беражлівасць ці іншыя чалавечыя якасці. На думку В. А. Ляшчынскай, «ва ўсіх сусветных культурах вобразы ежы, яе ўжывання

напаўняюцца культурна-сімвалічным зместам – набываюць абрадавы, рытуальны, міфалагічны, сакральны сэнс, атрымліваюць асаблівае аксіялагічнае значэнне» [23, с. 10].

Звяртанне да духоўнага кода звязана з пастаноўкай маральна-этычных пытанняў. У рамана паказаны падзеі, у якіх героі паўстаюць перад выбарам. Дыяда *правільна – кепска* праяўляецца пры аналізе паводзін многіх персанажаў твора. Дзеянні службовых асоб падчас сталінскіх часоў ацэньваюцца з двух бакоў – негатыўнага і пазітыўнага. Не выдаў Ігнася Караленю і захаваў яму свабоду міліцыянер Лёня Яцэвіч па мянушцы Трэба, які шукаў яго на гарышчы, а ўбачыўшы, зрабіў выгляд, што нікога не заўважыў: «Во асвятліў Ігнасева босыя ногі (не паспеў абуцца), пайшоў па правай калашыне штаноў, па фрэнчы і суняўся на твары, яго правым баку – пачаў гладзіць шчаку, нос, вуха. Ігнась не варушыцца, глядзіць прама на шчыт з вакенцам, і вока не паварочвае ў бок міліцыянера. <...>

Трэбу нібы зарвала нешта. Ён памаўчаў з хвіліну і ўжо нейкім прыкметна пацвярдзелым голасам сказаў: – Не! Няма нікога! Пуста тут!

Ігнась, які ўжо наважыўся брацца за сякеру, вухам сваім не паверыў: гэты ж Трэба бачыць яго як міленькага!» [20, с. 49–50].

Прадстаўнік улады з вобласці дапамог Хрысціне Каралені ўладкавацца на працу: «Выслухаўшы Хрысціну, якая ўсё перад ім выклала, упаўнаважаны, паўнаваты, ужо сталы чалавек, крутнуўся на крэсле, павярнуўся да калгасных верхаводаў: “Вы што, звяры?” Прысаромленыя начальнікі адразу прынялі яе ў калгас» [20, с. 32].

Зрухі ў дыядзе *свой – чужы* паказаны ў дачыненні да ацэнкі ўчынкаў, партрэтных характарыстык персанажаў рамана. Бацька Ігнася Каралені да раскулачвання карыстаўся заслужанай павагай у вёсцы Воля, бо быў працавітым гаспадаром, меў конную малатарню, якую эксплуатавала ўсё наваколле. Але час перакрываў усе заслугі мужчыны. З-за заможнай гаспадаркі ён быў прызнаны кулаком і высланы ў Сібір, дзе загінуў разам са сваёй сям’ёй. Выжыў толькі яго сын Ігнась.

Для паказу трагічнасці лёсу чалавека, ідэй супрацьстаяння выклікам грамадства і выпрабавання адзіноцтвам выкарыстоўваецца анімалістычны код, у адпаведнасці з якім у творы прысутнічаюць паралелі паміж жыццём чалавека-ізгоя і ваўка. Воўчая выспа – гэта прыродная неруш, месцазнаходжанне якой недасягальна для людзей, таямніца, што захоўваў род Караленяў, апошні прытулак для Ігнася. Сэнсавая формула «чалавек – воўк», прымянімая ў адносінах да чалавека-ізгоя, злачынца (быццам драпежніка), мае глыбокія карані. Яна занатавана ў законах хетаў, стражытнагерманскіх юрыдычных тэкстах, работах Платона. Комплекс «чалавек – воўк» вывучаўся З. Фрэйдам і яго паслядоўнікамі. Ігнась Караленя не адчувае небяспекі ад ваўкоў, але хаваецца ад людзей: «З ваўкамі ён сустракаўся тут часцяком. Убачыўшы іх, Ігнась не ўцякаў ад іх і не адпужваў ад сябе. Рабіў выгляд, што яны яго не абыходзяць. Ваўкі таксама ім не цікавіліся. Пры сустрэчы ішлі сваёй дарогай, не затрымліваючы на ім вачэй. Між імі і Ігнасем устанавілася поўнае мірнае суіснаванне» [20, с. 113].

Яшчэ адну паралель паміж чалавекам і воўкам у рамана можна прасачыць праз лёс аднаго з сыноў Ігнася Каралені. Янка быў выхаваны воўчай зграяй і нават стаў яе правадыром. У Хрысціны і Ігнася Караленяў нарадзіліся блізняты Стасік і Янка. Калі аднойчы жонка ўзяла іх з сабой на працу і пакінула каля краю поля, аднаго з хлопчыкаў схапілі ваўкі. Лёс сына быў невядомы да таго часу, пакуль Ігнась не пасяліўся на Воўчай выспе, дзе адшукаў і пачаў выходзіць Янку, спадзяваючыся на тое, што ўрэшце сям’я аб’яднаецца: «Абышоўшы поле, ён вярнуўся дадому.

Янка ўжо ўспароўся. <...> Калі ўвайшоў бацька, падбег пад яго: быў, значыцца, ужо яму рады. А гэта ж, можна сказаць, немалы зрух. Ігнась узяў хлопчыка на рукі, прытуліў да сябе, стараючыся, як і кожны раз, распрямляць яго падкручаныя ножкі, якімі сын так і торкаўся ў бацькаў живот. Панасіў, ласкаючы, па хаце і паставіў у хадунок – бегай, родны, вучыся, выпроствайся» [20, с. 163].

Пра тое, што сын жывы, Хрысціна дазналася толькі з лістоў памерлага мужа.

З дапамогай персанажнага кода ў рамана паказаны зрухі ў дыядах *добры – дрэнны, мужчынскае – жаночае*. Асаблівасці і пэўныя рысы характару беларускай жанчыны адлюстраваны ў вобразе Хрысціны Каралені (ахвярнасць, бяскрыўднасць і спадзяванне на светлы зыход у бядзе). Сцэна, у якой Хрысціна, адчуваючы скорое няшчасце, просіць забраць яе з сабой на Воўчую выспу, напоўнена сумам і безвыхаднасцю. Але Ігнась вырашае спачатку пабудаваць дом, наладзіць гаспадарку, а ўжо потым забраць з сабою жонку і дзіця. Шчыmlівыя адносіны да любай жанчыны праяўляюцца ў лістах Ігнася з Воўчай выспы. Пяшчотай і любасцю напоўнены радкі, у якіх ён звяртаецца да яе: «Мая родная, мая залатая Хрысцінка! Пішу табе з нашай новай сядзібы, з нашай хаты, якую я збудаваў на бязлюднай Воўчай выспе, пасярод непраходных балот і дзе мы скоро будзем жыць. <...> Слухай жа, слухай, мая любая Хрысцінка: знайшоўся наш сын Янка! Чуеш ты гэта ці не, Хрысцінка?!» [20, с. 137]; «Ведаю, Хрысцінка, як табе не церпіцца даведацца пра мае пошукі» [20, с. 139]; «Я не ўтаміў цябе, Хрысцінка, сваімі доўгімі пісьмамі?» [20, с. 144]; «Хрысцінка, спяшаю падзяліцца з табой радасцю: Янка даўся сябе абняць!» [20, с. 159].

Такі кампазіцыйны элемент, як увядзенне ў тэкст прыватных лістоў, садзейнічае паказу ўнутранай барацьбы асобы паміж верай ў лепшую будучыню, якая дае сілы пераадолюваць перашкоды, і ўсведамленнем няўмольнасці абставін, што правакуюць на выбар паміж жыццём і незламным духам. Г. В. Навасельцава адзначае, што «...эсэістычны аповед дазваляе кантрасна супаставіць звярыную літасць і чалавечыя ўчынкi, якія тым цяжэй асэнсаваны, паколькі немажліва знайсці нешта міласэрнае. Трагічны фінал рамана абумоўлены тым, што на Воўчую выспу ўсё ж прыходзяць людзі» [22, с. 376].

К. Цвірка ў межах дыяды *гісторыя – вечнасць* падкрэслівае канстанты нацыянальнага характару: ахвяроўваць сабой, але захоўваць годнасць; не спадзявацца на іншага і шмат працаваць, каб мець дабрабыт; нягледзячы на шэраг перашкод, верыць у лепшую будучыню. Твор завяршаецца трагічна: галоўны герой выбірае скончыць жыццё і кідаецца ў водную бездань, але не дае зламаць сябе маральна. На думку Л. В. Дранько-Майсюка, «чалавек гіне, бо захавашь сваё жыццё магчымасці няма ніякай, аднак жа ён захоўвае годнасць і нескароную душу!» [20, с. 635].

У рамана паказаны тры перыяды жыцця Ігнася Каралені: да раскулачвання, на чужыне і на Воўчай выспе. Шчаслівая пара прыйшла на першы перыяд, калі маленства і маладосць Ігнася праходзілі ў звычайнай сялянскай сям'і. Яна памятная з-за вясковай працы пад доглядам і навучаннем бацькі, начных размоў з аднагодкамі каля вогнішча падчас выпасу коней, а таксама дзякуючы першаму каханню, спатканням на досвітку, вяселлю і нараджэнню дзіцяці. Другі перыяд, які атаясамліваецца з ад'ездам на чужыну, успрымаўся Ігнасем Караленем як часовае становішча, з якім нельга змірыцца. Дыяда *свой – чужы* звязана з сітуацыяй, калі герой паўстае перад выбарам: дапамагчы чужой сям'і або шукаць сваю. Ён часова падтрымлівае людзей, якія апынуліся ў цяжкіх абставінах, але потым вырашае шукаць сваіх родных з бацькоўскай сям'і. Як аказалася, яны загінулі. Трэці перыяд звязаны з жыццём на Воўчай выспе, надзеяй вярнуць страчанае шчасце. У рамана гучыць ідэя аднаўлення, якая натхняе на працоўны і духоўны подзвіг.

Выкарыстанне часовага кода спалучана з сяміятызацыяй адрэзкаў часу з жыцця чалавека, святаў народнага календара, пор года. Звяртанне да прасторавага кода звязана з адлюстраваннем вобразаў вёскі, горада, хаты, млына, леса, балота, поля і найперш роднай зямлі: «Калі бацька быў на вайне, Ігнась, яшчэ падлетак, сам гаспадарыў на сваёй зямлі, сам араў, баранаваў і сеяў. І рабіў усё ў пару. Нават з нецярпеннем чакаў, калі яна настане, тая жаданая пара – любіў гэтую работу» [20, с. 39]. У шэрагу мастацкіх твораў беларускай літаратуры прысутнічае матыў роднай зямлі. Згадаем урывак з паэмы Якуба Коласа «Новая зямля», у якім паказаны адносіны да яе як да падмурку жыцця: *Купіць зямлю, прыдбаць свой кут, / Каб з панскіх выпутацца пут, / І там зажыць сабе нанова: / Свая зямля – вось што аснова!* [24, с. 67]. У рамана К. Цвіркі «Воўчая выспа» пералічаны многія пакуты, якія неабходна выцерпець дзеля набывання ўласнай зямлі, а значыць, незалежнасці і дабрабыту: «Хто не ведае, што значыць для селяніна зямля? Яна – аснова асноў яго, яго быту, яго дастатку. За яе селянін ішоў на вайну, рабіў рэвалюцыі. Каб прыдбаць шматок зямлі, ён, бывала, цягам усяго часу, галадаючы, адмаўляючы сабе ў самых пільных патрэбах, збіраў-запашваў грошы» [20, с. 66]. Тая ж думка прасочваецца і ў паэме Якуба Коласа «Новая зямля»: *Зямля не зменіць і не здрадзіць, / Зямля паможа і дарадзіць, / Зямля дасць волі, дасць і сілы, / Зямля паслужыць да магілы, / Зямля дзяцей тваіх не кіне, / Зямля – аснова ўсёй айчыне* [24, с. 265]. Мае рацыю А. М. Мельнікава: «Зямля – цэнтр беларускага вобраза свету, што адлюстравана нашай літаратурай» [17, с. 99].

Заклучэнне

Мастацкая літаратура трансліруе сацыяльныя і духоўныя каштоўнасці, нацыянальны светапогляд і адлюстроўвае ідэйныя ўстаноўкі і стэрэатыпы, пры гэтым яна фарміруе грамадскую думку. Выкарыстанне культурных кодаў звязана з працэсам кадзіравання і дэкадзіравання інфармацыі, што дазваляе пры мінімальнай эксплікацыі сэнсавых апазіцый дамагчыся вызначанага эфекту ўздзеяння на рэцыпіента. Імпліцытнасць праяўляецца ў рэлевантнасці вобразаў і матываў мастацкага твора элементам карціны свету, назапашаным у памяці чытача.

У рамана К. Цвіркі «Воўчая выспа» выкарыстанне прасторавага, часовага і персанажнага кодаў скіравана на паказ гаспадарлівых адносін да сваёй зямлі і адлюстраванне культурных сэнсаў у межах дыяды *свой – чужы*, *гісторыя – вечнасць*, *правільна – кепска*. Звяртанне да акцыянальнага кода акрэслівае спецыфіку вясковага жыцця беларуса, робіць акцэнт на яго працавітасці. Будуюцца хаты, праца на раллі, вядзенне гаспадаркі, догляд свойскіх жывёл, выраб прадметаў быту, прыгатаванне ежы – асноўныя дзеянні, з дапамогай якіх у творы паказаны мадэлі паводзін, ментальныя ўстаноўкі, характэрныя для нацыянальнага светаадчування.

Пры адлюстраванні лёсу Ігнася Каралені пералічаны асаблівасці адносін жыхароў Беларусі да айчыны, сям'і і свайго дому. Якія б знешнія перашкоды ні пагражалі краіне, ні руйнавалі яе спадчыну і дасягненні, прага да жыцця, аднаўлення і высакародны дух, які занатаваны ў нацыянальным характары, здольны захавашь уласную годнасць народа, даць новыя парасткі жыцця, не дазволіць страціць надзею на лепшую будучыню.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косикова ГК, редактор и составитель. Москва: Прогресс; 1989. 615 с. Совместно с издательством «Универс».
2. Красных ВВ. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация*. 2001;19:5–19.
3. Толстая СМ. К понятию культурных кодов. В: Вахтин НБ, Левинтон ГА, редакторы. *АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбулина*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2007. с. 23–31. (Серия «Studia Ethnologica»).
4. Маслова ВА, Пименова МВ. *Коды лингвокультуры*. Москва: Флинта; 2016. 180 с. Совместно с издательством «Наука».
5. Рапай К. *Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему*. Саламатова У, переводчик. Москва: Юнайтед пресс; 2010. 167 с. (Серия «Сколково»).
6. Мартынов ВС. *Символика лингвокультурных кодов в составе англоязычного художественного текста* [диссертация]. Москва: Московский государственный институт международных отношений; 2009. 199 с.
7. Савицкий ВМ. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2016;2:55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
8. Эргешбай КМ. Лингвокультурный код как ключ к пониманию национальных образов. *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2022;22(2):90–95. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-2-90-95.
9. Толстая СМ. *Коды культуры и культурные концепты. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик; 2008. 527 с.
10. Швед ИА, Ковалевич МС. О структурно-типологическом описании концептуальных кодов мифопоэтического мышления белорусов. *Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта. Частка 1, Гуманітарныя і грамадскія навукі*. 2014;10:154–164.
11. Гончаров ВВ. Влияние процессов глобализации на слом национального культурного кода: социально-философский анализ. В: Гончаров ВВ, редактор. *Глобальный конституционализм и перспективы мирового развития. Материалы II Международной научно-практической конференции (симпозиума) № МК-2; 11 сентября 2020 г.; Краснодар, Россия*. Москва: Спутник+; 2021. с. 174–183.
12. Рацибурская ЛВ, Шарыпина ТА. Актуальные проблемы изучения западноевропейской и русской ментальности (по итогам всероссийской научной конференции «Национальные коды в языке и литературе, особенности концептосферы национальной культуры»). *Российский гуманитарный журнал*. 2015;4(1):22–33. DOI: 10.15643/libartrus-2015.1.4.
13. Болдырева ТВ. *Типология культурных кодов в драматургии Л. Н. Андреева* [диссертация]. Самара: Самарский государственный педагогический университет; 2008. 186 с.
14. Жилина МЮ. *Метасюжет судьбы лирического героя в поэзии С. А. Есенина: основные культурно-художественные коды и мотивные комплексы* [диссертация]. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2006. 211 с.
15. Калугина ЛВ. *Поэзия Владимира Высоцкого и западноевропейская литература Средневековья и Возрождения: взаимодействие дискурсов и культурных кодов* [диссертация]. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2014. 153 с.
16. Куликов ЕА. *Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса* [диссертация]. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 2018. 203 с.
17. Мельнікава АМ. *Канцэптуалізацыя нацыянальнага ў беларускай прозе першай трэці ХХ стагоддзя* [диссертация]. Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны; 2017. 237 с.
18. Романов АА. *Культурные коды в лирике Е. Шварц* [диссертация]. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 2021. 217 с.
19. Трубецкова ЕГ. *Морбуальный код русской литературы XX–XXI вв.* [диссертация]. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 2022. 477 с.
20. Цвірка К. *Воўчая выспа*. Минск: Харвест; 2019. 640 с.
21. Галубовіч ЛМ. Ад Марціна Кухты да Кастуся Цвіркі. Да 80-годдзя паэта, пісьмэнніка і выдаўца. *Дзеяслоў*. 2014;2:302–307.
22. Навасельцава ГВ. Раман-эсэ Кастуся Цвіркі «Воўчая выспа» ў кантэксце сучаснай беларускай літаратуры. У: Адамян ТМ, рэдактар. *Віцебскі край. Матэрыялы VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне; 19 лістапада 2020 г.; Віцебск, Беларусь. Том 6*. Минск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі; 2021. с. 373–377.
23. Ляшчынская ВА. *Гастронамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы ежы ў вобразах фразеалагізмаў беларускай мовы*. Минск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2022. 271 с.
24. Колас Я. *Новая зямля*. Минск: Мастацкая літаратура; 2007. 333 с.

References

1. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikova GK, editor and compiler. Moscow: Progress; 1989. 615 p. Russian. Co-published by the «Univers».
2. Krasnykh VV. [Codes and standards of culture (an invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. 2001;19:5–19. Russian.
3. Tolstaya SM. [On the concept of cultural codes]. In: Vakhtin NB, Levinton GA, editors. *AB-60. Sbornik statei k 60-letiyu A. K. Baibulina* [AB-60. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of A. K. Baibulin]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2007. p. 23–31. (Series «Studia Ethnologica»). Russian.
4. Maslova VA, Pimenova MV. *Kody lingvokul'tury* [Linguistic culture codes]. Moscow: Flinta; 2016. 180 p. Russian. Co-published by the «Nauka».
5. Rapaille C. *Kul'turnyi kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu* [Cultural code. How we live, what we buy and why]. Salamatova U, translator. Moscow: Yunaited press; 2010. 167 p. (Series «Skolkovo»). Russian.
6. Martynov VS. *Simvolika lingvokul'turnykh kodov v sostave angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta* [Symbolism of linguistic cultural codes in the composition of the English literary text] [dissertation]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations; 2009. 199 p. Russian.

7. Savitsky VM. The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2016;2:55–62. Russian. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
8. Ergeshbai KM. Linguocultural code as a key to understanding national images. *Vestnik of the Kyrgyz Russian Slavic University*. 2022;22(2):90–95. Russian. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-2-90-95.
9. Tolstaya SM. *Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [Culture codes and cultural concepts. Word space. Lexical semantics in the common Slavic perspective]. Moscow: Indrik; 2008. 527 p. Russian.
10. Shved IA, Kovalevich MS. About structural-typological description of the conceptual codes of Belarusians mythopoetic thinking. *Scientific Proceeding of Brest University. Part 1, The Humanities and Social Sciences*. 2014;10:154–164. Russian.
11. Goncharov VV. [The influence of globalisation processes on the breaking of the national cultural code: socio-philosophical analysis]. In: Goncharov VV, editor. *Global'nyi konstitutsionalizm i perspektivy mirovogo razvitiya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (simpoziuma) № MK-2; 11 sentyabrya 2020 g.; Krasnodar, Rossiya* [Global constitutionalism and prospects for world development. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference (symposium) No. MK-2; 2020 September 11; Krasnodar, Russia]. Moscow: Sputnik+; 2021. p. 174–183. Russian.
12. Ratsiburskaya LV, Sharypina TA. Contemporary issues of studying of Western European and Russian mindset (according to the results of Russian nationwide conference «National identity through language and literature. Characteristics of conceptosphere of a national culture»). *Liberal Arts in Russia*. 2015;4(1):22–33. Russian. DOI: 10.15643/libartus-2015.1.4.
13. Boldyreva TV. *Tipologiya kul'turnykh kodov v dramaturgii L. N. Andreeva* [Typology of cultural codes in the dramaturgy of L. N. Andreev] [dissertation]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet; 2008. 186 p. Russian.
14. Zhilina MYu. *Metasyuzhet sud'by liricheskogo geroya v poezii S. A. Esenina: osnovnye kul'turno-khudozhestvennye kody i motivnye komplekсы* [The metaplot of the fate of the lyrical hero in the poetry of S. A. Yesenin: main cultural and artistic codes and motive complexes] [dissertation]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; 2006. 211 p. Russian.
15. Kalugina LV. *Poeziya Vladimira Vysotskogo i zapadnoevropeiskaya literatura Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: vzaimodeistvie diskursov i kul'turnykh kodov* [The poetry of Vladimir Vysotsky and Western European literature of the Middle Ages and the Renaissance: interaction of cultural discourses and cultural codes] [dissertation]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; 2014. 153 p. Russian.
16. Kulikov EA. *Natsional'nye i kul'turnye kody v romanakh Dena Simmonsa* [National cultural codes in the novels of Dan Simmons] [dissertation]. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2018. 203 p. Russian.
17. Melnikava AM. *Konceptualizatsiya nacyjanalnaga w belaruskaj proze pershaj trjeci XX stagoddzja* [Conceptualisation of the national in Belarusian prose of the first third of the 20th century] [dissertation]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2017. 237 p. Belarusian.
18. Romanov AA. *Kul'turnye kody v lirike E. Shvarts* [Cultural codes in E. Schwartz's lyrics] [dissertation]. Saratov: Saratov State University; 2021. 217 p. Russian.
19. Trubetskaya EG. *Morbual'nyi kod russkoi literatury XX–XXI vv.* [Morbuay code of Russian literature of 20th–21st centuries] [dissertation]. Saratov: Saratov State University; 2022. 477 p. Russian.
20. Cvirka K. *Vowchaja vyspa* [Wolf island]. Minsk: Harvest; 2019. 640 p. Belarusian.
21. Galubovich LM. From Martin Kukhta to Kastus Cvirka. For the 80th anniversary of poet, writer and publisher. *Dziejaslou*. 2014; 2:302–307. Belarusian.
22. Navaselcava GV. [Kastus Cvirka's novel-essay «Wolf island» in the context of modern Belarusian literature]. In: Adamian TM, editor. *Viciebski kraj. Matjeryjaly VI Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 75-goddzju Peramogi w Vjalikaj Ajchynnaj vajnie; 19 listapada 2020 g.; Viciebsk, Bielarus. Tom 6.* [Vitebsk region. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War; 2020 November 19; Vitebsk, Belarus. Volume 6]. Minsk: National Library of Belarus; 2021. p. 373–377. Belarusian.
23. Liashchynskaja VA. *Gastranamichny kod kultury belarusaw. Stjerjeatypy ezhy w vobrazah frazealagizmaw belaruskaj movy* [Gastronomic code of Belarusian culture. Stereotypes of food in the images of phraseological units of the Belarusian language]. Minsk: Republican Institute for Higher Education; 2022. 271 p. Belarusian.
24. Kolas Ja. *Novaja zjamlja* [New land]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2007. 333 p. Belarusian.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 12.09.2023.
Received by editorial board 12.09.2023.

СИНКРЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СВЯТОГО В ЖИТИИ СВЯТОГО КАТБЕРТА АВТОРСТВА СВЯТОГО БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается образ святого в произведении ранней английской агиографии – Житии святого Катберта авторства святого Беды Досточтимого – для выявления специфики синтеза, положенного в основу структуры созданного образа. Святой в работе святого Беды Досточтимого сочетает черты эпического героя, аскета, отшельника, чудотворца, провидца, епископа и мученика. Синкретический характер образа объясняется стремлением автора рассказать о реальном английском монахе, следовать римскому канону агиографического жанра (после Уитбийского собора 664 г.) и использовать Евангелия как прототип агиографии, а также наследованием практики кельтской (ирландской) церкви агглютинировать христианские, античные и языческие фольклорные и мифические источники. Показывается, как структурный синкретизм связан с рассмотрением образа святого на семантическом и прагматическом уровнях. Исследуются композиция, авторские интенции и некоторые черты агиографического стиля. Затрагиваются соответствующие религиозные, культурные, политические и литературные контексты. Упомянуты источники, к которым прибегал святой Беда Досточтимый с целью рассказать собратям о реальном человеке и одновременно создать идеал эпохи таким, каким его видела римская церковь. Конфликтность интересов святого Беды Досточтимого отражена в мотивах жития, а именно в необходимости примирить идеи отшельничества святого Катберта и его епископства. Большое внимание уделяется изучению мотивов пророчества, помощи, отшельничества, чудес, благочестия, любви и смерти, а также рассмотрению видения как мотива (и потенциально как жанра). Методология исторической поэтики, предложенная А. Н. Веселовским, придает исследованию как парадигматическое, так и синтагматическое звучание. Образ святого в интерпретации святого Беды Досточтимого остается одним из самых влиятельных в английской литературе (как в религиозной, так и в светской) с VIII в. до настоящего времени. Впервые в белорусском литературоведении анализируется английская агиография.

Ключевые слова: житие; агиография; агиология; образ святого; мотив святости; синкретический образ; святой Беда Досточтимый; святой Катберт; английская литература Средних веков; историческая поэтика; история идей; А. Н. Веселовский.

Образец цитирования:

Зелезинская НС. Синкретический образ святого в Житии святого Катберта авторства святого Беды Досточтимого. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;3:28–39 (на англ.).
EDN: BHUDPK

For citation:

Zelezinskaya NS. The syncretic image of a saint in *The Life of Saint Cuthbert* by Saint Bede the Venerable. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;3:28–39.
EDN: BHUDPK

Автор:

Наталья Станиславовна Зелезинская – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Natalia S. Zelezinskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
zelennew@tut.by
<http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

СІНКРЭТЫЧНЫ ВОБРАЗ СВЯТОГА Ў ЖЫЦЦІ СВЯТОГА КАТБЕРТА АЎТАРСТВА СВЯТОГА БЭДЫ ВЯЛЕБНАГА

Н. С. ЗЕЛЯЗІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца вобраз святога ў творы ранняй англійскай агіяграфіі – Жыцці святога Катберта аўтарства святога Бэды Вялебнага – для выяўлення спецыфікі сінтэзу, пакладзенага ў аснову структуры створанага вобраза. Святы ў працы святога Бэды Вялебнага спалучае рысы эпічнага героя, аскета, пустэльніка, чудатворца, прадказальніка, епіскапа і пакутніка. Сінкрэтычны характар вобраза тлумачыцца імкненнем аўтара распавесці пра рэальнага англійскага манаха, прытрымлівацца рымскага канона агіяграфічнага жанру (пасля Уітбійскага сабору 664 г.) і выкарыстоўваць Евангеллі як прататып агіяграфіі, а таксама пераёмнасцю практыкі кельцкай (ірландскай) царквы аглоцініраваць хрысціянскія, антычныя і язычніцкія фальклорныя і міфічныя крыніцы. Паказваецца, як структурны сінкрэтызм звязаны з разглядам вобраза святога на семантычным і прагматычным узроўнях. Даследуюцца кампазіцыя, аўтарскія інтэнцыі і некаторыя рысы агіяграфічнага стылю. Закранаюцца адпаведныя рэлігійныя, культурныя, палітычныя і літаратурныя кантэксты. Згадваюцца крыніцы, да якіх звяртаўся святы Бэда Вялебны з мэтай распавесці сабратам пра рэальнага чалавека і адначасова стварыць ідэал эпохі такім, якім яго бачыла рымская царква. Канфліктнасць інтарэсаў святога Бэды Вялебнага адлюстравана ў матывах жыцця, а менавіта ў неабходнасці прымірыць ідэі пустэльніцтва святога Катберта і яго епіскапства. Вялікая ўвага надаецца вывучэнню матываў прароцтва, дапамогі, пустэльніцтва, цудаў, набожнасці, любові і смерці, а таксама разгляду прывіду як матыву (і патэнцыяльнага як жанру). Метадалогія гістарычнай паэтыкі, прапанаваная А. М. Весаюўскім, надае даследаванню як парадыматычнае, так і сінтагматычнае гучанне. Вобраз святога ў інтэрпрэтацыі святога Бэды Вялебнага застаецца адным з самых уплывовых у англійскай літаратуры (як у рэлігійнай, так і ў свецкай) з VIII ст. да сучаснасці. Упершыню ў беларускім літаратуразнаўстве аналізуецца англійская агіяграфія.

Ключавыя словы: жыццё; агіяграфія; агіялогія; вобраз святога; матыў святасці; сінкрэтычны вобраз; святы Бэда Вялебны; святы Катберт; англійская літаратура Сярэднявечча; гістарычная паэтыка; гісторыя ідэй; А. М. Весаюўскі.

THE SYNCRETIC IMAGE OF A SAINT IN THE LIFE OF SAINT CUTHBERT BY SAINT BEDE THE VENERABLE

N. S. ZELEZINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The study considers the image of a saint in the work of early English hagiography (*Vita Sancti Cuthberti* by Saint Bede the Venerable) to show a syncretic structure of this image. It combines the features of an epic hero, an ascetic, a hermit, a wonder worker, a visionary, a bishop, and a martyr. Its syncretic nature is explained by Saint Bede the Venerable's attempt to involve the tradition of Celtic (Irish) Church of accepting pagan folklore and mythic sources, to tell the story of a real English monk, to follow the Roman canon of hagiographic genre (after the Synod of Whitby of 664) and the example of Gospels as a prototype of hagiography. Syncretism is observed on semantic, structural, and paradigmatic levels of the image. The article dwells upon the composition, the author's intentions and the style. The relevant religious, cultural, political, and literary contexts are touched upon. Saint Bede the Venerable's sources are mentioned to show that the author's purpose was to tell his brethren about a real man and about the ideal of the age as the Roman Church saw it. His conflicting intentions are reflected in the motives of the life. Much attention is paid to the motives of prophecy, help, hermitage, wonders, piety, love, death as well as to the vision as a motive (and potentially a genre). The methodology of historical poetics by A. N. Veselovsky provides the research with both paradigmatic and syntagmatic dimensions. The image of a saint in Saint Bede the Venerable interpretation is one of the most influential images of English literature (both religious and civil) since the 8th century until now. This is the first study on English hagiography conducted in Belarus.

Keywords: life (vita); hagiography; hagiology; the image of a saint; the motive of sanctity; syncretic image; Saint Bede the Venerable; Saint Cuthbert; English medieval literature; historical poetics; the history of ideas; A. N. Veselovsky.

Introduction

The 8th century was a golden age for England. Between the wars of the 7th century and Viking invasions, Christianity embraced everybody, and monasteries were flourishing along with hagiography, historiography, and poetry. At the beginning of the 8th century, much thought was invested in the image of a saint, for it reflected English mentality at a new stage of development. The ideal of the age was realised in the first hagiographies. «The image of man, the interpretation of man... the way to connect contemporary works with the memory of culture is always in the centre of literature, and man is the beginning, thanks to which and for the sake of which the whole mechanism of moral and rhetorical verbal creativity is launched»¹ [1, p. 38].

The image of a saint owes much to new Christian and historical contexts, but it was also formed under the influence of earlier legends from the continent and Irish monasteries. The first image of a saint appeared in the Gospels, but the notion «saint» cannot be reduced to that of Jesus Christ and his apostles as in its most basic sense, a saint is a holy one, someone who is set apart for God's special purposes. Imitating the rhetoric of The Old Testament, Saint Peter addresses believers: «But ye are a chosen generation, a royal priesthood, a holy nation, a peculiar people; that ye should shew forth the praises of him who hath called you out of darkness into his marvellous light» (1 Peter 2:9). The phrase means that the word can be applied to every follower of Jesus Christ. The latter becomes a model both in practical life and in literature. The problem of interpretation arises from the very beginning. That is why even nowadays there is no universally accepted definition of sanctity.

The image did not remain as it was in The New Testament, but underwent changes as soon as religious, political, and cultural contexts changed. The image of a saint as a martyr developed with the advent of Christianity, for the need to suffer for their persecuted faith. It embodied the dominant ideal of the early Middle Ages and took shape in early hagiography of the 3rd and 4th century: acts (interrogations), passions, martyrologies, and legends [2, p. 409].

When Christianity became the dominant religion, the need for martyrs vanished (not forever and not everywhere), but Christianity faced the problem of justifying itself in front of other religions and heresies. The need led Holy Fathers to the philosophical thought (Hermeticism, Gnosticism, Cynicism, Stoicism, and Neoplatonism), from which, despite all their differences, they borrowed ideas appealing to Christian consciousness: the bipolarity of the world, matter as evil, self-control and self-sufficiency, ascent and purification of the soul, taming the flesh, speculation, education of mind and spirit, contempt for the world, etc. From these ideas emerged the central thesis of Christianity about the necessity of continuous strenuous human effort in attaining divine grace for the salvation of the soul and the attainment of the kingdom of heaven. The linearity of Christian time made it possible to see the ideal cultural code as the way to salvation through asceticism. The textually fixed exemplar of asceticism was found in the treatises of Coptic monasteries (available to the Celtic Church), so asceticism was associated with anchoritism and hermitage and transmitted to hagiography. Naturally, the image of Christ did not cease to be thought of as ideal, and many evangelical motives are found in the legends about ascetics. What is astounding is that the lifestyle of a hermit persuaded the idea of sanctity during their lifetime, but the notion of a saint still included the semantics of being dead, as it was the case of a martyr. The conflict seems to have been solved not in an obvious way: a hermit (later an anchorite) was considered a hallow during their lifetime, but their legend (vita, life) could be created only after his death. Moreover, their dying should have been thoroughly depicted as a kind of proof of the person's holiness.

The further development of Western European society by the 6th century (when Christianity was the dominant religion and strived to embrace all European peoples) one of the most significant characteristics of a saint became wonderworking. On the one hand, wonders were impressive and could attach pagans to the power of the Christian God. On the other hand, Christianity struggled to assign pagan magic to Christianity. Thus, Irish Church was wise enough to use the knowledge of the Druids. Attention to the magical was also explained by the increasing influence of Neoplatonism and mysticism. Wonderworking integrated in the image of a saint. However, its mixed origin resulted in complexity and ambiguity of the process of beatification, as the saint in question was to demonstrate its autonomy from pagan practices such as witchcraft [3].

Later mysticism led to the development of dream visions and arising of people imitating saints such as Margery Kempe. It was a pivotal step for the image of a saint: it crossed the line between hagiography and other genres, or even the religious discourse and reading for everybody. A century later, the image of a saint will appear in the works of civilian writers. Based on the foregoing, there was no single canon of sanctity universally observed in western Christendom during the Middle Ages.

Methods

The purpose is to specify the structure of the image of an English saint as a character represented in *The Life of Saint Cuthbert* by Saint Bede the Venerable, as well as a model of the hero of hagiography and generally any literary works where the image of a saint appears in all its variants.

¹Hereinafter translated by us. – N. Z.

The problem of the image of a saint is usually framed by the genre canon and is rarely researched outside of theology and spiritual literature. It seems important to show that with the decline of hagiography and the loss of significance of religious prose in general, the image of a saint does not disappear, but continues to be transmitted to the reader, being refracted through new cultural codes. The reason for this vitality lies in the original syncretic nature of the image and in the ambiguity of the idea of sanctity.

Being an extremely complex phenomenon, the idea of sanctity has raised much discussion [3; 4]. R. Otto, a German protestant theologian, is the author of a very profound book written in 1917, when the history of ideas was popular among German scholars but was far from being well-shaped and developed. Consequently, R. Otto could not avoid rather contentious statements (from the point of view of today's academic thought) either of Platonic or Erigena (and clearly mystical) nature that sanctity was not a concept, and could not be captured by mind or perceived through feelings, but it could «only be evoked, awakened in the mind» [5, p. 26]. Nevertheless, he was the first to point out that the idea of sanctity had been changed greatly through the centuries: while in the Middle Ages the semantics of sanctity included the meaning of irrationality and its pragmatics was to draw believers into admiration, nowadays *saint* means 'very good', and its pragmatics is more of an axiological dimension. The book presents sanctity through the notion of the numinous as at once dreadful, majestic, and fascinating, and rejects the conceptual approach to sanctity, which became the ground for critical remarks in its address, for example in H. Lelen's work [6]. The Polish linguist demonstrates that sanctity functions as a composite semiotic phenomenon, a symbolic entity and an archetype and as such, it affects the texts in which it appears and illuminates the stories that it entails [6]. Belarusian medievalist L. V. Levshun criticises the theory of the uniformity of the medieval literary style and method, backed up by many scholars in the 20th century, such as V. P. Adrianova-Peretts [7], and points at the motley picture of the stylistic features of Eastern Slavic hagiographies, which depend on the author's pragmatic intentions and axiology of the image [8]. A. C. de la Rosa and L. G. de Jones view a hallow as an archetype and dwell rather upon typical features of a saint in Judaism, Christianity, and Islam because it derives from the ordinary experiences of human communities [9]. Purely linguistic approach is usually based on the same assumptions [10]. It is clear that they mostly ignore the national and (or) historical and local specificities of their images.

A. Macintyre also opposes the mythological school and all types of unifications: «Of all the mythological ways of thinking which have disguised the Middle Ages for us none is more misleading than that which portrays a unified and monolithic Christian culture and this not just because the medieval achievement was also Jewish and Islamic. Medieval culture, insofar as it was a unity at all, was a fragile and complex balance of a variety of disparate and conflicting elements» [3, p. 166]. The opinion is backed up by T. J. Heffernan and T. E. Burman whose publication [11] proceed from the idea of complexity induced by religious, historical, and cultural contexts of different medieval periods. Contextual analysis also leads J. S. Ott to the idea of randomness, illogicality, and inappropriateness of recognition many Western saints as such [12, p. VII; 13, p. 117–118].

Therefore, two traditions have been thriving in hagiographic studies: archetypal typifying approach and the history of ideas. The aim of this research can be followed with the tools of historical poetics because it does «not only investigates the genesis of certain techniques and principles of verbal creativity, but also “deciphers” the works of other epochs – artistic, religious and scientific, etc., i. e. it raises the question of a certain cultural code, which should be known by a scholar, who is engaged in cultural interpretation of the work of another historical epoch» [14, p. 49].

This is the aim of historical poetics by A. N. Veselovsky, which uses motive analysis, the comparative method, and the history of ideals [15]. A multi-vector approach is extremely relevant for medieval religious literature, which has been either considered in isolation from any literary tendencies, trends and ultimately outside literary studies or was imposed by norms, rules, and assumptions of the poetics of modern literature. Beyond that, historical poetics takes into account theologians', anthropologists', sociologists' observations.

The idea of sanctity as the core of the image of an English saint has been paid much attention in Western hagiographic studies [16]. The best results are obtained when this approach goes together with textological work provided by such scholar as B. Colgrave [17] and (or) theological insight, for example introduces by Pope Francis' article². Among Russian scholars, English saints became the object of literary, historical, cultural, and linguistic studies of M. R. Nenarokova [18], M. P. Omel'nikitskii [19], N. Yu. Chekhonadskaya [20]. Sanctity as a motive of a literary work has been much considered by the researchers of F. M. Dostoevsky's and L. N. Tolstoy's novels. M. N. Klimova conducted an extensive research of hagiographical motives and the idea of sanctity in Russian literature of the 19th–20th centuries [21; 22].

To reveal the syncretic structure of the image of a saint in English hagiography this article also takes into consideration the common perspective of contemporary Belarusian, Ukrainian, and Russian scholars whose research

²Apostolic exhortation *Gaudete et exsultate* of The Holy Father Francis on the call to holiness in today's world [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20180319_gaudete-et-exsultate.html#REJOICE_AND_BE_GLAD (date of access: 10.07.2023).

object is Byzantine and Old-Russian hagiography [23–33], who argue that «the study of the phenomenon of sanctity in the context of culture allows us to understand the system of values, moral and ethical guidelines, and spiritual aspirations of the society in different historical periods» [34, p. 99].

Thus, in addition to the general aim of identifying the syncretic structure of the image of an English saint, the research is to fulfil the following objectives: to proceed from the idea of continuity of images in religious and secular literature; to apply the methodology of historical poetics to hagiography, and, therefore, to overcome a methodological gap between hagiology and hagiography; to present the image paradigmatically and syntagmatically, i. e. as an exemplar of the literary canon and as a concrete image of Saint Cuthbert in the early 8th century Celtic manuscript; to identify the reasons for the syncretism of the image of the saint, i. e. to analyse the historical, cultural, religious, and literary contexts that had a direct influence on its formation and transformation; to lay basis for the beginning of research devoted to the motive of sanctity and the image of a saint in British literature. It is necessary to point out their semantic, structural, and pragmatic features before further advancement.

Results and discussion

C. Sanok identifies three hagiographical groups: *passio*, *miracula*, and *vita* [35, p. 420]. A *passio* (Latin for *suffering*) is a species of martyr legend that focuses on the saint's trials, torture, and death. *Miracula* dwells upon wonder workers. *Vita* is a fairly detailed and complete description of the birth, childhood, adolescence, mature life, and death of a saint. It falls into the subgenres of legends about apostles, virgins, prelates, monks, and hermits. Sometimes two other groups are distinguished: *inventions*, i. e. narratives of the discovery or ritual placement of relics in a shrine, which inaugurated their public veneration, and *translations*, i. e. stories about the transfer of the relics. According to R. Bartlett, «in this form Christian hagiography was forever formed by the authors of the 4th century hagiographies Athanasius, Sulpicius Severus, and Jerome (Stridonian. – N. Z.)» [36, p. 20].

Nevertheless, all researchers stipulate the high frequency of the syncretism of these groups [35–37]. These genres do not always correlate with the forms of existence of hagiographic works: they could function as an independent text, as a part of a chronicle, a calendar, a book of hours or a monthly prayer book, in a collection of both pagan and Christian legends, inquests held into the life of a candidate for canonisation, accounts of the discovery or movement of relics, bulls of canonisation, liturgical books, sermons, visions, etc. Stories of miracles either circulated in separate collections or were appended to saints' lives. There were a lot of hagiographical poems. Most Europeans did not read about the life of a saint, but listened to them. The stories of their lives were read in churches on the day of the saint's memory, and in this case, as a rule, those pieces did not retell his life in full, but highlighted separate edifying episodes demonstrating the hero's virtues and the miracles worked by God; gradually they were divided into chapters for convenience at once. Moreover, the particulars of the canon differed widely from region to region, and from period to period, although many features became standard [2; 5; 9; 12; 14; 16; 18–20].

This variability was the result of the fact that western Christendom did not manage to construct a universal canon of sanctity. C. G. Loomis points out, that the cult of the saint-wonderworker was formed before the 6th century, and the cult of the ascetic even earlier (though not earlier than the Edict of Milan of 313), but the development of the literary tradition took more time [38, p. 405] and occurred during the heyday of the Anglo-Saxon monasteries of Lindisfarne and Wearmouth-Jarrow. Early English hagiography reveals an image of the ascetic and an image of the wonderworker, but the former was closer to the practice and spiritual needs of the people: monasticism³, asceticism, and hermitage were the main religious practices of pursuing a life devoted to God and salvation for the Celtic Church. Unlike the Roman Church, it seamlessly blended native Celtic culture, the magic of Druids, folklore, and the new faith (there were no martyrs in Ireland for it became a Christian country bloodlessly). One consequence of the process was the fusion of the cults of an ascetic, a hermit and a wonder worker in the image of the saint. At that time Saint Bede the Venerable (673–735) composed *Vita Sancti Cuthberti*⁴, who lived from 634 to 687, was a hermit, a wonderworker, and a bishop of Lindisfarne but not a martyr.

Structurally, the *vita* corresponds to the continental patterns that were intentionally followed by an English monk of extraordinary scholarship. Saint Bede the Venerable grew up within the reach of the unique library of the monasteries of Wearmouth-Jarrow. He was not only familiar with the early hagiographies but translated some hagiographies himself and wrote a hagiographic poem. He admired Saint Gregory the Great who was the initiator of the Christian Church of England and the author of the *Dialogues* (593–594), the most famous and authoritative collection of hagiographies in Western Europe, and «the chief source for the formation of Latin theology's system of views on the afterlife, heaven, and hell» at the time [39, p. 190].

³The debate about the prevailing form of church organisation in Ireland is not the object of this study, which is based upon a certain text.

⁴*The life and miracles of Saint Cuthbert, bishop of Lindesfarne* as it was translated by J. A. Giles, or *The life of Saint Cuthbert* as it was translated by B. Colgrave.

Among the most significant influences on Saint Bede the Venerable hagiography, researchers also mention *On the Life of Saint Martin* (*Vita Sancti Martini*) by Sulficius Severus, who began to describe saints' miracles in the early 4th century, and hagiography and *Liber de miraculis*, *De gloria martyrum*, and *The History of the Franks* (*Historia Francorum*) by Gregory of Tours, who established the cult of the miraculous in Western Europe, while the *Dialogues* by Saint Gregory the Great authorised the cult [38, p. 404]. This observation points out that the medieval hagiographic tradition does not draw directly from the Gospels, for between the 1st–2nd and the 6th–8th centuries the idea of the miraculous was not perceived as a purely Christian value.

Saint Bede the Venerable was not the first to write a life of a saint in Britain. There had already been *The Life of Columba* (*Vita Columbae*, 697 and 700) by Adamnan (Adomnán), who relied upon a Latin collection entitled *De uirtutibus sancti Columbae*, composed c. 640 AD by one of the abbots of Iona Abbey; *The Earliest Life of Gregory the Great* (c. 700) by an anonymous monk of Whitby; *The Life of Saint Wilfrid* (*Vita Sancti Wilfrithi*, 709–720) by Stephen of Ripon (Eddius Stephanus) and certainly the anonymous *Life of Cuthbert* (*Vita Sancti Cuthberti*, c. 700) [19]. Saint Bede the Venerable is supposed to have read Irish legends about Saint Patrick, Saint Brigid, etc.

The latter has survived in seven folios, testifying to the importance of Saint Cuthbert and the spread of his cult. The discovery of the saint's imperishable relics undoubtedly gave new strength to it. Drawing on an anonymous work and supplementing it with the account of Herefrith, a former bishop of Lindisfarne, and other witnesses, Saint Bede the Venerable composed the hagiography of Saint Cuthbert known to us today, first in verse, and in 721 in prose, in 47 chapters.

In no small measure, the local origin of the saint contributed to the canonicity of Saint Bede the Venerable work. It also affected its poetics. As M. R. Nenarokova points out, «...the closest parallel in the hagiography of a saint in Irish tradition is a tale about a hero. A hero's story is a kind of scheme. It is built on certain and unchangeable moments in the narrative: the hero's miraculous birth; his upbringing, foreshadowing his glorious future; his life full of exploits; and his unusual death. One can find correlating key moments in a saint's story: a foretelling of the saint's glorious future before his birth, accompanied by miracles and heavenly signs; a religious upbringing and education from an early age revealing his holiness; a life full of spiritual feats, the saint is a miracle worker and spiritual leader for those around him; the saint's death, like his birth, is extraordinary»⁵ [18, p. 67–68]. *Enchiridion militis christiani* (*Handbook of the Christian Soldier*, 1501) by Erasmus of Rotterdam confirms that this mechanism still worked seven centuries later, at least for Northern Europe. It backs up historical poetics and contradicts the theory of archetypes because the latter always separates warrior and wizard⁶.

Still, the long continental hagiographic tradition introduces the schematism of the image of a saint. All scholars agree upon schematism though their opinions vary from the existence of a few rows of significant features [41, p. 40] and «quite reliable basics of the typical plot, though structural variants are common, as well» [42, p. 318] to more categorical statement that hagiography is extremely formulaic and follows a certain set of rules strictly⁷ [43; 44].

Like all lives, this one starts with a preamble, or introduction, where the author distances himself from the hero, explains his intentions expressing hope for divine help and using formulas of humility and biblical citation, refers to the witnesses of Saint Cuthbert's life who add the layer of personal memories to the vita. Then Saint Bede the Venerable recounts Saint Cuthbert's childhood, adolescence, adult life, dying, and the events that followed his death. Such a structure seems purely formal and hackneyed, but it cannot be innovative because metaphorically it must represent a clearly outlined plan of salvation.

A life being an exemplar of salvation literature never speaks about an individuality. «People fulfil the purpose of holiness not only alone, but as if forming a golden chain», as Saint Simeon said (cited by [45, p. 142]). «The saints who, from generation to generation, in accordance with God's direction, follow in the footsteps of those saints who have gone before... form as if a golden chain, where each one is linked to the preceding ones in faith, labour and love, as if they were a single line to the One God, which cannot be easily broken» (cited by [45, p. 142]). Saint Cuthbert is a historical figure with his own destiny and life story and at the same time he is any medieval saint and the trick is done through the usage of formulas, repetition, imitation, quotations, and structuring. Nevertheless, there are deviations from the continental canon from the very beginning.

Saint Bede the Venerable does not say anything about Saint Cuthbert's parents. He could be an orphan for the anonymous life mentions some woman who brought him up. Perhaps lack of biological parents did not mention much in the circumstances of the archaic Celtic united family where orphans were raised by the kin.

⁵Pay attention to K. Tiernan's the Cuthbert's novels, where she positions Saint Cuthbert as a young Anglo-Saxon warrior who at the age of 17 enters a monastery [40].

⁶The genesis of the image of Merlin also proves the closeness of these ideas and opposes archetypes.

⁷Polonsky V. V. Hagiography [Electronic resource]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/AGIO-GRAFIYA.html (date of access: 10.07.2023) (in Russ.).

There were a few traditions of describing a saint-to-be: the saint is famously virtuous from his birth; there is a change in his behaviour, a kind of initiation; the youth of a future saint is described as a sinful one, like in Saint Augustine's *Confession* or the lives of Saint Francis. Saint Bede the Venerable does not join any of them in full scale. He gives little detail but uses some ready-made formulas such as a prophecy of Saint Cuthbert's future prospect. Saint Bede the Venerable mentions Saint Cuthbert's being a winner in all games and a mighty child proud of his ability and then changing his ways for contemplation but in comparison with Saint Augustine's peers stealing Saint Bede the Venerable sins are absolutely miscellaneous. Saint Cuthbert as a child resembles Celtic heroes more than the protagonists of continental hagiographies. Canonical hagiography begins with the episode of Saint Cuthbert's swelling in a knee and his healing by a riding angel: *From this time the lad becoming devoted to the Lord... his benevolent piety⁸ sent forth prayers to God, and he was heard by Him who listens to the cry of the poor, and the men were rescued out of all their tribulations* [46, p. 175]. Thus, he is praised firstly for piety and helping people.

Then Saint Cuthbert is led through his green years to the virtue of asceticism he was glorified for. Still Saint Bede the Venerable accentuates Saint Cuthbert's martyrdom: *It is good for a man, when he hath borne the yoke from his youth; he shall sit alone, and shall be silent, because he shall raise himself above himself. <...> For, inspired by the sweetness of this good, Cuthbert, the man of God, from his early youth bent his neck beneath the yoke of the monastic institution* [46, p. 167]. Though it is clear from previous lines that Saint Cuthbert's anchoritism was volunteered eagerly, Saint Bede the Venerable considers it appropriate to insert the motive of martyrdom: *But whilst he duly discharged the mysteries of our Lord's passion, he would, in himself, illustrate that in which he was officiating; in contrition of heart he would sacrifice himself to the Lord; and whilst he exhorted the standers-by to lift up their hearts and to give thanks unto the Lord, his own heart was lifted up rather than his voice, and it was the spirit which groaned within him rather than the note of singing* [46, p. 213].

Saint Bede the Venerable declares that Saint Cuthbert was affable and pleasant in his character [46, p. 193] and lauds him for calmness, amiability, patience, moderation, helpfulness, benevolence, compassion, goodwill, and diligence. His character conventionally reflects in his appearance, especially in his face and eyes (the imitation of angels). The only thing that alludes to Celtic heroic traditions is Saint Cuthbert's broad frame, height, and physical strength, but Saint Bede the Venerable does not return to these characteristics further. The author singles his hero out not for his physical strength, but for his spiritual power.

The essence of Saint Cuthbert's sanctity remains his zeal in asceticism and hermitage, already admired by the anonymous author of the first vita. All the same, Saint Bede the Venerable devotes the majority of chapters to Saint Cuthbert's miracles as well as different routine wonders such as praying in the sea, conversations with angels, animals serving to him, etc. According to C. G. Loomis, there are 38 miracles [38, p. 410]. Saint Cuthbert changes the winds by a prayer to save the boatmen, stops wildfires both real and imaginary, casts out the Devil out of a good wife, draws water from the dry ground, cures people and raises the dead. All these patterns of behaviour are borrowed from the Desert Fathers' lives (and of course the Gospels) well known on the isles from the beginning of Christianity. Imitation of the early saints serves to praise Saint Cuthbert. Saint Bede the Venerable intention is also to show that all miracles are conducted by God, but angels and saints are His instruments [18, p. 66–84].

Many other motives contribute to the idea of sanctity. The motive of chosenness is especially conspicuous. In his young adult years Saint Cuthbert is given a few signs by God: an angel gives him a loaf of heavenly bread, the saint has a vision of the soul of the late bishop Aidan being carried away to Heaven, in his travels he is repeatedly supplied with food by God. Even the first Saint Cuthbert's miracles are of a prophetic nature and simultaneously reveal the man God's will to stimulate Saint Cuthbert's zeal in good deeds and piety.

As a great part of Saint Cuthbert's miracles are prophecies, they play an important role in the structure of his image alongside asceticism and wonderworking. These motives are strengthening during the narration to reflect Saint Cuthbert's raising sanctity, which is impressive by itself but also prompts that one can never rest in their piety, even a saint. Our earthly life is a way to salvation. If you stop working upon yourself, you return to sins. The hero is never satisfied with himself and never ceases pursuing God's mercy: *he assured the brethren who came to visit him, that if he had a humble residence on a rock, where the waves of the ocean shut him out from all the world, he should not even then consider himself safe from its snares, but should be afraid that on some occasion or other he might fall victim to the love of riches* [46, p. 220].

In the passage quoted, a significant element of the dichotomy between virtue and vice attracts attention, namely the struggle against avarice, one of the seven deadly sins. Saint Bede the Venerable stresses that Saint Cuthbert was not subject to it, but as a truly righteous man he did not consider himself free of it either. The motive of ungodliness is linked to the motive of the instability of things, i. e. only those who are aware of the transience of the temporal can resist worldly temptations. It is one of the means for Saint Bede the Venerable to emphasise

⁸Hereinafter bold italic is ours. – N. Z.

the soul and body dichotomy, which is even better observed in the ascetic practices (standing in cold water praying, fasting, walking long distances to visit villages in the mountains and preach there, etc.). The severity of Saint Cuthbert's asceticism is often mentioned but little described. Probably, on the one hand, asceticism was taken for granted, and, on the other hand, certain practices were not flaunted to avoid the sin of pride. In its extreme manifestations, asceticism as a taming of both soul and body was associated with martyrdom under the influence of the Coptic example of a saint (the Desert Fathers). In *The Communal Rule*, Saint Columba expressed the essence of monasticism as bloodless, or white martyrdom⁹ [18, p. 110]. The main part of Celtic monasticism was severe fasting. Saint Bede the Venerable focuses on Saint Cuthbert's seclusive life on his island, which makes the hero close to the saint of Celtic Church.

However, anchoritic lifestyle contradicts Saint Cuthbert's destiny of bishopric. Saint Bede the Venerable emphasises Saint Cuthbert's unwillingness to hold a high office, to perform administrative duties, and to be engaged in the noise of everyday life. Saint Bede the Venerable describes a real life of a real bishop but feels adequate to pause at the awkwardness of his hero in accepting the post to show the discrepancy between two systems of value: *Although much resisting, he was overcome by the unanimous wish of all, and compelled to submit to undertake the duties of the bishopric* [46, p. 185]. Evidently, the idea of bishopric is shown as having been imposed on Saint Cuthbert from outside by the king and brethren (and actually by Rome). Even this reason is not enough for Saint Cuthbert (and Saint Bede the Venerable) to remove the contradiction between the two hypostases of the saint, so Saint Bede the Venerable adds the motive of double prophecy: the prophecy of his future bishopric Saint Cuthbert is combined with the prophecy of the king's death within a year, which makes refusal completely impossible, contrary to the king's last will.

The syncretism described is new for the idea of sanctity of the Celtic Church but quite ordinary for the Roman tradition as Saint Bede the Venerable could deduce from Saint Martin's life. As a bishop, Saint Martin was distinguished by humility, selflessness, and modesty, and in time became a hermit, along with some 80 brothers who followed him. Saint Cuthbert goes a little further, his hermitage is solitary, but he has many visitors from the brethren and the laity, and he himself often goes preaching to the world. As a bishop, Saint Cuthbert is known for his defence of the weak and guidance of law and justice. Having done his duty, Saint Cuthbert returned to the remote solitudes, which he had long desired [46, p. 215].

To show Saint Cuthbert's holiness, Saint Bede the Venerable accumulates manifestations of God's grace and love, underlines the saint's kindness, helpfulness, and dignity, transmits a general atmosphere of benevolence in the monastery. Saint Bede the Venerable reinforces the motive when he describes the plague and other epidemics, giving the impression that kindness and help itself overcome the disease. Saint Cuthbert's learning is paid much less attention than his kindness and piety. The vita fixates on faith acting by love. This is the main Saint Bede the Venerable's intention and the essence of Saint Cuthbert's sanctity. The motive of divine love is heightened a hundredfold by the mystical pantheism¹⁰ that pervades the hagiographic discourse. Mutual aid, kindness to animals, the service of animals and inanimate nature to Saint Cuthbert create an atmosphere of unity and love. Pantheistic circle includes even things: the grace of God dissolved in the world through a linen belt and heals a sick man after the saint's death. The obedience of things, animals, and people reflects the unconditional faith in God that is a part of Saint Cuthbert's teaching.

The last years should be present in every detail in a hagiography as they are glorified by the greatest sanctity before the saint crosses the line of the earthly life and faces God [41, p. 43]. Saint Bede the Venerable describes the prophecy of the saint's death, his fatal illness, preparation for death, dying, burial, and miracles on the grave. Dying was a mostly significant process both for Christians and heathens, hence, *ars moriendi* was perhaps one of the least conflicting ideas of the age. Holy people certainly were supposed to predict their own death, be calm and anticipate meeting the God. Plato's death, for example, can also be perceived in the Middle Ages as a holy one. Notwithstanding the significance of the dignified conduct and full awareness of death, there is the motive of martyrdom, which embodies the striking difference between let's say Socrates and Saint Cuthbert. Saint Cuthbert's disease should be excruciating and agonising to fill in the missing (weak) element of sanctity: «That I may know him, and the power of his resurrection, and the fellowship of his sufferings, being made conformable unto his death; if by any means I might attain unto the resurrection of the dead. Not as though I had already attained, either were already perfect: but I follow after, if that I may apprehend that for which also I am apprehended of Christ Jesus» (*Phil 3:10*).

The author is skilful at representing a torturing disease heroically, at showing Saint Cuthbert suffering but rejoiced, and at the thorough calculation of timing of Saint Cuthbert's dying: *At the point of death, that so there might be a standing proof how strong the holy man was in spirit, though his body was at the lowest degree of weakness* [46, p. 103]. Saint Bede the Venerable represents the saint's death as a parable of the fight between angels and devils for the human soul, the demonstration of the strength of Saint Cuthbert's faith and the victory of spirit over death.

⁹Korolev A. A. [Ultan and origins of Irish hagiography] : thesis of diss. ... PhD (culturology) : 24.00.01. M., 2009. P. 13 (in Russ.).

¹⁰God's immanence to nature and transcendence to the world, without the idea of the identity between God and nature.

Conclusions

All Saint Cuthbert's patterns of behaviour (his wonder working, ascetic life, prophecies, hermitage on an island, selfless bishopric, and suffering during dying) represent him as a holy person. The new vita substantiated Saint Cuthbert's holiness and established the model for English medieval hagiographers [19, p. 4].

The author's syncretism is definitely conscious. Firstly, he wished to follow newly introduced Roman practices. Secondly, syncretism arose from the fact that none form of Christ's behaviour could lose its ideality in Christendom. Thirdly, Saint Bede the Venerable claimed Saint Cuthbert's holiness to be recognised universally and as such should be repeated. The problem of canonisation partly was the question of mixed practices. Thus, magicians also worked wonders, and the history knows a great amount of cases when the papal committee having come to venerate a local wonderworker on investigation called them a heretic or even a witch. Prophecies did not belong to purely Christian phenomena too but associated with Druids. The bishopric seemed to be too close to transient glory, especially with the fresh case of bishop Wilfrid. «It is well known that in the Latin church the process of canonisation was not centralised in papal hands until the late twelfth century, and even then could remain open to local pressures, develop from local ecclesiastical or communal initiatives, or reflect local religious cultures» [5, p. VIII]. For Saint Bede the Venerable and his hero, the bishopric was the most difficult element to install in the structure of the image of the saint, despite the fact that Saint Cuthbert really was a bishop. The reason for it is the novelty of the Roman organisation of the church and absence of this motive in Gospels. Celts felt it alien to their monasticism, but had to submit. And vice versa, martyrdom in its original form was not present in Celtic saints' reality, but the author inserts and emphasises imitative (imitating Christ's passions), or white martyrdom in his work because martyrdom both physical and spiritual felt congruent to Irish monasticism.

In such multicultural and diverse challenges, Saint Bede the Venerable had to use all means available to argue that Saint Cuthbert combines every conceivable virtue. He involves the structure of the image, the composition, the motives, and the rhetoric formulas in his strategy (various aspects of hagiographic poetics). As syncretism of the image can be explained by sacred and common practices, we can assume, that «the literary direction is based primarily on the social functions of this phenomenon, the set ideological and aesthetic tasks» [1, p. 5], i. e. poetics of medieval genres was tightly connected with social, religious, and cultural contexts.

In one important sense, sanctity is thus a social construct, and as such the ideals and practice of sanctity changed, often greatly, over the course of time and place in Christianity. Nevertheless, the structure of the image remained almost untouched to stay recognisable, credible, ideal, potent of all its intentions (axiological, didactic, aesthetic, and sacred). These observations show that syncretism is a successful strategy for an idea to survive through centuries, and that it can be partially a deliberate process. The pursuit of formal syncretism led to figurative syncretism. The syncretic nature of the image became the key to its sustainability and resilience.

Библиографические ссылки

1. Михайлов АД, редактор. Проблема жанра в литературе Средневековья. Москва: Наследие; 1994. 392 с. (Литература Средних веков, Ренессанса и барокко; выпуск 1).
2. Морескини К, Норецци Э. *История литературы раннего христианства на греческом и латинском языках. Том 1: от ап. Павла до эпохи Константина*. Александрова ТЛ, Соловьев РС, Золотухина АИ, переводчики. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; 2021. Древнейшая литература о мучениках; с. 409–417.
3. Macintyre A. *After virtue: a study in moral theory*. London: Duckworth; 1981. 252 p.
4. Turner P. *Truthfulness, realism, historicity. A study of Late Antique spiritual literature*. Farnham: Surrey and Burlington; 2012. 232 p. DOI: 10.4324/9781315549590.
5. Otto R. *The idea of the holy: an inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational*. Harvey JW, translator. New York: Oxford University Press; 1924. 228 p.
6. Lelen H. Sanctity as a story? Preliminary remarks on the narrative aspects of sanctity. In: Lelen H, editor. *Sanctity as a story: narrative (in)variants of the saint*. Warsaw: Peter Lang; 2020. p. 25–40 (Series: Mediated fictions studies in verbal and visual narratives; volume 17). DOI: 10.3726/b17454.
7. Адрианова-Перетц ВП. *Очерки поэтического стиля Древней Руси*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1947. 188 с. (Научно-популярная серия).
8. Левшун ЛВ. *История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв*. Минск: Экономпресс; 2001. 351 с.
9. de la Rosa AC, de Jones LG. *Saints and sanctity in Judaism, Christianity, and Islam. Striving for remembrance*. London: Routledge; 2020. 290 p. DOI: 10.4324/9781315142562.
10. Грекова ИВ. Образ святого как ключевая фигура текста жизнеописания (языковые особенности выражения). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012;3(4):142–147.
11. Heffernan TJ, Burman TE, editors. *Scripture and pluralism. Reading the Bible in the religiously plural worlds of the Middle Ages and Renaissance*. Leiden: Brill; 2005. 246 p. (Studies in the history of Christian traditions; volume 123).

12. Ott JS. Between Heaven and Earth. In: Ott JS, Vedris T, editors. *Saintly bishops and bishop's saints. Proceedings of the 3rd hagiography conference organized by Croatian Hagiography Society «Hagiotheca» and International Hagiography Society; 2010 May 27–30; Porec, Croatia*. Zagreb: Hagiotheca-humaniora; 2012. p. VII–XV.
13. Яцък СА. Формирование исключительного права понтификов на канонизацию. *Средние века*. 2016;77(1–2):89–118.
14. Бахтина ОН. Проблема анализа житийных текстов русской литературы (культурно-историческая традиция и код культуры). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2009;4:47–61.
15. Шайтанов ИО. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2010. Была ли завершена «Историческая поэтика»?; с. 35–86.
16. von Contzen E, Bernau A, editors. *Sanctity as literature in late medieval Britain*. Manchester: Manchester University Press; 2015. 288 p. (Manchester medieval literature and culture).
17. Colgrave B. *The earliest saints' lives written in England*. London: Oxford University Press; 1958. 60 p.
18. Ненарокова МР. *Беда Досточтимый – ритор, агиограф, проповедник*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2003. 271 с.
19. Омельницкий МП, переводчик и редактор. *Древнеанглийские святые. Древнеанглийские проповеди и жития об англо-саксонских святых: Альбане, Этельтрут, Милдред, Неоте, Дрихтхельме, Ферзи и Чаде*. Москва: ЦАИ; 1999. 304 с.
20. Чехонадская НЮ. Святой Гильда и ирландская традиция, или Три возраста Гильды. *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. 2004;6:192–206.
21. Климова МН. К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX вв. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009;4:156–161.
22. Климова МН. Святость и соблазн (образ Марии Египетской в русской литературе). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013;4:90–95. DOI: 10.17223/19986645/24/8.
23. Арлоў У. *Еўфрасіння Полацкая*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1992. 220 с.
24. Гаранін СЛ. *Шляхамі даўніх вандраванняў: гістарычна-тэарэтычны нарыс развіцця беларускай паломніцкай літаратуры XII–XVI стст.* Мінск: Тэхналогія; 1999. 201 с.
25. Мельнікаў АА. *З неапублікаванай спадчыны: манаграфіі, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў*. Чамярэцкі ВА, рэдактар. Мінск: Чатыры чвэрці; 2005. Еўфрасіння Полацкая (жыццё Еўфрасінні Полацкай з каментарыямі А. А. Мельнікава); с. 14–316.
26. Мельнікаў АА. *Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыццё, спадчына, светапогляд*. Мінск: Беларуская навука; 1997. 462 с.
27. Микулинский В. Жития святых: социально-культурный аспект. В: Николаев О, составитель. *Бердянские чтения. Святость как вершина духовной культуры. Материалы II Международной научно-практической конференции; 3–5 сентября 2008 г.; Бердянск, Украина*. Симферополь: Н. Орианда; 2009. с. 157–174.
28. Виноградов АЮ, Грищенко АИ. *Андрей Первозванный: опыт небиографического описания*. Москва: Молодая гвардия; 2013. 405 с. (Жизнь замечательных людей).
29. Дорофеева ЛГ. *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века)*. Калининград: Аксиос; 2013. 435 с.
30. Есаулов ИА. *Категория соборности в русской литературе*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета; 1995. 288 с.
31. Смирнова СА. Слово святой в этимологических и исторических словарях. *Евразийский союз ученых*. 2014;5(часть 4): 71–73.
32. Топоров ВН. *Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1, Первый век христианства на Руси*. Москва: Гнозис; 1995. 875 с. Совместно с издательством «Школа “Языки русской культуры”».
33. Трофимов АА. *Святые жены Руси*. Москва: Храм Рождества Пресвятой Богородицы; 1993. 240 с. Совместно с издательством «Энциклопедия российских деревень».
34. Борбат ТІ, Чмава МІ. Помнік старабеларускага пісьменства «Аповесць жыцця Ефрасінні Полацкай» і традыцыйні візантыйскай і старажытнарускай агіяграфічнай літаратуры. У: Сомаў СЭ, рэдактар. *Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 21 красавіка 2016 г.; Магілёў, Беларусь*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2016. с. 98–103.
35. Sanok C. Hagiography. In: Jahner J, Steiner E, Tyler E, editors. *Medieval historical writing: Britain and Ireland, 500–1500*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 420–436. DOI: 10.1017/9781316681299.025.
36. Bartlett R. *Why can the dead do such great things? Saints and worshippers from the martyrs to the Reformation*. Princeton: Princeton University Press; 2015. 816 p.
37. Farmer DH. *The age of Bede*. London: Penguin Classics; 1988. Introduction; p. 7–40.
38. Loomis CG. The miracle traditions of the Venerable Bede. *Speculum*. 1946;21(4):404–418. DOI: 10.2307/2856762.
39. Симеон Метафраст. *Житие свят. Григория Великого*. Тимофеев МА, переводчик. *Альфа и омега*. 1997;12:189–195.
40. Tiernan K. *Cuthbert of Farne: a novel of Northumbria's warrior saint*. Durham: Sacristy Press; 2019. 298 p.
41. Топорова АВ. *Очерки по истории жанров средневековой религиозной литературы. Италия, XIII–XV вв.* Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2020. 304 с.
42. Head Th. *Medieval hagiography: an anthology*. New York: Routledge; 2001. 886 p. DOI: 10.4324/9781315656465.
43. Ключевский ВО. *Древнерусские жития как исторический источник. Том 3*. Москва: Издание К. Солдатенкова; 1871. 465 с.
44. Лихачев ДС. *Человек в литературе Древней Руси*. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР; 1958. 186 с.
45. Агиевич А. Святость как вершина духовной культуры Киевской Руси. В: Николаев О, составитель. *Бердянские чтения. Святость как вершина духовной культуры. Материалы II Международной научно-практической конференции; 3–5 сентября 2008 г.; Бердянск, Украина*. Симферополь: Н. Орианда; 2009. с. 138–148.
46. Monk of Lindisfarne. *Two lives of Saint Cuthbert; a life by an anonymous monk of Lindisfarne and Bede's prose life*. Congrave B, editor and translator. London: University of Durham; 1940. Vita Sancti Cuthberti; p. 141–310.

References

1. Mikhailov AD, editor. *Problema zhanra v literature Srednevekov'ya* [The problem of genre in the literature of the Middle Ages]. Moscow: Nasledie; 1994. 392 p. (Literatura Srednikh vekov, Renessansa i barokko; issue 1). Russian.
2. Moreskini K, Norelli E. *Istoriya literatury rannego khristianstva na grecheskom i latinskom yazykakh. Tom 1: ot ap. Pavla do epokhi Konstantina* [History of the literature of early Christianity in Greek and Latin. Volume 1: from the Apostle Paul to the era of Constantine]. Aleksandrova TL, Solov'ev RS, Zolotukhina AI, translators. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina; 2021. [The earliest literature on martyrs]; p. 409–417. Russian.
3. Macintyre A. *After virtue: a study in moral theory*. London: Duckworth; 1981. 252 p.
4. Turner P. *Truthfulness, realism, historicity. A study of Late Antique spiritual literature*. Farnham: Surrey and Burlington; 2012. 232 p. DOI: 10.4324/9781315549590.
5. Otto R. *The idea of the holy: an inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational*. Harvey JW, translator. New York: Oxford University Press; 1924. 228 p.
6. Lelen H. Sanctity as a story? Preliminary remarks on the narrative aspects of sanctity. In: Lelen H, editor. *Sanctity as a story: narrative (in)variants of the saint*. Warsaw: Peter Lang; 2020. p. 25–40 (Series: Mediated fictions studies in verbal and visual narratives; volume 17). DOI: 10.3726/b17454.
7. Adrianova-Peretts VP. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Rus]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1947. 188 p. (Nauchno-populyarnaya seriya). Russian.
8. Levshun LV. *Istoriya vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vv.* [History of the East Slavic book word of the 11th–17th centuries]. Minsk: Ekonompress; 2001. 351 p. Russian.
9. de la Rosa AC, de Jones LG. *Saints and sanctity in Judaism, Christianity, and Islam. Striving for remembrance*. London: Routledge; 2020. 290 p. DOI: 10.4324/9781315142562.
10. Grekova IV. The image of a saint as a key figure in a biography text (linguistic features of a phrase). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2012;3(4):142–147. Russian.
11. Heffernan TJ, Burman TE, editors. *Scripture and pluralism. Reading the Bible in the religiously plural worlds of the Middle Ages and Renaissance*. Leiden: Brill; 2005. 246 p. (Studies in the history of Christian traditions; volume 123).
12. Ott JS. Between Heaven and Earth. In: Ott JS, Vedris T, editors. *Saintly bishops and bishop's saints. Proceedings of the 3rd hagiography conference organized by Croatian Hagiography Society «Hagiotheca» and International Hagiography Society; 2010 May 27–30; Porec, Croatia*. Zagreb: Hagiotheca-humaniora; 2012. p. VII–XV.
13. Yatsyk SA. [Formation of the exclusive right of the pontiff to canonisation]. *Srednie veka*. 2016;77(1–2):89–118. Russian.
14. Bakhtina ON. Problems of the analysis of hagiographical texts of Russian literature (cultural-historical traditions and culture code). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2009;4:47–61. Russian.
15. Shaitanov IO. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie syuzhety glazami istoricheskoi poetiki* [Comparative studies and/or poetics. English stories through the eyes of ancient poetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2010. [Was «Historical poetics» completed?]; p. 35–86. Russian.
16. von Contzen E, Bernau A, editors. *Sanctity as literature in late medieval Britain*. Manchester: Manchester University Press; 2015. 288 p. (Manchester medieval literature and culture).
17. Colgrave B. *The earliest saints' lives written in England*. London: Oxford University Press; 1958. 60 p.
18. Nenarokova MR. *Beda Dostochimyi – ritor; agiograf, propovednik* [Bede the Venerable is a rhetorician, hagiographer, and preacher]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; 2003. 271 p. Russian.
19. Omel'nitskii MP, translator and editor. *Drevneangliiskie svyaty. Drevneangliiskie propovedi i zhitiya ob anglosaksonskikh svyatykh: Al'bane, Etel'trut, Mildred, Neote, Drikhtkhel'me, Ferzi i Chade* [Old English saints. Old English sermons and lives about the Anglo-Saxon saints: Alban, Ethelruth, Mildred, Neoth, Drychthelm, Ferzi, and Chad]. Moscow: TsAI; 1999. 304 p. Russian.
20. Chekhonadskaya NYu. [Saint Gilda and the Irish tradition, or The three ages of Gilda]. *Atlantica. Zapiski po istoricheskoi poetike*. 2004;6:192–206. Russian.
21. Klimova MN. On the learning (investigation) of hagiographic tradition in Russian literature of 19–20th centuries. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2009;4:156–161. Russian.
22. Klimova MN. Holiness and temptation (the image of Mary of Egypt in Russian literature). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013;4:90–95. Russian. DOI: 10.17223/19986645/24/8.
23. Arlow U. *Ewfrasinnja Polackaja* [Euphrasina of Polotsk]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1992. 220 p. Belarusian.
24. Garanin SL. *Shljahami davnih vandravannjau: gistarychna-tjearytychny narys razvicia belaruskaj palomnickaj litaratury XII–XVI stst.* [Along the paths of ancient wanderings: a historical-theoretical outline of the development of Belarusian pilgrimage literature of the 12–16th centuries]. Minsk: Tehnologija; 1999. 201 p. Belarusian.
25. Melnikaw AA. *Z neapublikavanaj spadchyny: managrafii, artykuly, vershy, matjeryjaly navukovaj kanferjencyi, uspaminy suchasnikaw* [From the unpublished heritage: monographs, articles, poems, proceedings of a scientific conference, memories of contemporaries]. Chamiarycki VA, editor. Minsk: Four quarters; 2005. [Euphrasina of Polotsk (life of Euphrasina of Polotsk with comments by A. A. Mielnikaw)]; p. 14–316. Belarusian.
26. Melnikaw AA. *Kiryl, episkap Turawski. Zhycco, spadchyna, svetapogljad* [Kirill, bishop of Turaw. Life, heritage, worldview]. Minsk: Bielaruskaja navuka; 1997. 462 p. Belarusian.
27. Mikulinskii V. [The lives of saints: social and cultural aspect]. In: Nikolaev O, compiler. *Berdyanskije chteniya. Svyatost' kak vershina dukhovnoi kul'tury. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–5 sentyabrya 2008 g.; Berdyansk, Ukraina* [Berdyansk readings. Holiness as the pinnacle of spiritual culture. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2008 September 3–5; Berdyansk, Ukraine]. Simferopol: N. Orianda; 2009. p. 157–174. Ukrainian.
28. Vinogradov AYU, Grishchenko AI. *Andrei Pervozvannyi: opyt nebiograficheskogo opisaniya* [Andrei Pervozvanny: experience of non-biographical description]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2013. 405 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei). Russian.
29. Dorofeeva LG. *Chelovek smirenniy v agiografii Drevnei Rusi (XI – pervaya tret' XVII veka)* [A humble man in the hagiography of Ancient Rus (11th – first third of the 17th century)]. Kaliningrad: Aksios; 2013. 435 p. Russian.
30. Esaulov IA. *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [The category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta; 1995. 288 p. Russian.

31. Smirnova SA. [The word *svyatoi* in etymological and historical dictionaries]. *Eurasian Union of Scientists*. 2014;5(part 4):71–73. Russian.
32. Toporov VN. *Svyatost' i svyaty v russkoi dukhovnoi kul'ture. Tom 1, Pervyi vek khristianstva na Rusi* [Holiness and saints in Russian spiritual culture. Volume 1, The first century of Christianity in Rus]. Moscow: Gnozis; 1995. 875 p. Russian. Co-published by the «Shkola "Yazyki russkoi kul'tury"».
33. Trofimov AA. *Svyaty zheny Rusi* [Holy wives of Rus]. Moscow: Khram Rozhdestva Presvyatoi Bogoroditsy; 1993. 240 p. Russian. Co-published by the «Entsiklopediya rossiiskikh dereven'».
34. Borbat TI, Chmarava MI. [A monument of Old Belarusian writing «The story of the life of Euphrasinya of Polotsk» and the traditions of Byzantine and Old Russian hagiographic literature]. In: Somaw SE, editor. *Kuljashovskija chytanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 21 krasavika 2016 g.; Magiliow, Belarus* [Kulyashov's readings. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2016 April 21; Mogilev, Belarus]. Magiliow: Mogilev State A. Kulyashov University; 2016. p. 98–103. Belarusian.
35. Sanok C. Hagiography. In: Jahner J, Steiner E, Tyler E, editors. *Medieval historical writing: Britain and Ireland, 500–1500*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 420–436. DOI: 10.1017/9781316681299.025.
36. Bartlett R. *Why can the dead do such great things? Saints and worshippers from the martyrs to the Reformation*. Princeton: Princeton University Press; 2015. 816 p.
37. Farmer DH. *The age of Bede*. London: Penguin Classics; 1988. Introduction; p. 7–40.
38. Loomis CG. The miracle traditions of the Venerable Bede. *Speculum*. 1946;21(4):404–418. DOI: 10.2307/2856762.
39. Simeon Metafrast. *Zhitie svt. Grigoriya Velikogo* [Life of Saint Gregory the Great]. Timofeev MA, translator. *Al'fa i omega*. 1997;12:189–195. Russian.
40. Tiernan K. *Cuthbert of Farne: a novel of Northumbria's warrior saint*. Durham: Sacristy Press; 2019. 298 p.
41. Toporova AV. *Ocherki po istorii zhanrov srednevekovoi religioznoi literatury. Italiya, XIII–XV vv.* [Essays on the history of genres of medieval religious literature. Italy, 13–15th centuries]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2020. 304 p. Russian.
42. Head Th. *Medieval hagiography: an anthology*. New York: Routledge; 2001. 886 p. DOI: 10.4324/9781315656465.
43. Klyuchevskii VO. *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskii istochnik. Tom 3* [Old Russian Lives as a historical source. Volume 3]. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova; 1871. 465 p. Russian.
44. Likhachev DS. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Rus]. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1958. 186 p. Russian.
45. Agievich A. [Holiness as the pinnacle of spiritual culture of Kiev Rus]. In: Nikolaev O, compiler. *Svyatost' kak vershina dukhovnoi kul'tury. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–5 sentyabrya 2008 g.; Berdyansk, Ukraina* [Berdyansk readings. Holiness as the pinnacle of spiritual culture. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2008 September 3–5; Berdyansk, Ukraine]. Simferopol: N. Orianda; 2009. p. 138–148. Russian.
46. Monk of Lindisfarne. *Two lives of Saint Cuthbert; a life by an anonymous monk of Lindisfarne and Bede's prose life*. Congrave B, editor and translator. London: University of Durham; 1940. *Vita Sancti Cuthberti*; p. 141–310.

Received by editorial board 25.09.2023.

МУЗЫКА В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО АНАЛИЗА РОМАНОВ З. Н. ХЕРСТОН

Ю. А. АФАНАСЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Устанавливается специфика интермедийных связей в романном творчестве З. Н. Херстон. Выделяются предпосылки, определившие вектор развития афроамериканской культуры в период Гарлемского ренессанса. Основывается вкрапление музыкальных элементов в афроамериканскую литературу первой половины XX в. Особое внимание уделяется анализу авторской манеры вовлечения музыкального нарратива в текст, изучению взаимодействия экстра- и интракомпозиционных вариантов интермедийности в нем. Выявляются отличительные черты интермедийного подхода З. Н. Херстон к использованию музыкальных структур в прозе. Корреляция музыкального и словесного начал показывается с учетом особенностей авторского стиля и модернистских тенденций аутентичной культуры, что позволяет раскрыть специфику творчества З. Н. Херстон в частности и афроамериканских прозаиков периода Гарлемского ренессанса в целом.

Ключевые слова: афроамериканская литература; блюз; джаз; Гарлемский ренессанс; вернакуляр; интермедийность; означивание.

МУЗЫКА Ў АФРААМЕРЫКАНСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ: ВОПЫТ ІНТЭРМЕДЫЯЛЬНАГА АНАЛІЗУ РАМАНАЎ З. Н. ХЭРСТАН

Ю. А. АФАНАСЬЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Акрэсліваецца спецыфіка інтэрмедыйных сувязей у раманнай творчасці З. Н. Хэрстан. Вылучаюцца перадумовы, якія вызначылі вектар развіцця афраамерыканскай культуры ў перыяд Гарлемскага рэнесансу. Абгрунтаўваецца ўжыванне музычных элементаў у афраамерыканскай літаратуры першай паловы XX ст. Асабліва ўвага надаецца аналізу аўтарскай манеры ўключэння музычнага нарратыву ў тэкст, вывучэнню ўзаемадзеяння экстра- і інтракампзіцыйных варыянтаў інтэрмедыйнасці ў ім. Выяўляюцца адметныя рысы інтэрмедыйнага падыходу З. Н. Хэрстан да выкарыстання музычных структур у прозе. Карэляцыя музычнага і словеснага пачаткаў паказваецца з улікам асаблівасцей аўтарскага стылю і мадэрнісцкіх тэндэнцый аўтэнтычнай культуры, што дазваляе раскрыць спецыфіку творчасці З. Н. Хэрстан у прыватнасці і афраамерыканскіх празаікаў перыяду Гарлемскага рэнесансу ў цэлым.

Ключавыя словы: афраамерыканская літаратура; блюз; джаз; Гарлемскі рэнесанс; вернакуляр; інтэрмедыйнасць; азначванне.

Образец цитирования:

Афанасьева ЮА. Музыка в афроамериканской литературе: опыт интермедийного анализа романов З. Н. Херстон. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;3:40–51.
EDN: IRCGXL

For citation:

Afanasyeva YuA. Music in African-American literature: the experience of the intermedial analysis in the novels of Z. N. Hurston. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023; 3:40–51. Russian.
EDN: IRCGXL

Автор:

Юлиана Алексеевна Афанасьева – магистрант кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутырчик.

Author:

Yuliana A. Afanasyeva, master's degree student at the department of foreign literature, faculty of philology.
5902053@mail.ru
<http://otcid.org/0009-0001-0405-4220>

MUSIC IN AFRICAN-AMERICAN LITERATURE: THE EXPERIENCE OF THE INTERMEDIAL ANALYSIS IN THE NOVELS OF Z. N. HURSTON

Yu. A. AFANASYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnaci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the specifics of intermedial connections in the novel work of Z. N. Hurston. The prerequisites that determined the vector of development of African-American culture during the Harlem Renaissance are highlighted. The inclusion of musical elements in the authentic literature of the first half of the 21st century is justified. Special attention is paid to the author's manner of involving the musical narrative in the text, the interaction of extra- and intracompositional variants of intermediality in it. The theoretical and practical significance of the study consists in considering the analysis of specificity of intermediate approach used by Z. N. Hurston in the exploitation of musical structures in prose. Correlations of musical and verbal are shown taking into account the author's style features and modernist trends of authentic culture, which allows us to study in more detail the specifics of Z. N. Hurston's work and African-American prose of the Harlem Renaissance period in general.

Keywords: African-American literature; blues; jazz; Harlem Renaissance; vernacular; intermediality; signification.

Введение

Музыка представляет собой форму межкультурной коммуникации, специфический культурный код, элемент самоопределения индивидуумов в рамках социокультурных и этнонациональных общностей. В многотомном издании «Музыкальная энциклопедия» она трактуется как «вид искусства, который отражает действительность и воздействует на человека посредством осмысленных и особым образом организованных по высоте и во времени звуковых последований, состоящих в основном из тонов»¹. Музыка, как достаточно глубокое явление, ускользает от прямой интерпретации и содержит множество потенциальных смыслов, а также через воспроизведение определенных этапов эволюции человеческой мысли, развертывание музыкальной формы во времени отображает процесс, связанный с формированием идентичности. Этот национально значимый компонент культуры слагает матрицу передачи накопленного поколениями опыта.

Взаимодействие музыки и словесного творчества выступает предметом анализа интермедиальности. Единый понятийный аппарат этой отрасли науки не является фиксированным. Термин «интермедиальность» был введен в 1983 г. немецким исследователем О. А. Ханзен-Лёве: «Intermedialität – это перевод (с одного языка искусства на другой) в рамках одной культуры либо объединение между различными элементами искусства в мономедийном или мультимедийном тексте» [1, с. 292]. По мнению Н. В. Тишуниной, интермедиальность, как специфическая форма диалога культур, осуществляемого посредством взаимодействия художественных референций, способствует повышению уровня семиотичности литературы, ее продуктивности в размытых рамках медиакультуры [2, с. 149].

В настоящей статье специфика интермедиальных связей между музыкой и литературой рассматривается на примере прозы афроамериканской писательницы Зоры Нил Херстон (1891–1960). Актуальность изучения ее творчества обоснована следующими причинами. Во-первых, анализ интермедиальных включений в аутентичную литературу позволяет углубить понимание интеграционных процессов, происходивших в искусстве первой половины XX в., когда наблюдался культурный взрыв внутри афроамериканского сообщества; обозначить аспекты влияния развивающихся музыкальных жанров (блюза, джаза, госпела, свинга и др.) на творчество писателей, а также продемонстрировать характер социокультурных изменений, которые отличают период Гарлемского ренессанса (1920–1935). Во-вторых, сюжетно-композиционное единство романов З. Н. Херстон основывается на определенных музыкальных включениях, обусловленных авторской рецепцией аудиальных форм культурной экспрессии для репрезентации колорита. Наконец, исследование отличительных черт взаимодействия музыки и литературы в романах З. Н. Херстон помогает описать особенности белорусского литературного процесса XX – начала XXI в. Цель статьи – выявление интермедиальных связей в творчестве афроамериканской писательницы З. Н. Херстон. Для достижения цели поставлены следующие задачи: раскрытие специфики теории интермедиальности в рамках изучения проблемы взаимодействия разных видов искусства, характеристика роли музыки как фактора нациогенеза в афроамериканской культуре и литературе, а также установление корреляции музыкального и словесного начал в прозе З. Н. Херстон.

¹Музыка // Муз. энцикл. : в 6 т. Т. 3. Корто – Октоль / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М. : Сов. энцикл., 1976. С. 730.

К настоящему времени разработаны несколько интермедиальных типологий, среди которых особое место занимают классическое литературно-музыкальное исследование С. П. Шера, проведенное на материале произведений немецкого романтизма, и модифицированная классификация способов взаимоотношения двух видов искусства, предложенная В. Вольфом. Так, С. П. Шер выделил три типа связи между музыкой и литературой:

- 1) симбиоз музыки и литературы (вокальная музыка);
- 2) литература в музыке (программная музыка);
- 3) музыка в литературе (вербальная музыка (имитация музыки словами), речевая музыка, для которой характерна традиционная музыкальность (фоника, ритм, динамика), и аналоги музыкальной техники и структуры) [3].

В конце XX в. типология интермедиальных исследований расширилась. В. Вольф разработал несколько вариантов трактовки феномена интермедиальности: широкий вариант (экстракомпозиционная интермедиальность) и узкий вариант (интракомпозиционная интермедиальность), который соотносится с типологией, созданной С. П. Шером. К экстракомпозиционной интермедиальности причисляются трансмедиальность (анализ нарративных элементов музыки и литературы, принципов вариации и т. д.) и интермедиальная транспозиция (перенос произведения художественной словесности в музыкальную сферу). Интракомпозиционная интермедиальность включает интермедиальную референцию (сигнификаты принадлежат одной семиотической системе) и плюральную медиальность (сигнификаты относятся к нескольким семиотическим системам). Интермедиальная референция может быть имплицитной (интермедиальная имитация предполагает музыкализацию произведения, создание программной музыки) и эксплицитной (интермедиальная тематизация имеет своим условием обсуждение и отображение музыки в литературе). Кроме того, интракомпозиционная интермедиальность проявляется как интермедиальное слияние (исполнение музыкального произведения, т. е. положение текста на музыку) и интермедиальная комбинация (наличие текстовой основы музыкального произведения) [4]. Типология интермедиальных корреляций, предложенная В. Вольфом, считается наиболее разработанной и теоретически обобщенной, она применима к различным мультикультурным вариантам интермедиальности. Особенно продуктивной данная типология представляется при изучении наследия писателей, совмещающих несколько способов создания художественного образа.

Актуальность междисциплинарного подхода к анализу текста подтверждается значительным количеством научных публикаций, в которых затрагиваются разные аспекты интермедиальных отношений. Так, в справочном пособии под редакцией Г. Рипль подробно рассматриваются стороны взаимодействия аудиовизуальных видов искусства и литературы [5]. Особенности взаимовлияния различных медиа детально изучены в публикации под редакцией Б. Херцогенрата [6]. Основные элементы интермедиального анализа прозы и поэзии являются объектом исследования в монографиях Л. Г. Кайды [7; 8], работе Е. С. Аникеевой и Л. П. Прохоровой [9]. Специфика связи между музыкальным и литературным творчеством в рамках культуры отображена в монографии Е. В. Богомоловой [10]. В современном отечественном литературоведении проблема интермедиальности изучена достаточно подробно. В частности, Е. А. Городницкий [11], Е. П. Жиганова [12], Н. В. Кузьмич [13–15] и М. В. Петухова [16; 17] анализируют творчество белорусских поэтов и прозаиков сквозь призму интермедиальности. Особого внимания заслуживает монография Е. А. Городницкого, в которой интермедиальность исследуется в контексте одного из трех научных дискурсов [18]. Он устанавливает отличительные черты взаимодействия визуального и словесного творчества, характеризует экфрасис и т. д. Несмотря на углубленное изучение аутентичной литературы, творчество зарубежных (в частности, афроамериканских) писателей редко становится объектом отдельного исследования в рамках теории интермедиальности [19; 20].

Творчество З. Н. Херстон рассматривается сквозь призму интермедиального подхода, который имеет аккумуляющую природу и апеллирует к биографическому, сравнительно-сопоставительному и структурно-аналитическому методам.

Результаты и их обсуждение

Эстетическая природа форм трансляции музыкального опыта аутентичного этноса основана на примате импровизационного и диалогического начал, формальном эксперименте над каноническим благозвучием европейской музыки, разнообразии стилей и манер исполнения, а также на связи с устной традицией. Так, классический блюз, базисом которого выступает афроамериканский фольклор, оформляется в контексте развлекательного искусства – на сценах публичных домов и кабаре. Известный писатель и культурный критик Р. В. Эллисон характеризует этот музыкальный жанр следующим образом: «Блюз – это импульс сохранить болезненные детали и эпизоды жестокого переживания жизни в своем пульсирующем сознании, прикоснуться к его зазубренному источнику и превзойти его,

не прибегая к философии, а выжимая из него почти трагический, почти космический лиризм. По форме блюз – это автобиографическая хроника личной катастрофы»² [21, р. 62]. Секулярная тематика и мелодика блюза, акцентирующие одиночество исполнителя, противоположны духовной возвышенности спиричуэла, концентрирующей внимание на присутствии Бога в жизни человека, но они связаны с ней общими корнями. Более урбанизированный джаз, по мнению критика, является новой формой опыта афроамериканцев. Р. В. Эллисон сопрягает искусство его исполнения с процессом самоопределения: «Настоящий джаз – это искусство индивидуального самоутверждения внутри группы и вне ее. Каждый настоящий джазовый момент (в отличие от скучного коммерческого исполнения) возникает в результате соревнования, в котором артист бросает вызов всем остальным; любой сольный полет или импровизация определяет (подобно последовательным полотнам художника) его идентичность как индивидуальности, члена коллектива и связующего звена в цепи традиций» [22, р. 266–267].

Особого внимания заслуживает восприятие музыки в качестве модели игры, части ритуального священнодействия в архаическую эпоху. Известный исследователь данного концепта, философ, историк и культуролог Й. Хейзинга полагал, что музыка «...есть самое чистое и самое высшее проявление свойственной человеку *facultas ludendi* [способности к игре]... <...> Сами музыкальные формы суть игровые формы» [23, с. 260–261]. Общность использования ритма и гармонии отображает ментальную связь между музыкой и игрой в качестве системообразующего элемента человеческой жизни. Игровое восприятие мира, необходимое для выживания угнетаемого этноса и сохранения его культуры, воплощается в фольклоре, музыке и литературе схожим образом. Теория означивания, выдвинутая Г. Л. Гейтсом – младшим в книге «Означивающая обезьяна: теория афроамериканской литературной критики», основана на понимании афроамериканской литературы как интертекстуальной игры, которая с помощью повторения и ревизии перерабатывает тексты разных традиций [24]. Она применима и к аутентичному музыкальному творчеству. Афроамериканский музыковед С. А. Флойд – младший отметил, что в исследовании музыки теория означивания может быть использована так же успешно, как и при анализе литературы: вербальная игра соответствует интермузыкальности. Риторическая сила музыки и слова собирает фрагментированный опыт народа в цепь традиций, объединяет разрозненные элементы вернакулярного культурного наследия [25]. Фигура так называемой означивающей обезьяны привносит в музыку иронический оттенок. По мнению известного музыковеда В. Д. Конен, ранний джаз выступает «как ироническая гримаса, как гротескная насмешка над утраченными идеалами, как средство откровенно чувственного наслаждения» [26, с. 273], а болезненные ощущения в блюзе не только транслируют накопленный травматический опыт народа, но и создают двойное дно в реализации этих чувств, поскольку «свойственные ему (блюзу. – Ю. А.) ирония и скептицизм преодолеваются стихийной бессознательной радостью жизни» [27, с. 271]. Музыка и литература пытаются консолидировать афроамериканское общество, в котором имеется разрыв между представителями низшего и среднего классов и членами интеллектуальной элиты, избравшими белую американскую культуру моделью для подражания. Х. А. Бейкер – младший, продолживший идеи Г. Л. Гейтса – младшего, предложил воспринимать афроамериканскую культурную специфику на слух. Согласно точке зрения исследователя черный американский дискурс зафиксирован в блюзовой матрице. Этот жанр олицетворяет актуальную реакцию современных чернокожих на социокультурную и экономическую ситуацию, детерминирующую их жизни и формы народной рефлексии. По мнению Х. А. Бейкера – младшего, главное выразительное достижение блюза заключается в воплощении технологической инновации, демографической текучести и пограничной энергии, сопровождавших мигрирующих людей [28, р. 11].

Взаимовлияние музыки и литературы на начальных этапах формирования афроамериканской культуры можно объяснить тем, что литературная традиция этого этноса не имела большого количества письменных текстов. Культура рабов была преимущественно устной и базировалась на фольклоре, который реализовывался в практиках рассказывания историй и воспроизведения музыки. С развитием медиакультуры и повышением общего уровня грамотности возросла роль письменного слова, заимствующего некоторые функции устного, музыкального слова. Нобелевский лауреат по литературе Т. Моррисон писала о причинах перехода от музыкальной формы воплощения идей к романной следующее: «Долгое время формой искусства, которая исцеляла чернокожих людей, была музыка. Эта музыка больше не принадлежит исключительно нам; у нас нет особых прав на нее. Другие люди поют и играют на музыкальных инструментах; этот модус современной музыки повсюду. <...> Мы больше не живем в местах, где можно услышать подобные истории; родители не сидят сложа руки и не рассказывают своим детям те классические мифологические архетипические истории, которые мы слышали много лет назад. Но новая информация должна выйти наружу, и существуют несколько способов сделать это. Один из них есть в романе» [29, р. 340]. Коммерциализация афроамериканской музыки и расширение ее влияния

²Здесь и далее перевод наш. – Ю. А.

на мировую культурную арену не уничтожают уникальный экзистенциальный опыт, входящий в ее основу. Апеллируя к нему, можно укрепить позиции афроамериканской литературы. Указав на сложность создания идентичности представителями среднего класса в литературе, поэт, писатель, эссеист и критик Э. Л. Джонс, выступавший под псевдонимом Амири Барака, в статье «Миф о негритянской литературе» отметил, что аутентичная музыка является наиболее последовательной формой сохранения музыкальной традиции и связи между постепенно размываемыми классами негров [30, р. 165–166]. Рассматривая музыку как социально неприемлемое для белых людей искусство, он обратил внимание на витальность неформальной блюзовой эстетики, сопряженной с эмоциональным опытом афроамериканцев.

Первой книгой, в которой приводятся песни чернокожих, исполняемые ими во время работы на плантациях, является известная автобиография Ф. О. У. Бейли «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского раба». Он писал о музыке в жизни угнетенных людей как о способе заглушить боль и печаль. Писатель указывает на эстетические качества афроамериканской музыки, воплощающиеся в аутентичной литературе. К ним относятся ценность импровизации, возможность представления парадоксальности в искусстве как ведущего условия жизни, а также частотность использования приемов фрагментации и двойственности как художественных техник [31, р. 5]. С изменением позиции афроамериканцев в обществе модифицировалась песенная тематика, совершенствовалась музыкальная форма.

Период 1920-х гг., известный как «ревущие двадцатые», так называемая эпоха джаза (1918–1929) и следующая за ней эра свинга (1933–1947), яркость которых особенно заметна на фоне социальных потрясений, в частности Великой миграции (1916–1970) и Великой депрессии (1929–1939), стали временем культурного взрыва для афроамериканского народа. Затем начался Гарлемский ренессанс – период, сопровождавшийся интересом американского общества, искусство которого уже обрело модернистские черты, к примитивным культурам и попыткой самоутверждения представителей афроамериканского этноса на континенте. В то время Гарлем являлся культурным центром, в котором стало возможным сформировать целостную идентичность чернокожего человека. Аутентичная музыкальная культура функционировала для продвижения актуальных культурных идей. Как писал один из влиятельных общественных деятелей этого периода У. Э. Б. Дюбуа, «...и вот по роковой случайности негритянская народная песня – ритмичный плач раба – сегодня выступает не просто как исключительная американская музыка, но как самое прекрасное выражение человеческого опыта, рожденного по эту сторону морей. Она по-прежнему остается исключительным духовным наследием нации и величайшим даром негритянского народа» [32, р. 168]. Истинным наследием афроамериканской культуры У. Э. Б. Дюбуа считал спиричуэл, тогда как секулярная музыка, по его мнению, не соответствовала новому варианту высокого искусства. В этот период один из теоретиков культурного движения Дж. У. Джонсон издал собрания духовных песен «Книга американских негритянских спиричуэлов» (1925) и «Вторая книга американских негритянских спиричуэлов» (1926), что способствовало повышению интереса к этому виду искусства среди интеллигенции. Блюз и ранние формы джаза не получили достаточного одобрения со стороны интеллектуальной элиты из-за их низкого статуса. Как указал историк Н. И. Хаггинс, такая музыка рассматривалась преимущественно в рамках народного искусства, ожидающего огранки неким расовым гением [33, р. 9–10]. Однако для передовых писателей ритмизированная атмосфера, в которой расцветало новое аутентичное искусство, стала объектом фиксации. В этом смысле известные исполнители блюзов Б. Смит, Г. Приджет (Ма Рейни) и К. Смит, а также джазмены Л. Д. Армстронг, У. Дж. Бейси (Каунт Бейси) и Э. К. Эллингтон (Дюк Эллингтон) вдохновляли писателей периода Гарлемского ренессанса. Афроамериканский поэт Дж. М. Л. Хьюз в сборнике стихотворений «Усталые блюзы» (1926) положил начало использованию блюзовой ритмики и тематики в американской литературной традиции, переведя трехстрочную структуру блюзовой песни *aab* в шестистрочную поэтическую форму. В литературном манифесте «Негритянский художник и расовая вершина» (1926) он писал следующее: «Пусть рев негритянских джазовых оркестров и пронзительный голос Бесси Смит, поющей блюз, проникают в закрытые уши цветных околоринтеллектуалов, пока они не прислушаются и, возможно, не поймут» [30, р. 59]. Аутентичный голос афроамериканского диалекта, звучащего в музыке, казался поэту источником творческого потенциала.

Эти рассуждения о музыке высказывала и З. Н. Херстон – афроамериканская писательница, антрополог и фольклорист, активный представитель периода Гарлемского ренессанса. Музыкальные ритмы звучали в жизни женщины с самого детства, и стремление познать сущность данного вида искусства сохранялось до конца ее дней. Она собирала фольклор в родном округе Итонвилль и на острове Ямайка. Результатом этой усердной работы стало приложение к книге «Мулы и люди» (1935), содержащее тексты песен и их нотные записи. Некоторые музыкальные композиции сохранились в ее исполнении. Писательница посещала джуки – блюзовые клубы и дома отдыха для представителей низов афроамериканского среднего класса в лесозаготовительном лагере округа Полк (штат Флорида), в 1932 г. она организовала негритянский народный концерт в Театре имени Джона Голдена в Нью-Йорке, а также создала музыкальное шоу

«Великий день», соединив в нем черты театральной постановки, мюзикла и концерта. Основываясь на индивидуальных ощущениях, З. Н. Херстон связывала аутентичную музыку со спецификой расы, ее мироощущением. Неслучайно известная писательница Э. М. Уокер ставит ее в один ряд с выдающимися блюзовыми певицами: «На мой взгляд, Зора Нил Херстон, Билли Холидей и Бесси Смит образуют своего рода нечестивую троицу. Зора принадлежит к традиции чернокожих сказительниц, а не к числу литераторов, по крайней мере для меня. В ее жизни были экстремальные взлеты и падения, неустрашимая погоня за приключениями, страстный эмоциональный и сексуальный опыт и любовь к свободе. Как Билли и Бесси, она шла собственным путем, верила в своих богов, преследовала собственные мечты и отказывалась отделять себя от “обычных” людей» [34, р. 91–92]. По мнению З. Н. Херстон, одну из главных черт, определяющих яркую самобытность ее народа, составляет музыкальность, сопряженная с аутентичными танцами и природным желанием приукрасить действительность. В эссе «Характеристики экспрессии негра» (1934) она указала на важность восприятия джуков как колыбели для секулярной музыки – блюза и джаза, композиции в жанре которых передаются из уст в уста и обогащаются при каждом повторении [30, р. 59]. Богатая и экспрессивная черная культура, в которой в равной степени присутствуют страсть и жестокость, неподдельная искренность и грусть, привлекала писательницу самобытной витальностью, отличностью от белой культуры. В произведениях З. Н. Херстон характерные для ее этноса ритмы, лежащие в основе аутентичных вербальных практик, отражают экстенсивное развитие афроамериканской музыки, пришедшееся на 1920–50-е гг. – период ее основной творческой активности.

Первый роман З. Н. Херстон «Тыквенное дерево Ионы» (1934), основанный на событиях из жизни родителей писательницы, содержит черты поэтики спиричуэла и элементы джазовой композиции, на приемах которой будто строится поведение персонажей. Жизнь главного героя, проповедника Джона Пирсона, представляет собой историю достижения успеха в личной жизни и карьере и следующего за ним краха. Будучи бедным афроамериканцем, сыном сезонных рабочих, обладающим ораторским даром, Джон связывает жизнь с Люси, дочерью обеспеченных родителей, и переезжает в город. Выстраивая церковную карьеру, мужчина не следует данным жене обещаниям и в результате разрушает семью. Совмещая греховные поступки и стремление к духовной чистоте, следуя обычаям и деревенской, и городской жизни, проповедник словно исполняет танец в стиле свинг (англ. *swing* – раскачиваться). Это джазовый ритмический рисунок, основанный на удлинении и сокращении звучаний одинаковых пар нот, который служит средством создания внутренней конфликтности. Жизнь героя является полиритмичной и фрагментированной из-за конфликта между телесным и духовным Я. Афроамериканец импровизирует, стараясь влиться в городскую среду. Он ведет себя позитивно и импозантно, но легкомысленно поступает с женщинами, меняя их в зависимости от настроения. Схожими чертами (импровизационность, неровность ритма, яркость мелодии) обладает и структура джаза. Физическая работа, которой занимается герой до церковной службы, и отдых после нее порождают в Джоне живой отклик: *John plunged on down to the Creek, singing a new song and stomping the beats. The Big Creek thundered among its rocks and whirled on down. So John sat on the foot-log and made some words to go with the drums of the Creek* [35, р. 12] ‘Джон бросился к воде, напевая новую песню и отбивая ритм. Речушка гремела среди скал и, кружась, неслась вниз. Джон сел на бревно и сочинил несколько слов в такт звучащим барабанам’. Со спиричуэлом связана встреча персонажа с будущей женой: молодая Люси поет в церковном хоре, их отношения завязываются во время исполнения дуэтом песни «О солдат, солдат, возьмешь ли ты меня замуж?». Люси Пирсон – одна из причин присутствия джаза в жизни мужа. Она, последовательница христианских заветов, порождает в мужчине сильные эмоции, толкающие того на путь греха. Фактически становясь главным инициатором продвижения Джона по карьерной лестнице, героиня оставляет собственные увлечения и посвящает себя семье. Пением сопровождается взросление ее детей. Но в публичной сфере именно Джон руководит церковными песнопениями, задает ритм на службе. В тексте приводятся примеры его проповедей – гибридных импровизированных перформансов, в которых используются специфические риторические стратегии, характерные для африканских ритуалов, присутствует библейская символика, освещаются актуальные для населения общественные темы. Их экспрессивная подача приводит аудиторию к экстатическому постижению божественной сути. Последняя речь Джона Пирсона «Тайная вечеря» включает упоминание не только библейских героев и планет, но и образа поезда, звук движения которого часто имитируется в джазе. Пытаясь оправдать собственные грехи, мужчина говорит о секулярной музыке в уничижительном ключе: *The blues we play in our homes is a club to beat up Jesus, and these social card parties* [35, р. 175] ‘Блюз, который мы играем у себя дома, – это клуб для небогоугодных дел, как и светские карточные вечеринки’. Образ локомотива, обозначающий индустриальный прогресс, становится предвестником скорой смерти героя. Резкий свист и оглушающие звуки, вначале испугавшие проповедника, пронизывают его жизнь, указывают на внезапные переходы от счастья к грусти и наоборот, а также на отсутствие объекта постоянной любви. Можно сказать, что Джон Пирсон – культурный гибрид,

совмещающий африканские (близость к природе, трикстерские качества, чувство ритма, талант оратора и импровизатора) и европейские (интерес к индустриальному прогрессу, жизнь в городе) черты. Это свойственно джазовым исполнителям, многие из которых начинали петь в церкви. Вернакуляр в романе используется для фиксации аутентичной музыкальности речи афроамериканцев. Он маркирует языковые особенности героев и способствует передаче колорита нации, ее специфического ритма.

По мнению Л. Дубек, наиболее известный роман З. Н. Херстон «Их глаза видели Бога» (1937) создан под влиянием импульсов госпела, блюза и джаза [36, р. 114]. По сюжету молодая афроамериканка Дженни Мэй Кроуфорд находится в поисках своей идентичности, пытается осознать собственную расовую и гендерную значимость в аутентичном обществе начала XX в. Героиня сталкивается с различными проблемами, трижды выходит замуж, обретает самодостаточность, что, по словам Х. А. Бейкера – младшего, делает ее идеальной исполнительницей блюза [28, р. 14]. Первый шаг к обретению необходимого знания – чувственное пробуждение девушки под грушевым деревом. Сцена, в которой Дженни созерцает опыление цветов пчелами, имеет черты эпифании: *She saw a dust bearing bee sink into the sanctum of a bloom; the thousand sister-calyxes arch to meet the love embrace and the ecstatic shiver of the tree from root to tiniest branch creaming in every blossom and frothing with delight. So this was a marriage! She had been summoned to behold a revelation* [37, р. 43] «Она видела, как пчела, несущая пыльцу, опускается в святилище цветка; тысяча сестринских чашечек выгибаются навстречу любовным объятиям, и восторженная дрожь дерева от корня до мельчайшей веточки сливается в каждом цветке и пенится от восторга. Так это был брак! Ее призвали, чтобы она увидела откровение». А. Гассоу соотносит эти символы с символами блюзовой композиции известной в 1930–40-х гг. американской певицы Л. Дуглас (Мемфис Минни) «Шмель № 2», отмечая созвучие тематики самореализации в песне и романе [38, р. 259]. Три брака, в которых Дженни, играя роль то рабочей силы, то молчаливой лавочницы, то равноправного партнера, обретает опыт для создания индивидуальной песни, согласуются с трехстрочной структурой блюзового куплета: два первых брака являются неудачными, а последний становится инициацией героини в мире жестокости и откровенной эмоциональности. Отношения Дженни и Ти Кейка проникнуты блюзовой, амбивалентной чувственностью на грани помешательства и смерти. Описание ночной жизни города Эверглейдс, где пара проводит большую часть совместной жизни, звучит следующим образом: *All night now the jooks clanged and clamored. Pianos living three lifetimes in one. Blues made and used right on the spot. Dancing, fighting, singing, crying, laughing, winning and losing love every hour; fight all night for love. The rich black earth clinging to bodies and biting the skin like ants* [37, р. 174–175] «Теперь всю ночь джуки лязгали и шумели. Пианино, проживающие три жизни в одной. Блюз, сочиненный и сыгранный прямо на месте. Танцуй, дерись, пой, плачь, смейся, выигрывай и теряй любовь каждый час, сражайся всю ночь за любовь. Жирная черная земля прилипает к телам и впивается в кожу, как муравьи». Герой-гитарист учит возлюбленную слушать музыку, играть в шахматы и стрелять, разогревая соревновательный дух женщины. Дженни вникает в суть блюзовых страданий, когда ее муж, забрав деньги, принадлежавшие ей, отправляется в город и возвращается оттуда через несколько дней раненым. Она ощущает всепоглощающую ревность, когда молодая афроамериканка Нанки флиртует с Ти Кейком, и познает боль домашнего насилия. В результате диалога с окружающими Дженни обретает новое знание, понимает суть действительности, заключенную в сопряжении противоположных чувств. Эпизод с наводнением, во время которого бешеная собака вместо Дженни кусает ее мужа, становится поворотным пунктом в жизни героини. Конечная стадия болезни Ти Кейка представляет собой карикатуру на стереотипного блюзмена-собственника, который в равной степени подвержен влиянию американского расизма и блюзовой культуры, делающих из него ревнивого и вспыльчивого человека, способного на убийство близких людей. Смерть Ти Кейка выступает условием вхождения героини в блюзовую матрицу, доказательством ее владения необходимыми риторическими тропами. Рамочная композиция, выстроенная как рассказ подруге Феобай о прошлом, схожа с моделью взаимодействия блюзовой исполнительницы и аудитории. Диалектика блюзовой культуры предполагает сопряжение жестокости и эмоционального подъема, искренности чувства и желания обладать его объектом. Дженни, вовлеченная в жизнь джуков, отказывается от всепоглощающей расовой ненависти и угнетения в пользу интуитивного стремления к свету и добру.

Схожим вариантом трактовки секулярной блюзовой традиции, означающей дискурс духовных песнопений, представляется роман «Моисей, человек горы» (1939). Используя элементы аутентичного афроамериканского музыкального жанра, З. Н. Херстон по-новому рассматривает историю Исхода. Моисей, как библейский патриарх, маг и фольклорный герой в афроамериканской и гаитянской культуре, является репрезентацией идей народного сопротивления угнетению, символом надежды на освобождение. Афроамериканская культура фиксирует сходство между процессом отмены рабства в Америке и библейской историей об уходе евреев из Египта и заимствует не только образ героя, но и связанные с ним мотивы. Метафора, в которой Исход выступает как музыкальная импровизация, акцентирует

внимание на переживании травматического опыта угнетенным народом. Негритянские народные песни, такие как «Направляясь в землю обетованную», «Отправляясь в Ханаан», «Мне не придется пересекать Иордан в одиночку» и «Сойди, Моисей», свидетельствуют о важной роли библейского интертекста в музыкальной культуре афроамериканцев. Последняя из перечисленных композиций, существующая в различных блюзовых переложениях, наиболее известна в исполнении джазового вокалиста и трубача Л. Д. Армстронга в 1958 г., что говорит о новой модификации героя в той среде, где секулярная музыка воспринимается как особый тип мировоззрения. Моисей в романе обретает характеристики блюзового певца: творческий импровизатор, сопричастный к духовному и телесному миру, обладающий даром слова посредник между аудиторией и небесными сферами избран для осуществления высшей миссии, но не понят обычными людьми. Он разговаривает на одном языке с египтянами и евреями, высшими силами и животными. Прием полифонии, использованный в произведении, соотносится с музыкальным приемом респонсорной переклички, характерным для блюза, и создает необходимую полиритмию. Так, противостояние женской и мужской традиций исполнения блюза в лице Мириам и Моисея заканчивается победой последнего, однако именно пророчица воспевается только что покинувшими Египет евреями: *Oh, Miriam played the cymbal over the Red Sea. / Miriam played the cymbal over the Red Sea. / Miriam played the cymbal over the Red Sea. / Oh, Miriam played the cymbal right over* [39, p. 134] 'О, Мириам играла на кимвале над Красным морем. / Мириам играла на кимвале над Красным морем. / Мириам играла на кимвале над Красным морем. / О, Мириам играла на кимвале прямо там'. Одновременное употребление вернакуляра и нормативного английского языка служит реализации витального вокально-инструментального диалога, характерного для афроамериканской культуры. В тексте встречаются лексические и синтаксические повторы с вариациями, создающие ритм блюзовой строфы: *Moses had crossed over. He was not in Egypt. He had crossed over and now he was not an Egyptian. He had crossed over. The short sword at his thigh had a jewelled hilt but he had crossed over and so it was no longer the sign of high birth and power. He had crossed over, so he sat down on a rock near the seashore to rest himself. He had crossed over so he was not of the house of Pharaoh. He did not own a palace because he had crossed over. He did not have an Ethiopian Princess for a wife. He had crossed over* [39, p. 78] 'Моисей перешел рубеж. Он не был в Египте. Он перешел рубеж и теперь не был египтянином. Он перешел границу. Короткий меч у его бедра имел украшенную драгоценными камнями рукоять, но он перешел, и поэтому это больше не было знаком высокого происхождения и власти. Он перешел на другую сторону, поэтому сел на камень у берега моря, чтобы отдохнуть. Он перешел рубеж, так что он больше не принадлежал дому фараона. У него не было дворца, потому что он перешел рубеж. У него не было эфиопской принцессы в женах. Он перешел рубеж'. Благодаря использованию ритмичных повторов Моисей пробуждает в грешниках, почитающих золотого тельца, чувства стыда и раскаяния: *Who is on the Lord's side? Who is on the Lord's side?* [39, p. 238] 'Кто на стороне Господа? Кто на стороне Господа?'.

Последний роман З. Н. Херстон «Серафим на Сувани» (1948) является нетипичным для творчества писательницы. В основу произведения положена история отношений представителей белой расы, живущих во Флориде. Обращая внимание на события колонизации этой территории английскими и испанскими захватчиками, она отображает межкультурные связи. Музыка используется для демонстрации ненасильственного этнического взаимодействия героев – выходцев из Северной и Южной Америки. М. К. Монтиель рассматривает роман в связи с творчеством кубинского писателя А. Карпентьера-и-Вальмонта и считает, что оба представителя этнических литератур занимаются антропологическими исследованиями и предлагают новое прочтение американской музыки в рамках взаимовлияния разных культур [40]. Роман «Серафим на Сувани» демонстрирует яркие примеры интермедиальной тематизации. Главная героиня Арвей Хенсон обладает музыкальным даром и склонностью к религиозному фанатизму с рождения, что дает возможность говорить о близости ее мироощущения афроамериканскому. Первая способность помогает миниатюрной девушке, считающей себя неполноценной, почувствовать превосходство над более популярной сестрой: *Arvay could play music and Lorraine just couldn't learn it. Arvay had been asked to spend a summer with her mother's sister in Madison one time, and this aunt could play on the organ some. Arvay had shown great interest and a quick ability and had surprised the family on her return to Sawley in the fall, by being able to pick out melodies, and to play a few songs with full harmony all the way through. The Henson parlor organ, which had been bought years ago for style and had seldom been sounded, began to be used. Arvay was in there nearly every day practicing and practicing. She showed herself very apt with music* [41, p. 9] 'Арвей умела играть музыку, а Ларрейн просто не могла этому научиться. Однажды Арвей пригласили провести лето с сестрой ее матери в Мэдисоне, и та умела играть на органе. Девушка проявила большой интерес к делу и удивила семью по возвращении в Соули осенью, сумев подобрать мелодии и сыграть несколько песен с полной гармонией до самого конца. Салонный орган Хенсонов, который был куплен много лет назад ради украшения и на котором редко играли, снова зазвучал. Арвей была там почти каждый день, постоянно тренируясь. Она оказалась очень способной к музыке'. Будущий муж героини Джин Мезерв

умеет играть на гитаре. Один из его свадебных подарков – серенада «Любовь, о любовь, о беззаботная любовь», которую в числе других песен исполнили на празднике афроамериканцы, друзья его делового партнера Джо Келси. Арвей демонстрирует сопричастность к музыкальному представлению: *She stood in her bare feet and wedding nightgown and lived through the serenade. Instrumental pieces, blues sung by men and some by women; spirituals, not sad and forlorn, but sung with a drummy rhythm to them; work songs and ballads. The music outside did something strange and new to Arvay. The strains induced pictures before her eyes. They conjured up odors and tastes* [41, p. 52] ‘Она стояла босиком в свадебной ночной рубашке и проживала серенаду. Инструментальные отрывки, блюз в исполнении мужчин и некоторых женщин; спиричуэлы, не грустные и унылые, а звучащие под барабанный ритм; рабочие песни и баллады. Музыка снаружи странно повлияла на Арвей. Звуки рисовали картины перед ее глазами. Они вызывали в воображении запахи и вкусы’. Сны Арвей наполнены мелодиями. Отношения с первым, неполноценным сыном Арлом она определяет через музыку: *...there were times when they grabbed hands and mounted to Heaven together. They played music on the instrument of life. It was merely that two or three of the keys were out of fix, and there was a break in the tune when they were touched* [41, p. 67] ‘...были времена, когда они брались за руки и вместе возносились на Небеса. Они играли музыку на инструменте жизни. Просто две или три клавиши были не в порядке, и при прикосновении к ним мелодия прерывалась’. Второй сын Кенни появляется на свет с похожим даром. Ребенок тянется к музыкальным инструментам и становится профессиональным музыкантом. Когда отец учит мальчика играть на гитаре, то напоминает жене о ее роли в формировании таланта сына. Кенни приобщается к музыке благодаря афроамериканцу Джо Келси. Описывая успех белого человека в исполнении афроамериканской музыки, основанной на кубинских ритмах, З. Н. Херстон указала на универсализацию музыкального опыта в рамках американской культуры. В письме Б. Митчеллу она прокомментировала это следующим образом: «Хотя, насколько мне известно, никто еще не сказал этого прямо, у нас произошла революция в национальном выражении в музыке, которая эквивалентна использованию Чосером местной идиомы в Англии. “Порги и Бесс” Гершвина воплотили в жизнь то, что готовилось по меньшей мере десять лет. В США больше нет негритянской музыки, она слилась воедино с другими музыкальными традициями и стала способом национального выражения, вытеснив поклонение европейскому. На самом деле сейчас отрицается (и в этом есть доля правды), что эта музыка никогда не была чисто негритянской, а представляла собой адаптацию музыки белых. Это так же упрощенно, как и первое утверждение о том, что это было нечто чисто негроидное. Но факт остается фактом: то, что здесь развилось, – это нечто американское, ставшее способом национального выражения и как таковое влияющее на музыку всего мира. Кенни – всего лишь один из тысяч белых художников, которые так или иначе работают через общепринятый медиум» [42, p. 563]. Можно сказать, что репрезентация афроамериканского населения как общества, развивающего музыкальные способности американской семьи, содействует пониманию важности взаимообогащающего диалога культур.

Заключение

В музыке реализуются индивидуальные и коллективные ритмы народа. Это искусство, в полной мере использующее игровой элемент культуры, связано с аутентичным фольклором и литературой на уровне сотворения идентичности. Для афроамериканской культуры характерны сближение и интермедialное взаимодействие музыкального и словесного искусств из-за особенностей социокультурного развития этого этноса (исконная вербальная культура Африки, рабство и долгое отсутствие доступа к образованию). Представители периода Гарлемского ренессанса искали наиболее яркие способы заявить о себе и обращали внимание на спиричуэл, госпел, блюз и джаз прежде всего как на средства репрезентации своей этнической полноценности. Это отражается в использовании музыкальных форм в поэзии и прозе.

Так, З. Н. Херстон активно взаимодействовала с песенной традицией. Собирая антропологический материал в Америке, на Ямайке и Гаити, она укрепляла позиции собственной культуры, описывая ее как особенно экспрессивную. Музыка, по ее мнению, отражает богатство и колорит души афроамериканцев, характеризует их означивающие стратегии выживания в американском обществе.

В романах З. Н. Херстон выявлены как экстракомпозиционные варианты интермедialности (трансмедialность – связь музыкальных и литературных мотивов с социокультурной ситуацией), так и интракомпозиционные способы взаимодействия музыки и слова (интермедialная тематизация и имитация). В сюжетах четырех проанализированных произведений музыка функционирует как средство трансляции этнического и индивидуального начал. Блюзовая и джазовая ритмика, цитаты из песен используются для формирования специфических нарративных стратегий представления афроамериканской диаспоры в художественном пространстве текста (прием респонсорной переклички, синтаксические и лексические

повторы). Отличительной чертой творчества писательницы является употребление вернакуляра, который становится основой музыкальности ее прозы. Задействуя в качестве героев романов персонажей, связанных с исполнением различных композиций или живущих в согласии с той или иной музыкальной эстетикой, З. Н. Херстон отображает культурный потенциал афроамериканского народа.

Библиографические ссылки

1. Ханзен-Лёве ОА. *Интермедальность в русской культуре: от символизма к авангарду*. Скуратов БМ, Смотрицкий ЕЮ, переводчики. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2016. 503 с.
2. Тишунина НВ. Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований. В: Санкт-Петербургский государственный университет. *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы Международной научной конференции: к 80-летию профессора Моисея Самойловича Казана; 18 мая 2001 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2001. с. 149–154. (Серия «Symposium»; выпуск 12).
3. Scher SP. *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes*. Berlin: Erich Schmidt Verlag; 1984. Einleitung: Literatur und Musik – Entwicklung und Stand der Forschung; S. 9–26.
4. Wolf W. Intermediality revisited: reflections on word and music relations in the context of a general typology of intermediality. In: Lodato SM, Aspden S, Bernhart W, editors. *Word and music studies: essays in honor of Steven Paul Scher and on cultural identity and the musical stage*. Amsterdam: Rodopi; 2002. p. 13–34. (Word and music studies; volume 4). DOI: 10.1163/9789004334069_003.
5. Rippl G, editor. *The handbook of intermediality: literature – image – sound – music*. Berlin: de Gruyter; 2015. 701 p. DOI: 10.1515/9783110311075. (Handbooks of English and American studies; volume 1).
6. Herzogenrath B, editor. *Travels in intermediality: reblurring the boundaries*. Hanover: Dartmouth College Press; 2012. 286 p.
7. Кайда ЛГ. *Интермедальное пространство композиции*. Москва: Флинта; 2013. 172 с. Совместно с издательством «Наука».
8. Кайда ЛГ. *Эстетический императив интермедального текста: лингвофилософская концепция композиционной поэтики*. Москва: Флинта; 2016. 127 с. Совместно с издательством «Наука».
9. Аникеева ЕС, Прохорова ЛП. *Интермедальность поэтического дискурса*. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2016. 112 с.
10. Богомолова ЕВ. *Художественная литература и музыка как отражение культуры народа*. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества; 2014. 194 с.
11. Гарадніцкі ЯА. Інтэрмедыяльныя сродкі мастацкага выражэння ў творах Максіма Багдановіча. *Польмя*. 2013;11:124–133.
12. Жиганова ЕП. Особенности реализации интермедальных связей в современной русскоязычной поэзии Беларуси (музыкальный дискурс). *Весці БДПУ. Серыя I, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2021;3:121–124.
13. Кузьміч НВ. Інтэрмедыяльная паэтыка прозы Галіны Багданавай. У: Самусевіч ВМ, рэдактар. *Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы XX Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 15–16 лістапада 2018 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2018. с. 515–517.
14. Кузьміч НВ. Інтэрмедыяльная спецыфіка апавяданняў Галіны Багданавай. *Роднае слова*. 2019;6:23–25.
15. Кузьміч НВ. Інтэрмедыяльнасць як аўтарская стратэгія ў прозе Галіны Багданавай. *Роднае слова*. 2021;1:15–18.
16. Петухова МВ. Гармонія тэксту і ілюстрацый у апавесці Яна Булгака «Дом»: даследаванне вербальнага і візуальнага пачаткаў у аспекце інтэрмедыяльнага падыходу. *Народная асвета*. 2015;1:93–96.
17. Петухова МВ. Інтэрмедыяльная рэфэрэнцыя ў літаратурнай творчасці Яна Булгака. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2020;1:5–16.
18. Гарадніцкі ЯА. *Літаратура як мастацтва: камунікатыўнасць, інтэрмедыяльнасць, наратыўнасць*. Мінск: Беларуская навука; 2014. 401 с.
19. Каркавина ОВ. Джазовая форма и архитектура романов Тони Моррисон (опыт интермедального анализа). В: Смирнова ОБ, составитель. *Основные проблемы лингвистики и лингводидактики. Материалы I Международной научной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета; 15 октября 2007 г.; Астрахань, Россия*. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева; 2007. с. 32–34.
20. Полищук НА. Литературный джаз как нарративная и экспрессивная стратегия американской литературы (на примере творчества Тони Моррисон). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2010;4:104–110.
21. Ellison RW. Richard Wright's blues. *The Antioch Review*. 2016;74(3):490–503. DOI: 10.7723/antiochreview.74.3.0490.
22. Ellison RW. *The collected essays of Ralph Ellison*. John F, editor. New York: The Modern Library; 2003. The Charlie Christian Story; p. 266–272. (Modern library classics).
23. Хэйзинга Й. *Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры*. Сильвестров ДВ, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха; 2011. 409 с.
24. Gates HL Jr. *The signifying monkey: a theory of Afro-American literary criticism*. New York: Oxford University Press; 1989. 320 p.
25. Floyd SA Jr. *The power of black music: interpreting its history from Africa to the United States*. New York: Oxford University Press; 1995. 336 p.
26. Конен ВД. *Этюды о зарубежной музыке*. Москва: Музыка; 1975. 479 с.
27. Конен ВД. *Рождение джаза*. Москва: Советский композитор; 1990. 319 с.
28. Baker HA Jr. *Blues, ideology, and Afro-American literature: a vernacular theory*. Chicago: The University of Chicago Press; 1985. 227 p.
29. Morrison T. Rootedness: the ancestor as foundation. In: Evans M, editor. *Black women writers (1950–1980): a critical evaluation*. New York: Anchor Press; 1984. p. 339–345. Co-published by the «Knopf Doubleday Publishing Group».
30. Mitchell A, editor. *Within the circle: an anthology of African American literary criticism from the Harlem Renaissance to the present*. Durham: Duke University Press; 1994. 544 p.
31. Jimoh YA. *Spiritual, blues, and jazz people in African American fiction: living in paradox*. Knoxville: The University of Tennessee Press; 2002. 288 p.
32. Du Bois WEB. *The souls of black folk*. New York: Bantam Books; 1989. 192 p. (Bantam Classics).

33. Huggins NI. *Harlem Renaissance*. New York: Oxford University Press; 2007. 343 p.
34. Walker AM. *In search of our mothers' gardens: womanist prose*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich; 1983. 397 p.
35. Hurston ZN. *Jonah's gourd vine*. New York: Harper Collins; 1990. 229 p.
36. Dubek L. «[Jus' listenin' tuh you»: Zora Neale Hurston's «Their eyes were watching God» and «The gospel impulse». *The Southern Literary Journal*. 2008;41(1):109–130. DOI: 10.1353/slj.0.0027.
37. Hurston ZN. *Their eyes were watching God*. New York: Virago Press; 1986. 297 p. (Virago modern classic).
38. Gussow A. *Seems like murder here: Southern violence and the blues tradition*. Chicago: The University of Chicago Press; 2002. «The blade already crying in my flesh»: Zora Neale Hurston's blues narratives; p. 233–273.
39. Hurston ZN. *Moses, man of the mountain*. New York: Harper Perennial; 1991. 310 p.
40. Montiel MK. Sounds from nowhere: musical protagonists by Alejo Carpentier and Zora Neale Hurston. *Comparative American Studies*. 2012;10(1):30–44. DOI: 10.1179/1477570011Z.0000000001.
41. Hurston ZN. *Seraph on the Suwanee*. New York: Charles Scribner's Sons; 1948. 330 p.
42. Kaplan C, editor. *Zora Neale Hurston: a life in letters*. New York: Doubleday; 2002. 880 p.

References

1. Hansen-Love AA. *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture: ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: from symbolism to avant-garde]. Skuratov BM, Smotriskii EYu, translators. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2016. 503 p. Russian.
2. Tishunina NV. [Methodology of intermediate analysis in the light of interdisciplinary research]. In: Saint Petersburg State University. *Metodologiya humanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: k 80-letiyu professora Moiseya Samoilovicha Kagana; 18 maya 2001 g.: Sankt-Peterburg, Rossiya* [Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the 21st century. Proceedings of the International scientific conference: on the 80th anniversary of professor Moisei Samoilovich Kagan; 2001 May 18; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2001. p. 149–154. (Series «Symposium»; issue 12). Russian.
3. Scher SP. *Literatur und Musik: ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes*. Berlin: Erich Schmidt Verlag; 1984. Einleitung: Literatur und Musik – Entwicklung und Stand der Forschung; S. 9–26.
4. Wolf W. Intermediality revisited: reflections on word and music relations in the context of a general typology of intermediality. In: Lodato SM, Aspden S, Bernhart W, editors. *Word and music studies: essays in honor of Steven Paul Scher and on cultural identity and the musical stage*. Amsterdam: Rodopi; 2002. p. 13–34. (Word and music studies; volume 4). DOI: 10.1163/9789004334069_003.
5. Rippl G, editor. *The handbook of intermediality: literature – image – sound – music*. Berlin: de Gruyter; 2015. 701 p. DOI: 10.1515/9783110311075. (Handbooks of English and American studies; volume 1).
6. Herzogenrath B, editor. *Travels in intermediality: reblurring the boundaries*. Hanover: Dartmouth College Press; 2012. 286 p.
7. Kaida LG. *Intermedial'noe prostranstvo kompozitsii* [The intermedial space of composition]. Moscow: Flinta; 2013. 172 p. Russian. Co-published by the «Nauka».
8. Kaida LG. *Esteticheskii imperativ intermedial'nogo teksta: lingvofilosofskaya kontseptsiya kompozitsionnoi poetiki* [The aesthetic imperative of an intermediate text: the linguophilosophical concept of compositional poetics]. Moscow: Flinta; 2016. 127 p. Russian. Co-published by the «Nauka».
9. Anikeeva ES, Prokhorova LP. *Intermedial'nost' poeticheskogo diskursa* [The intermediality of poetic discourse]. Kemerovo: Kemerovo State University; 2016. 112 p. Russian.
10. Bogomolova EV. *Khudozhestvennaya literatura i muzyka kak otrazhenie kul'tury naroda* [Fiction and music as a reflection of the culture of the people]. Novosibirsk: Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva; 2014. 194 p. Russian.
11. Haradnitski YaA. The intermedial means of artistic expression in Maxim Bahdanovich's works. *Polymia*. 2013;11:124–133. Belarusian.
12. Zhiganova EP. Features of realization of intermediate connections in modern Russian-language poetry of Belarus (musical discourse). *Vesci BDPU. Seryja 1, Pedagogika. Psihologija. Filologija*. 2021;3:121–124. Russian.
13. Kuzmich NV. [The intermedial poetics of Galina Bogdanova's prose]. In: Samusevich VM, editor. *Zhurnalistyka-2018: stan, problemy i perspektivy. Matjeryjaly XX Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 15–16 listapada 2018 g.; Minsk, Belarus* [Journalism-2018: state, problems and prospects. Proceedings of the 20th International scientific and practical conference; 2018 November 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 515–517. Belarusian.
14. Kuzmich NV. [The intermedial specificity of Galina Bogdanova's prose]. *Rodnae slova*. 2019;6:23–25. Belarusian.
15. Kuzmich NV. [Intermediality as an author's strategy in Galina Bogdanova's prose]. *Rodnae slova*. 2021;1:15–18. Belarusian.
16. Petukhova MV. [Harmony of text and illustrations in Jan Bulhak's short story «The house»: a study of verbal and visual principles in the aspect of an intermediate approach]. *Narodnaja asveta*. 2015;1:93–96. Belarusian.
17. Petukhova MV. Intermedial reference in literary works of Jan Bulhak. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;1:5–16. Belarusian.
18. Haradnitski YaA. *Litaratura jak mastactva: kamunikatywnasc, intermedyjalnasc, naratywnasc* [Literature as art: communication, intermediality, narrative]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 401 p. Belarusian.
19. Karkavina OV. [Jazz form and architectonics of Toni Morrison's novels (the experience of intermedial analysis)]. In: Smirnova OB, compiler. *Osnovnye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta; 15 oktyabrya 2007 g.; Astrakhan', Rossiya* [The main problems of linguistics and linguistics. Proceedings of the 1st International scientific conference dedicated to the 75th anniversary of Astrakhan State University; 2007 October 15; Astrakhan, Russia]. Astrakhan: Tatishchev State University; 2007. p. 32–34. Russian.
20. Polishchuk NA. Literary jazz as a narrative and expressive strategy of American literature (based on works by Toni Morrison). *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2010;4:104–110. Russian.
21. Ellison RW. Richard Wright's blues. *The Antioch Review*. 2016;74(3):490–503. DOI: 10.7723/antiochreview.74.3.0490.
22. Ellison RW. *The collected essays of Ralph Ellison*. John F, editor. New York: The Modern Library; 2003. The Charlie Christian Story; p. 266–272. (Modern library classics).

23. Huizinga J. *Chelovek igrayushchii: opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury* [A person playing: the experience of determining the play element of culture]. Sil'vestrov DV, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha; 2011. 409 p. Russian.
24. Gates HL Jr. *The signifying monkey: a theory of Afro-American literary criticism*. New York: Oxford University Press; 1989. 320 p.
25. Floyd SA Jr. *The power of black music: interpreting its history from Africa to the United States*. New York: Oxford University Press; 1995. 336 p.
26. Konen VD. *Etyudy o zarubezhnoi muzyke* [Sketches about foreign music]. Moscow: Muzyka; 1975. 479 p. Russian.
27. Konen VD. *Rozhdenie dzhaza* [The birth of jazz]. Moscow: Sovetskii kompozitor; 1990. 319 p. Russian.
28. Baker HA Jr. *Blues, ideology, and Afro-American literature: a vernacular theory*. Chicago: The University of Chicago Press; 1985. 227 p.
29. Morrison T. Rootedness: the ancestor as foundation. In: Evans M, editor. *Black women writers (1950–1980): a critical evaluation*. New York: Anchor Press; 1984. p. 339–345. Co-published by the «Knopf Doubleday Publishing Group».
30. Mitchell A, editor. *Within the circle: an anthology of African American literary criticism from the Harlem Renaissance to the present*. Durham: Duke University Press; 1994. 544 p.
31. Jimoh YA. *Spiritual, blues, and jazz people in African American fiction: living in paradox*. Knoxville: The University of Tennessee Press; 2002. 288 p.
32. Du Bois WEB. *The souls of black folk*. New York: Bantam Books; 1989. 192 p. (Bantam Classics).
33. Huggins NI. *Harlem Renaissance*. New York: Oxford University Press; 2007. 343 p.
34. Walker AM. *In search of our mothers' gardens: womanist prose*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich; 1983. 397 p.
35. Hurston ZN. *Jonah's gourd vine*. New York: Harper Collins; 1990. 229 p.
36. Dubek L. «[J]us' listenin' tuh you»: Zora Neale Hurston's «Their eyes were watching God» and «The gospel impulse». *The Southern Literary Journal*. 2008;41(1):109–130. DOI: 10.1353/slj.0.0027.
37. Hurston ZN. *Their eyes were watching God*. New York: Virago Press; 1986. 297 p. (Virago modern classic).
38. Gussow A. *Seems like murder here: Southern violence and the blues tradition*. Chicago: The University of Chicago Press; 2002. «The blade already crying in my flesh»: Zora Neale Hurston's blues narratives; p. 233–273.
39. Hurston ZN. *Moses, man of the mountain*. New York: Harper Perennial; 1991. 310 p.
40. Montiel MK. Sounds from nowhere: musical protagonists by Alejo Carpentier and Zora Neale Hurston. *Comparative American Studies*. 2012;10(1):30–44. DOI: 10.1179/1477570011Z.0000000001.
41. Hurston ZN. *Seraph on the Suwanee*. New York: Charles Scribner's Sons; 1948. 330 p.
42. Kaplan C, editor. *Zora Neale Hurston: a life in letters*. New York: Doubleday; 2002. 880 p.

Статья поступила в редколлегию 25.09.2023.
Received by editorial board 25.09.2023.

УДК 811.581'01'27

СУБЪЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И СПЕЦИФИКА ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

ЧЖАН СЫЮЙ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются участники дипломатической коммуникации в Древнем Китае, а также определяется культурно-национальная специфика институционализации данной дискурсивной практики. Анализируются семантика наименований дипломатических работников в различные периоды существования китайской дипломатии и закономерности их функционирования. Исследуются доминантные лексемы, используемые для обозначения дипломатических сотрудников в рамках шести основных исторических эпох Китая: доциньской эпохи, периода правления династий Цинь и Хань, эпохи царствования династий Суй и Тан, эпохи правления пяти династий, периода царствования династий Сун, Ляо, Цзинь и Юань, а также периода правления династий Мин и Цин. Особое внимание уделяется историческому развитию терминосистемы китайской дипломатии и причинам ее изменения, анализ которых способствует выявлению эволюционных тенденций в отношении функционального репертуара дипломатического дискурса.

Ключевые слова: субъекты дипломатии; номинация; терминология дипломатических работников; лексема; дипломатическая коммуникация; дискурс дипломатии.

Благодарность. Автор статьи выражает признательность за помощь в проведении исследования кандидату филологических наук, доценту Т. В. Еромейчик.

Образец цитирования:

Чжан Сыюй. Субъекты дипломатической коммуникации и специфика их деятельности в Древнем Китае. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;3:52–61.
EDN: OOIOJW

For citation:

Zhang Siyu. Subjects of diplomatic communication and specifics of their activities in Ancient China. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;3:52–61. Russian.
EDN: OOIOJW

Автор:

Чжан Сыюй – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации факультета межкультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. В. Еромейчик.

Author:

Zhang Siyu, postgraduate student at the department of speechology and communication theory, faculty of intercultural communication.
siyuzhang53@gmail.com

СУБ'ЕКТЫ ДЫПЛАМАТЫЧНАЙ КАМУНІКАЦЫІ І СПЕЦЫФІКА ІХ ДЗЕЙНАСЦІ Ў СТАРАЖЫТНЫМ КІТАІ

ЧЖАН СЫЮЙ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца ўдзельнікі дыпламатычнай камунікацыі ў Старажытным Кітаі, а таксама акрэсліваецца культурна-нацыянальная спецыфіка інстытуцыялізацыі дадзенай дыскурсіўнай практыкі. Аналізуюцца семантыка найменняў дыпламатычных работнікаў у розныя перыяды існавання кітайскай дыпламатыі і заканамернасці іх функцыянавання. Даследуюцца дамінантныя лексемы, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння дыпламатычных супрацоўнікаў у рамках шасці асноўных гістарычных эпох Кітая: дацыньскай эпохі, перыяду праўлення дынастыі Цынь і Хань, эпохі царавання дынастыі Суй і Тан, эпохі праўлення пяці дынастыі, перыяду царавання дынастыі Сун, Ляо, Цзінь і Юань, а таксама перыяду праўлення дынастыі Мін і Цын. Асабліва ўвага надаецца гістарычнаму развіццю тэрмінасістэмы кітайскай дыпламатыі і прычынам яе змянення, аналіз якіх садзейнічае выяўленню эвалюцыйных тэндэнцый адносна функцыянальнага рэпертуару дыпламатычнага дыскурсу.

Ключавыя словы: суб'екты дыпламатыі; намінацыя; тэрміналогія дыпламатычных работнікаў; лексема; дыпламатычная камунікацыя; дыкурс дыпламатыі.

Падзяка. Аўтар артыкула выказвае падзяку за дапамогу ў правядзенні даследавання кандыдату філалагічных навук, дацэнту Т. У. Ерамейчык.

SUBJECTS OF DIPLOMATIC COMMUNICATION AND SPECIFICS OF THEIR ACTIVITIES IN ANCIENT CHINA

ZHANG SIYU^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zakharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article is devoted to the consideration of the participants of diplomatic communication in Ancient China, as well as the cultural and national specifics of the institutionalisation of this discursive practice. The author analyses the semantics and patterns of functioning of the names of diplomatic workers in various periods of the existence of Chinese diplomacy. The author considers the dominant lexemes used to designate diplomatic employees within the six main historical eras of China: the pre-Qin era, the period of the Qin and Han dynasties, the era of the Sui and Tang dynasties, the era of the five dynasties, the period of the Song, Liao, Jing and Yuan dynasties, and the period of the Ming and Qing dynasties. Particular attention is paid to the historical development of the terminological system of Chinese diplomacy and the reasons for its change, the analysis of which helps to identify evolutionary trends in relation to the functional repertoire of diplomatic discourse.

Keywords: subjects of diplomacy; nomination; terminology of diplomatic workers; lexeme; diplomatic communication; discourse of diplomacy.

Acknowledgements. The author of the article wishes to present her gratitude to PhD (philology), associate professor T. V. Eromeitchik.

Введение

На сегодняшний день в условиях глобализации и международной интеграции особую значимость приобретает международная коммуникация, которая становится объектом пристального внимания ученых. Возрастание роли дипломатии как важного элемента в реализации международного взаимодействия обусловило еще больший интерес к исследованию дипломатической коммуникации с позиций лингвистического анализа.

Дипломатический дискурс рассматривается как один из видов институционального дискурса, т. е. как часть устойчивой системы статусно-ролевых отношений, которые существуют в коммуникативном пространстве дипломатического института [1, с. 255]. К институциональным характеристикам данной дискурсивной практики можно отнести стремление к сотрудничеству, интеграции и многосторонний, разновекторный характер взаимодействия.

Ядром дипломатического дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – адресанта и адресата сообщения. В роли адресанта выступают, как правило, представители института дипломатии (профессиональные дипломаты) либо политических кругов государства (главы государств и правительств, руководители специальных органов).

Дипломаты – особая группа субъектов в политической, экономической и особенно в коммуникативной сферах. Их деятельность направлена на разрешение мирными средствами международных разногласий в области внешнеполитических отношений в соответствии с целями, определенными в концепции внешней политики государства, а также согласно нормам международного права.

Китай имеет очень долгую историю дипломатии. Во времена царствования различных династий дипломатические дела являлись неотъемлемой частью государственного управления. Руководство дипломатами осуществляли специальные центральные ведомства и соответствующие местные органы. Исследование проблемы номинации участников дипломатической коммуникации требует проведения диахронического анализа, поскольку исторический контекст дипломатического дискурса Китая претерпел ряд изменений. Рассмотрение участников коммуникации в рамках указанной сферы социального взаимодействия позволит более точно определить параметры дипломатического дискурса как институционального и выявить его базовые, системообразующие характеристики.

Изучение различных форм дискурса сегодня является объектом исследования многих отечественных и зарубежных специалистов. Анализ дипломатического дискурса в рамках лингвопрагматики стал целью работ А. С. Кожетевой, В. И. Карасика, Л. М. Терентия, С. Г. Гась, И. В. Сединой, С. И. Косенко, Т. Н. Кравец, М. В. Белякова, Х. Трабелси, Т. А. Волковой и Л. Е. Фарафоновой.

Предлагаемые А. С. Кожетевой системообразующие признаки дипломатического дискурса включают цель общения (надежное обеспечение безопасности, сохранение и укрепление его суверенитета и территориальной целостности, воздействие на общемировые процессы для формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка и т. д.), тактики и стратегии (информационно-интерпретационная, аргументативная стратегии, а также стратегия нападения, самозащиты, удержания внимания и власти), ценности (честность, лояльность, категоричность, тактичность, корректность, сдержанность), хронотоп (физический (кабинет главы правительства) или интерактивный (интернет-конференции, телекоммуникационное общение в реальном времени и т. д.) режим), участников (агенты – представители института международной дипломатии, а также групповые или единичные клиенты) и характеристики текстов (декларации, заявления, ноты, меморандумы, памятные записки, коммюнике и др.) [2, с. 60].

Китайские историки рассматривают дипломатические группы, систему и культуру дипломатического этикета в период правления разных династий. В подобных работах описываются дипломатическая группа государства Чу, дипломатическая система династии Шан-Инь, дипломатическая культура периода Сражающихся царств, система дипломатического этикета в эпоху царствования династии Цзинь, особенности организации иностранных дел во времена правления династии Мин и др. В фокусе внимания исследователей находятся принципы внешней политики, дипломатические обязанности и полномочия, а также процедуры выбора и назначения различных династий.

Актуальность настоящей статьи обусловлена возросшим интересом современной лингвистики к решению проблем коммуникативного взаимодействия, изучению языка в тесной связи с практической деятельностью человека, осознанием важности исследования дискурсивных стратегий вербальной и невербальной дипломатической коммуникации представителей различных культур.

Цель статьи – выявление закономерностей функционирования наименований дипломатических работников в разные периоды существования китайской дипломатии. Всесторонний анализ указанных номинативных средств способствует определению как субъектов дипломатического дискурса, так и культурно-национальных приоритетов в институционализации и реализации данного типа дискурса, а также в установлении его задач.

При всем обилии работ по дипломатической коммуникации детальный анализ субъектов данного вида институционального взаимодействия и эволюции их наименований на материале китайского языка осуществляется впервые.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат лексемы с семой ‘дипломат’, извлеченные из словарей китайского языка, а также из основных дипломатических письменных источников, относящихся к периодам правления китайских династий («Ханьшу», «Хоу Ханьшу», «Цзы чжи тун цзянь», «Шицзи» и др.), в которых определяются многие исходные понятия государственности того времени.

Исследование опирается на широкий спектр работ в области древнекитайских дипломатических систем, этикета, норм и институциональной эволюции различных династий, а также на переводы упомянутых источников, выполненные автором настоящей статьи.

Применялись методы структурно-семантического, функционально-семантического, сравнительно-сопоставительного и контекстуально-интерпретационного анализа.

Результаты и их обсуждение

Номинации дипломатических работников варьируются в зависимости от конкретной исторической эпохи Древнего Китая.

Доциньская эпоха (до 221 г. до н. э.). До периода правления династии Ся (2070–1600 гг. до н. э.) китайское государство еще не было сформировано. Племена, жившие на этой территории, для защиты общих интересов образовали племенной союз. Они должны были поддерживать постоянный контакт друг с другом, а их вожди отдавать приказы и принимать советы от членов племен – участников союза. За прием прибывавших издалека гостей, а также за передачу приказов между племенем и представителями власти отвечал чиновник, который именовался лексемой 龙 [lóng] ‘дракон’. Подобные факты можно найти в древних исторических записях: 龙主宾客, 远人至 ‘Дракон отвечал за прием гостей, прибывавших издалека’¹ (Хроника, с. 157).

Слово 龙 [lóng], помимо значения ‘дракон’, имеет следующие толкования: ‘государь, император’, ‘императорский’, ‘высочайший’, ‘выдающаяся личность, знаменитость, гений’, ‘даровитый, талантливый’ (СКС, с. 816). По этой причине можно предположить, что, с одной стороны, человек, занимающий подобную должность, представлял интересы императора во время приема гостей, а с другой стороны, он также являлся выдающимся и талантливым человеком.

Поскольку до периода правления династии Ся государство не существовало, а население исследуемых земель было небольшим, не функционировал и полноценный дипломатический орган. Лишь штатный чиновник отвечал за дипломатические дела. Дипломатия использовалась только для межплеменного общения.

Во времена царствования династии Западной Чжоу (1027–770 гг. до н. э.) дипломаты назывались лексемой 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’ (Комментарии Цзо, с. 424). Они делились на два официальных класса, которые обозначались номинациями 大行人 [dà xíng rén] ‘дипломат-пешеход первого ранга’ (СКОД, с. 72) и 小行人 [xiǎo xíng rén] ‘дипломат-пешеход второго ранга’ (СКОД, с. 421). Данные слова в значении ‘дипломат’ непосредственно упоминаются в тексте «Чжоу ли». В письменных источниках того времени также четко указаны обязанности дипломатов: 大行人掌大宾之礼, 及大客之仪, 以亲诸侯. 小行人掌邦国宾客之礼籍, 以待四方之使者 ‘Дипломат-пешеход первого ранга отвечает за прием самых важных гостей и обслуживание местных вассальных князей. Дипломат-пешеход второго ранга принимает гостей и посланников вассалов со всего мира’ (Ши сань цзин, с. 893). Во внутренней форме номинации 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’ присутствует идея движения, перемещения между заинтересованными сторонами.

В период Весен и осеней (770–476/403 гг. до н. э.) с распадом монархии патриархальный строй пришел в упадок. Сила вассальных государств укреплялась, и они постепенно превращались из царств, принадлежащих династии Чжоу, в суверенные образования. Такая политическая ситуация требовала от представителей власти уделять больше внимания иностранным делам. В названный период дипломаты были необходимы для поддержания контактов между государствами. Они либо занимали специализированные должности, либо назначались правящими министрами или важными членами королевской семьи. В это время дипломаты были известны под несколькими номинациями, например 行李 [xínglǐ] ‘багаж’: ‘Багаж (дипломаты. – С. Ч.) переезжает из страны в страну’ (Го юй). В данном слове также очевидна лежащая в основе семантики идея мобильности. Дипломатические дела использовались как средство установления эмоциональной связи между государствами. Даже дипломатическая деятельность, касающаяся существенных вопросов, обсуждалась преимущественно в контексте моральных законов.

В период Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н. э.) конкуренция между государствами трансформировалась из борьбы за гегемонию в стремление к аннексии. Эффективность дипломатических стратегий стран определяла возможности их выживания. Таким образом, в этот период подчеркивалась важность международной политики. Статус дипломатии в государственных делах постепенно повышался. Так, во многих странах премьер-министр стал выполнять функции дипломата, что обусловило принятие внутривластных решений в соответствии с внешнеполитическими. Официальные системы ведения переговоров между государствами отличались друг от друга, следовательно, обязанности и номинации чиновников, ответственных за дипломатию, также разнились. Однако существовали и общие тенденции.

Например, в государстве Цинь иностранными делами занимались чиновники, называемые с помощью лексем 相邦 [xiāng bāng] ‘премьер-министр’ (СКОД, с. 419), 御史 [yù shǐ] ‘помощник’ (СКОД, с. 456) и 谒者 [yè zhě] ‘советник’ (СКОД, с. 439). В государстве Чу существовали дипломатические работники, для

¹Здесь и далее перевод наш. – С. Ч.

номинации которых использовались слова 令尹 [lìng yǐn] ‘первый министр’ (СКОД, с. 279) и 左徒 [zuǒ tú] ‘помощник’ (СКОД, с. 513). Дипломатической системой в государстве Ци руководили должностные лица, для обозначения которых употреблялись лексемы 主客 [zhǔ kè] ‘человек, ответственный за прием гостей’ (СКОД, с. 499), 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’ и 谒者 [yè zhě] ‘советник’. В государстве Чжао за иностранные контакты отвечали люди, именуемые посредством слов 相 [xiāng] ‘премьер-министр’ (СКОД, с. 419), 御史 [yù shǐ] ‘помощник’ и 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’. В государстве Вэй этими вопросами заведовал дипломатический работник, пост которого обозначался номинацией 相国 [xiāng guó] ‘премьер-министр’ (СКОД, с. 419), а в государстве Хань – человек, чья должность называлась выражением 典冠 [diǎn guān] ‘слуга, отвечающий за корону’ (СКС, с. 456).

О том, что подобные посты не были специализированными дипломатическими должностями, свидетельствует и этимология номинаций, поскольку в их состав входят следующие иероглифы: 相 [xiāng] ‘взаимно, обоюдно, вместе; друг с другом, один другому’ (СКС, с. 1371), 御 [yù] ‘правитель; государь, император, императорский, придворный’ (СКС, с. 1544), 谒 [yè] ‘представляться, докладывать о себе, посещать старшего, вышестоящего’ (СКС, с. 1471), 尹 [yǐn] ‘название официальных должностей в Древнем Китае’ (СКС, с. 1503), 左 [zuǒ] ‘помогать, поддерживать’ (СКС, с. 1683), 典 [diǎn] ‘вести, принимать, управлять’ (СКС, с. 280). Это указывает скорее на придворный характер деятельности субъектов, обозначаемых данными номинациями, их участие в управлении страной или вспомогательную роль по отношению к вышестоящим государственным деятелям.

Однако не только государственные чиновники принимали участие в дипломатической деятельности. Важным достижением этого периода стало появление профессиональных посланников, которые назывались словом 纵横家 [zòng héng jiā] ‘сторонники союза царств по горизонтали и вертикали’. В состав этой номинации входят компоненты со следующим значением: 纵 [zòng] ‘вертикальный’ (СКС, с. 1674), [héng] ‘горизонтальный’ (СКС, с. 518), а также 家 [jiā] ‘суффикс имен существительных, обозначающий представителей определенной специальности, профессии’ (СКС, с. 605). Данная лексема происходит от названий двух философских школ периода Сражающихся царств. В это время отмечалось противостояние государств Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао, Вэй и Цинь, причем самыми сильными были государства Ци и Цинь, которым противоборствовали остальные пять стран, периодически объединявшихся друг с другом. Таким образом возникли два союза (合纵 [hé zòng] ‘вертикальный союз’ и 连横 [lián héng] ‘горизонтальный союз’). Вертикальный союз выступал за объединение северных и южных стран для противостояния государствам Ци и Цинь и за предотвращение аннексирования соседних территорий. В свою очередь, горизонтальный союз выступал за победу государства Цинь или Ци над восточными и западными странами, а также за совместный удар по другим слабым объединениям.

Быстрое развитие дипломатии и повышение статуса дипломатов привели к инновациям в дипломатической теории и технологиях. В этот период появилось много сторонников союза царств по горизонтали и вертикали, известных своими превосходными навыками (Хуэй Ши, Чжан И, Гунсунь Янь и Су Цинь). Их функции заключались в том, чтобы лоббировать дипломатические идеи монархов. В данном случае можно говорить о преемственности между ними и представителями дипломатии предыдущих периодов: 纵横家者流, 盖出于行人之官 ‘Сторонники союза царств по горизонтали и вертикали известны также как дипломаты-пешеходы’ (Комментарии Цзо, с. 132). Должность сторонника союза царств по горизонтали и вертикали восходит к должности дипломата-пешехода. Характер деятельности этих дипломатических работников был описан Конфуцием: 言其当权事制宜, 受命而不受辞, 此其所长也. 及邪人为之, 则上诈谖而弃其信 ‘Им следует позволить управлять делами, со временем разрешить отдавать приказы не советуясь, в этом и заключается использование их сильных сторон. Если люди с корыстным характером начнут заниматься такими делами, то вышестоящие администраторы будут обмануты, а народ, в свою очередь, лишит их и своего доверия’ (Конфуций).

Таким образом, в период Сражающихся царств соперничество между державами шло уже не за гегемонию, а за присоединение большего количества земель и населения. Стратегическое планирование стало ключевым фактором, определяющим успех или неудачу государств в области дипломатии и международной конкуренции. Это привело к формированию реалистической, или утилитарной, школы дипломатической стратегии.

Период правления династий Цинь (221–207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Династия Цинь была первой объединенной феодальной династией в истории Китая, созданной в период Сражающихся царств. Она положила конец эпохе разделения владык, длившейся 500 лет со времен периода Весен и осеней и периода Сражающихся царств, и стала первой монархией централизованного государства, оказавшей сильное влияние на развитие Китая.

После объединения династии Цинь значимость иностранных дел в стране снизилась. Фокус внешней политики сместился в сторону обороны территорий и умиротворения кочевников на севере.

Во времена правления династии Цинь за дипломатию отвечали чиновники, которые именовались с помощью лексем 典客 [diǎn kè] ‘министр по делам местных князей и данников-инородцев’ (СКОД, с. 87) и 典属国 [diǎn shǔ guó] ‘инспектор инородческих вассальных земель’ (СКОД, с. 87). Внутренняя форма этих номинаций свидетельствует о дальнейшем развитии дипломатической терминологии. Слово 典 [diǎn] означает ‘вести, принимать, управлять’ (СКС, с. 280), а слово 客 [kè] – ‘гость, посетитель, чужеземец; проезжий’ (СКС, с. 716), следовательно, номинацией 典客 [diǎn kè] именовался тот, кто принимает гостей. В свою очередь, лексема 属国 [shǔ guó] имеет значение ‘зависимое (вассальное) государство’, поэтому номинацией 典属国 [diǎn shǔ guó] назывался тот, кто отвечал за отношения с подобными государственными образованиями. Другими словами, эти чиновники занимались своего рода внутренней дипломатией, т. е. решением вопросов с этническими меньшинствами и вассальными государствами: 秦官有典客, 掌诸侯及归义蛮夷 ‘В государстве Цинь министр по делам местных князей и данников-инородцев отвечал за дипломатию по отношению к вассальным государствам и варварам’ (Тундянь); 典属国, 秦官, 掌蛮夷降者 ‘Инспектор инородческих вассальных земель был ответственным за натурализацию варварских племен государства Цинь’ (Ханьшу).

Период царствования династии Хань был временем большей открытости Китая внешнему миру. В 138 г. до н. э. император У из династии Хань отправил Чжан Цяня с миссией в западные регионы. Дипломат вернулся на родину с полным и подробным отчетом, который был признан началом исследования западных регионов. Поездка Чжан Цяня считается первым официальным контактом Китая с западными странами, деятельность дипломата заложила прочную основу для экономического и культурного обмена между восточными и западными государствами. По этому маршруту можно добраться до Средней Азии, восточного побережья Средиземного моря и Южной Азии. Позже он будет назван Великим шелковым путем.

В это время структура дипломатической службы усложнилась, соответственно, изменились номинации, обозначавшие дипломатических работников. Чиновники, ответственные за иностранные дела, назывались словами 鸿胪 [hóng lú] ‘церемониймейстер’, 大鸿胪 [dà hóng lú] ‘церемониймейстер первого ранга’ и 尚书主客曹 [shàng shū zhǔ kè cáo] ‘приказный по делам иноземных гостей’ (СКОД, с. 326). Первые две номинации имеют следующую историю: 秦官有典客... 汉改为鸿胪. ...武帝太初元年, 更名大鸿胪 ‘В государстве Цинь существовал дипломатический пост министра по делам местных князей и данников-инородцев, который в период царствования династии Хань был изменен на должность церемониймейстера, а затем, в первый год правления императора У из династии Хань, – на должность церемониймейстера первого ранга’ (Цай Чжунлан). Слова 鸿胪 [hóng lú] ‘церемониймейстер’, 大鸿胪 [dà hóng lú] ‘церемониймейстер первого ранга’ обладают очевидной мотивировкой, поскольку состоят из элементов 鸿 [hóng] ‘речь’ и 胪 [lú] ‘кожа’. Причина подобного наименования объясняется так: 以言其掌四夷宾客, 若皮胪之在外附于身也 ‘Речь для дипломата так же важна, как кожа для человека’ (Оуян Сю).

Номинация 尚书主客曹 [shàng shū zhǔ kè cáo] ‘приказный по делам иноземных гостей’ является обозначением чиновника, ответственного за отдачу дипломатических приказов: 秦世少府遣吏四人在殿中主发书, 故谓之尚书 ‘Царь Цинь послал четырех человек отвечать за документы, выданные императором во дворце’ (Шэнь Юэ). Структура данной дипломатической номинации выглядит следующим образом: 尚 [shàng] ‘представляющий императора’ (СКС, с. 1110), 书 [shū] ‘книги, документы’ (СКС, с. 1168), 主 [zhǔ] ‘принимать, вести, управлять’ (СКС, с. 1641), 客 [kè] ‘гость, посетитель, чужеземец; проезжий’, 曹 [cáo] ‘древнее официальное название’ (СКС, с. 123). Позже появилась должность, для обозначения которой употреблялось выражение 尚书 [shàng shū] ‘чиновник, ведавший канцелярией императора’. Данная система была унаследована династией Хань: 主客尚书, 主外国四夷事 ‘Приказный по делам иноземных гостей отвечал за национальные меньшинства и иностранные дела и подчинялся чиновнику, ведавшему канцелярией императора’ (Хан Диан).

Таким образом, система централизованного дипломатического управления, созданная во времена царствования династии Хань, включала церемониймейстеров первого ранга, которые ведали иностранными делами и вместе с приказными по делам иноземных гостей отвечали за дипломатические указы. Данная система существовала до эпохи правления династий Вэй и Цзинь и периода царствования южных и северных династий (220–589 гг.) [3, с. 42–45].

Эпоха царствования династий Суй (581–617) и Тан (618–907) и эпоха правления пяти династий (907–960). Период правления династий Суй и Тан считается золотым веком в истории открытия Китая внешнему миру. Характерной чертой этого времени являются частые обмены между Китаем и другими регионами. Китай династии Суй был связан морскими путями с Восточной Азией, Юго-Восточной Азией, Западной Азией и Европой. Политические, экономические и культурные обмены процветали вдоль морской части Великого шелкового пути. Династия Тан продолжила политику открытости внешнему миру, а сильная государственная власть и развитая транспортная система позволили ей установить дружественные дипломатические отношения с более чем 70 странами того времени.

Учреждения, ответственные за дипломатию во времена царствования династии Суй, назывались с помощью номинаций 鸿胪寺 [hóng lú sì] ‘офис, отвечающий за церемонию и протокол’ (СКОД, с. 142) и 谒者台 [yè zhě tái] ‘протокольный отдел’ (СКОД, с. 439). Официальными должностями, отвечающими за дипломатию, являлись церемониймейстер, приказный по делам иноземных гостей, а также советник.

Император Вэнь-ди из династии Суй создал систему, включающую три управления (尚书省 [shàng shū shěng] ‘кабинет министров’ (СКОД, с. 350), 中书省 [zhōng shū shěng] ‘центральный секретариат’ (СКОД, с. 485), 门下省 [mén xià shěng] ‘палата советников’ (СКОД, с. 263)) и шесть министерств (吏部 [lǐ bù] ‘министерство чинов’ (СКОД, с. 240), 户部 [hù bù] ‘министерство финансов’ (СКОД, с. 164), 礼部 [lǐ bù] ‘министерство церемоний’ (СКОД, с. 237), 兵部 [bīng bù] ‘министерство войны’ (СКОД, с. 26), 刑部 [xíng bù] ‘министерство наказаний’ (СКОД, с. 426), 工部 [gōng bù] ‘министерство промышленности’ (СКОД, с. 136)). Эта система предназначалась для разделения и ограничения власти премьер-министра.

Именно министерство церемоний, помимо регламентации национальных правил и норм, традиций проведения свадеб, похорон и императорских экзаменов, отвечало за прием иностранных гостей. Его возглавлял чиновник, который именовался с помощью слова 礼部尚书 [lǐ bù shàng shū] ‘министр церемоний’ (СКОД, с. 238) и выполнял функции нынешних министра центральной пропаганды, министра образования и культуры, а также министра иностранных дел. Династия Тан переняла систему династии Суй.

Об официальной системе эпохи правления пяти династий известно очень мало. Имеются, однако, данные, свидетельствующие о том, что она была основана на системе династии Тан. В правительстве функционировали три управления и шесть министерств. Официальными представителями, отвечающими за дипломатию, являлись, как и во времена правления династии Тан, церемониймейстер и приказный по делам иноземных гостей.

Таким образом, можно утверждать, что династия Суй положила начало дипломатической системе, которая просуществовала на территории Китая в течение нескольких исторических периодов. Решением дипломатических вопросов занимались офис, отвечающий за церемонию и протокол, протокольный отдел, а также министерство церемоний. Однако протокольный отдел исчез во времена царствования династии Тан. Три управления и шесть министерств продолжали существовать до конца правления династии Цинь.

Период царствования династий Сун, Ляо, Цзинь и Юань (960–1368). Эпоха правления династий Сун и Юань – время развития и процветания страны в истории открытия Китая внешнему миру, когда центр экономических отношений постепенно сместился с суши на море. В этот период правительство открывало почтовые станции и защищало интересы иностранных купцов. Династия Юань соединила сухопутную и морскую части Великого шелкового пути и открыла наибольшее количество портов в истории Китая.

Во времена правления династии Су министерство церемоний учредило должность, называемую лексемой 主客郎中 [zhǔ kè láng zhōng] ‘заведующий охранниками внутренних ворот дворца’, в которой элемент 郎中 [láng zhōng] является номинацией официальной должности чиновника. Этот служащий стал выполнять функции дипломатического работника и отвечать за прием представителей этнических меньшинств и иностранных гостей.

Династия Ляо была основана Хитаном, ее центральный аппарат управления был разделен на две основные системы: систему чиновников Ляо и систему чиновников Хань. Чиновники Ляо назывались северными чиновниками, а чиновники Хань – южными. Административный аппарат южных чиновников был создан по образцу систем династий Тан и Суй, в то время как административный аппарат северных чиновников базировался на оригинальной системе Хитан. В связи с этим у южных чиновников появилось специальное дипломатическое учреждение – офис, отвечающий за церемонию и протокол, а у северных чиновников такого отдела не было. Подобное учреждение на севере называлось лексемой 客省局 [kè shěng jú] ‘министерство иностранных дел’ (СКОД, с. 231), которая включает иероглифы 客 [kè] ‘гость, посетитель, чужеземец; проезжий’, 省 [shěng] ‘нанести визит, посетить’ (СКС, с. 1133), 局 [jú] ‘управление’ (СКС, с. 681).

Система изменилась во времена царствования династии Цзинь. В то время не было офиса, отвечающего за церемонию и протокол, а иностранными делами занималось учреждение, близкое по функциям к министерству иностранных дел и управлению связей. Номинация 引进司 [yǐn jìn sī] ‘управление связей’ состоит из элементов 引进 [yǐn jìn] ‘привлекать, заимствовать, ввозить, импортировать, вести’ (СКС, с. 1504) и 司 [sī] ‘учреждение’ (СКС, с. 1191), т. е. обязанности сотрудников данного учреждения включали в себя прием дипломатов и принятие подарков.

Некоторые изменения произошли и в период правления династии Юань, которая унаследовала систему династии Цзинь без создания офиса, отвечающего за церемонию и протокол, но с введением должности, которая именовалась с помощью лексемы 侍仪司 [shì yí sī] ‘министр обрядов’ (СКОД, с. 344). В этой номинации элемент 侍 [shì] означает ‘руководить, заведовать, вести’ (СКС, с. 1154), а часть 仪 [yí] – ‘правила поведения, этикет’ (СКС, с. 1483). Такие должностные лица были закреплены за министерством церемоний и отвечали за поездки в другие страны.

Период правления династий Мин (1368–1644) и Цин (1616–1911). Эпоха царствования династий Мин и Цин характеризуется как время непрерывного развития Китая. Количество сфер, открытых внешнему миру, беспрецедентно увеличилось, но политика государства оставалась консервативной. Объединение династии Мин и ее социально-экономическое процветание заложили основу для иностранного обмена. Чжу Ди, третий император династии Мин, способствовал развитию внешних связей. Он отправил Чжэн Хэ в семь путешествий по Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Аравийскому полуострову вплоть до восточного побережья Африки. Странствие дипломата длилось 29 лет. Путешествия Чжэн Хэ содействовали установлению связей Китая со странами Азии и Африки и были важным символом открытости государства внешнему миру в начале XV в.

В 1381 г. должность министра обрядов была переименована в пост, обозначаемый лексемой 引进使 [yǐn jìn shǐ] ‘представляющий послов’, а в 1398 г. – в звание, именуемое словом 侍仪司 [shì yí sī] ‘министр обрядов’. В том же году был создан специальный орган, для номинации которого употреблялось выражение 行人司 [xíng rén sī] ‘отдел дипломатов-пешеходов’. В 1398 г. офис, отвечающий за церемонию и протокол, стал постоянным дипломатическим учреждением.

Эпоха царствования династии Цин, в сравнении с предыдущими периодами, отличалась ростом количества дипломатических дел. Особого пика он достиг в конце правления династии, когда были установлены дипломатические отношения со многими странами мира. Дипломатическая система династии Цин была сложнее, чем дипломатическая система любой предыдущей династии, поэтому дипломатические учреждения и правила их создания отличались. В начале царствования династии Цин сохранялась традиционная система, в которой функционировал офис, отвечающий за церемонию и протокол, и для управления внешними делами были созданы отделы, именуемые посредством выражений 理藩 [lǐ fān yuàn] ‘министерство по делам национальных меньшинств’ (СКОД, с. 236) и 会同四译馆 [huì tóng sì yì guǎn] ‘палата по приему представителей зависимых территорий и переводу с иностранных языков’ (СКОД, с. 174). Первое учреждение было высшим органом власти цинского правительства, заведовавшим делами представителей монгольских, тибетских и других меньшинств.

Именно тогда появилась номинация 外交官 [wài jiāo guān] ‘дипломат’, используемая в дипломатической терминологии современного Китая. Она включает три лексические единицы: 外 [wài] ‘внешняя страна’ (СКС, с. 1292), 交 [jiāo] ‘общение’ (СКС, с. 628), 官 [guān] ‘официальное лицо’ (СКС, с. 461), причем первые два компонента образуют значение ‘вместе’. Соответственно, этимология данной лексемы указывает на то, что она была создана специально для наименования понятий из области дипломатии.

Слово 外交 [wài jiāo] ‘дипломатия’ имеет долгую историю. Оно встречалось еще в некоторых работах периода Весен и осеней и периода Сражающихся царств, таких как «Го юй» (памятник ораторского искусства Древнего Китая, включающий около 300 речей правителей и сановников китайских царств и княжеств преимущественно на политические темы, которые связаны с событиями X–V вв. до н. э. и основаны на конфуцианской идеологии) и «Мо-цзе». Древнекитайская лексема 外交 [wài jiāo] ‘дипломатия’ использовалась для обозначения общения с друзьями или посторонними и не имела отношения к современной дипломатии. Например, в тексте «Мо-цзе» было следующее выражение: 亲戚不附，无务外交 ‘Если родственники и друзья не могут привязаться к вам, вам не нужно думать о том, чтобы иметь общение и контакты с посторонними’ (Fachsprache Diplomatie, S. 17). Китай начал использовать слова 外交 [wài jiāo] ‘дипломатия’ и 外交官 [wài jiāo guān] ‘дипломат’ в современном значении с 1912 г., т. е. после окончания периода правления династии Цин.

Заключение

Обобщая рассмотренные изменения в названиях дипломатических субъектов в периоды правления различных династий истории Китая, можно сделать следующие выводы. Во-первых, до эпохи царствования династии Чжоу, когда официальная система находилась в исконном состоянии, не функционировали специальные дипломатические учреждения, существовали лишь отдельные должности, например дракон. Этимология слова 龙 [lóng] ‘дракон’ указывает на отсутствие дипломатической специализации данной лексемы. По окончании периода правления династии Чжоу учреждения, занимающиеся дипломатией, стали необходимы, поэтому функции ведения дипломатических дел начали принимать на себя различные чиновники. Однако в номинациях подобных должностей по-прежнему отсутствовало указание на дипломатическую специализацию.

Во-вторых, очевидна историческая преемственность названий участников дипломатической коммуникации. Например, лексема 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’, которая обозначала должность, образовавшуюся еще во времена правления династии Чжоу, была унаследована династиями Мин и Хань. Слова 鸿胪 [hóng lú] ‘церемониймейстер’ и 鸿胪寺 [hóng lú sì] ‘офис, отвечающий за церемонию и протокол’,

во времена династии Хань именовавшие должность и учреждение соответственно, были переняты династиями Вэй, Цзинь, южными и северными династиями, а также династиями Суй, Тан и так называемыми пятью династиями. Дипломатическая должность церемониймейстера существовала также в эпоху царствования династий Сун, Ляо, Мин и Цин.

В-третьих, разнообразие названий дипломатических работников Китая репрезентирует традиционные культурные коннотации. Например, в период Весен и осеней дипломаты назывались словом 行人 [xíng rén] ‘дипломат-пешеход’. Это связано с тем, что в древности им было неудобно путешествовать из-за необходимости преодоления больших расстояний. Мотивировка слова 鸿胪 [hóng lú] ‘церемониймейстер’ отражает важность иностранных дел в династии Хань, а также высокие требования к личным качествам и речевым способностям дипломатов. С древних времен Китай считался страной этикета, соблюдение которого было очень важным для правителей всех династий. Формирование и развитие китайской ритуальной и музыкальной цивилизации оказало глубокое влияние на построение и поддержание древнего миропорядка. Это отражено в создании следующих учреждений: министерства церемоний, офиса, отвечающего за церемонию и протокол, а также министерства обрядов. В этих структурах работали специальные должностные лица, отвечающие за соблюдение этикета, в частности церемониймейстер и министр обрядов. Со времен правления династий Тан и Сун этикет гостеприимства и другие важные этикетки были церемониализированы. Эти церемонии также являются важным звеном в древнекитайской системе этнического управления, они отражают важность, которую династии придавали этническим отношениям. Подобные специальные управления и их деятельность являлись важной мерой для поддержания авторитета монарха и демонстрации статуса Китая как великой державы.

Названия дипломатических учреждений и дипломатов не только отражают специфику деятельности указанных организаций и лиц, но и позволяют сложить представление о повседневной жизни Древнего Китая. Проанализированные номинации менялись множество раз. За времена расцвета династий с развитием истории, социальным прогрессом и увеличением иностранных обменов дипломаты постепенно стали играть важную роль в коммуникации не только в рамках Китая, но и с другими странами мира.

Основной целью дипломатической коммуникации является защита национальных интересов на международной арене посредством следования особым традициям вербальной и невербальной коммуникации в сфере дипломатии. По этой причине для углубления знаний и совершенствования коммуникативной компетенции в области дипломатического дискурса представляется перспективным дальнейшее изучение таких его характеристик, как наиболее часто используемые участниками китайскоязычной дипломатической коммуникации дискурсивные жанры, а также этнокультурная специфика их речевого поведения.

Сокращения

Го юй – 左丘明. 周语中 = Цзо Цюмин. Го юй [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/guo-yu/zhou-yu-zhong/zhs> (дата обращения: 08.07.2021); **Комментарии Цзо** – 刘文淇. 春秋左氏传旧注疏证. 北京: 科学出版社, 1959. 923 页 = Лю Вэньци. Комментарии Цзо к хронике «Чуньцю». Пекин: Науч. пресса, 1959. 923 с.; **Конфуций** – 孔子. 论语 = Конфуций. Суждения и беседы [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/analects/zi-lu/zhs> (дата обращения: 09.07.2021); **Оуян Сю** – 欧阳询. 钦定四库全书 = Оуян Сю. Император Сику Цюаньшу [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5982&remap=gb> (дата обращения: 09.07.2021); **СКОД** – 赵德义, 汪兴明. 中国历代官称辞典. 北京: 团结出版社, 1999. 772 页 = Чжао Дэйи, Ван Синмин. Словарь китайских официальных должностей. Пекин: Юнити пресс, 1999. 772 с.; **СКС** – 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京: 商务印刷馆, 2004. 1567 页 = Современный китайский словарь / Ин-т языкознания Кит. акад. обществ. наук. Пекин: Коммер. тип., 2004. 1567 с.; **Тундянь** – 斗字. 通典. 职官八 = Ду Ю. Тундянь. Официальная восьмерка [Электронный ресурс]. URL: <https://tongdian/26/zhs> (дата обращения: 09.07.2021); **Хан Диан** – 漢典是 = Хан Диан [Электронный ресурс]. URL: https://www.zdic.net/#google_vignette (дата обращения: 09.07.2021); **Ханьшу** – 班固. 汉书 = Бань Гу. Ханьшу [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/han-shu/bai-guan-gong-qing-biao-shang/zhs?searchu=%E5%85%B8%E5%B1%9E%E5%9B%BD&searchmode=showall#result> (дата обращения: 08.07.2021); **Хроника** – 史记. 五帝本纪 / 赵冠勇主编. 陕西: 西北大学出版社, 2019. 537 页 = Исторически записки. Хроника пяти императоров / под ред. Чжао Гуаньюна. Шэньси: Изд-во Северо-Запад. ун-та, 2019. 537 с.; **Цай Чжунлан** – 蔡忠兰. 儒 = Цай Чжунлан. Конфуцианство [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/xi-gong-san-shi-nian/zhs> (дата обращения: 10.07.2021); **Ши сань цзин** – 阮元. 十三经注疏. 上海: 上海古籍出版社, 1816. 2824 页 = Жуань Юань. «Ши сань цзин» с комментариями и толкованиями. Шанхай: Шанх. изд-во древ. книг, 1816. 2824 с.; **Шэнь Юэ** – 沈约. 宋书 = Шэнь Юэ. Сун шу [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=524161&remap=gb> (дата обращения: 10.07.2021); **Fachsprache Diplomatie** – von Richter J., Xu Wen. Fachsprache Diplomatie = Diplomatic terminology = 外交语言. Schiedlberg: Bascopa Verlag, 2019. 260 S.

Библиографические ссылки

1. Кожетева АС. Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе. *Теория и практика общественного развития*. 2012;1:255–258. EDN: OYKYQV.
2. Кожетева АС. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2012;1:54–63. EDN: OXMNPR.
3. 黎虎. 魏晋南北朝鸿胪寺及其外交管理职能. *中国史研究*. 1998;3:42–45 = Ли Ху. Иностранный отдел и его функция дипломатического управления в династиях Вэй, Цзинь и южных и северных династиях. *Изучение истории Китая*. 1998;3:42–45.

References

1. Kozheteva AS. Language objectivation of addresser and addressee in the diplomatic discourse. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012;1:255–258. Russian. EDN: OYKYQV.
2. Kozheteva AS. Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 2012;1:54–63. Russian. EDN: OXMNPR.
3. Li Hu. [The foreign department and its function of diplomatic administration in the Wei, Jing, and South and North dynasties]. *Zhongguo shi yanjiu*. 1998;3:42–45. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 04.08.2023.
Received by editorial board 04.08.2023.

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С РЕАЛИЗОВАННЫМИ В НИХ ОЦЕНОЧНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАЖАНРАХ

П. П. ГЛАЗКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности взаимосвязи между синтактико-стилистическими (экспрессивными) средствами и выраженными в них оценочными значениями в жанрах блога и колонки медиaprостранства США. Категории экспрессивности и оценочности являются наиболее важными для осознанного потребления медиаконтента в условиях усиливающейся субъективности. Исследование основано на анализе 200 текстов (по 100 материалов каждого жанра), опубликованных разными авторами в персональных блогах и на официальных сайтах газет в 2020–2023 гг. Результаты лингвостилистического, контекстуального и количественного анализа свидетельствуют как о сходствах, так и о некоторых различиях во взаимодействии названных категорий. В жанре колонки синтаксические средства преимущественно усиливают отрицательное оценочное значение, что указывает на критический характер данного жанра. В отличие от колонки в жанре блога использование стилистических средств для интенсификации положительной и отрицательной оценки является более сбалансированным. В частности, положительное оценочное значение коррелирует с синтаксическими средствами диалогизации, в то время как отрицательное оценочное значение – с приемами акцентуации внимания.

Ключевые слова: экспрессивность; оценка; блог; колонка; медиадискурс; медиажанры; прагматическая функция; субъективность.

АСАБЛІВАСЦІ КАРЭЛЯЦЫІ СІНТАКТЫКА-СТЫЛІСТЫЧНЫХ СРОДКАЎ З РЭАЛІЗАВАННЫМІ Ё ІХ АЦЭНАЧНЫМІ ЗНАЧЭННЯМІ Ў АНГЛАМОЎНЫХ МЕДЫЯЖАНРАХ

П. П. ГЛАЗКО^{1*}

^{1*)}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Раскрываюцца асаблівасці ўзаемасувязі паміж сінтактыка-стылістычнымі (экспрэсіўнымі) сродкамі і адлюстраванымі ў іх ацэначнымі значэннямі ў жанрах блога і калонкі медыяпрасторы ЗША. Катэгорыі экспрэсіўнасці і ацэнкі з'яўляюцца найбольш важнымі для асэнсаванага спажывання медыяконтэнту ва ўмовах узмацнення суб'ектыўнасці. Даследаванне заснавана на аналізе 200 тэкстаў (па 100 матэрыялаў кожнага жанру), апублікаваных рознымі аўтарамі ў асабістых блогах і на афіцыйных сайтах газет у 2020–2023 гг. Вынікі лінгвастылістычнага, кантэкстуальнага

Образец цитирования:

Глазко П.П. Особенности корреляции синтактико-стилистических средств с реализованными в них оценочными значениями в англоязычных медиажанрах. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;3:62–71. EDN: IPKHLE

For citation:

Glazko PP. Specific features of correlation between the syntactical stylistic devices and their evaluative meanings in English media genres. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;3:62–71. Russian. EDN: IPKHLE

Автор:

Павел Петрович Глазко – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры белорусского языка и литературы.

Author:

Pavel P. Glazko, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of the Belarusian language and literature. pavel.hlazko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5429-0945>

і колькаснага аналізу сведчаць як аб падабенствах, так і аб шэрагу адрозненняў ва ўзаемадзеянні названых катэгорый. У жанры калонкі сінтаксічныя экспрэсіўныя сродкі пераважным чынам узмацняюць адмоўнае ацэначнае значэнне, што ўказвае на крытычны характар дадзенага жанру. У адрозненні ад калонкі ў жанры блога выкарыстанне стылістычных сродкаў для інтэнсіфікацыі станоўчай і адмоўнай ацэнкі з'яўляецца больш аднародным. У прыватнасці, станоўчае ацэначнае значэнне знаходзіцца ў прамой карэляцыі са сродкамі дыялагізацыі, а адмоўнае ацэначнае значэнне – з прыёмамі акцэнтацыі ўвагі.

Ключавыя словы: экспрэсіўнасць; ацэнка; блог; калонка; медыядыкурс; медыяжанры; прагматычная функцыя; суб'ектыўнасць.

SPECIFIC FEATURES OF CORRELATION BETWEEN THE SYNTACTICAL STYLISTIC DEVICES AND THEIR EVALUATIVE MEANINGS IN ENGLISH MEDIA GENRES

P. P. GLAZKO^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zakharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The given paper attempts to elucidate the correlation between syntactical stylistic (expressive) devices and their contextual evaluative meanings in the genres of blog and column of the USA media space. The categories of expressiveness and evaluativity are crucial for mindful and responsible consumption of modern media content produced in the conditions of increasing subjectivity. The research is based on the analysis of 200 texts (100 texts per genre) recently published by different authors on their personal websites as well as official websites of newspapers during the 2020–2023. The results of linguo-stylistic, contextual, and quantitative analyses attest to some similarities as well as a number of differences in the expressive and evaluative organisation of the genres in question. In columns syntactical stylistic devices tend to augment the negative evaluative meaning which testifies to the critical nature of this genre. Unlike the column, the genre of blog is characterised by balancing the use of syntactical means which amplify the negative evaluation with those which intensify the negative evaluation. In particular, the positive evaluative meaning correlates with the expressive means of dialogisation, while the negative evaluation is associated with the syntactical devices of accentuation.

Keywords: expressiveness; evaluation; blog; column; media discourse; media genres; pragmatic function; subjectivity.

Введение

Сегодня становится все более очевидным, что цифровая коммуникация коренным образом изменила способы производства и потребления информации, а также обмена ей. Современное медиапространство стало средой для людей, родившихся после появления высокоскоростного интернета, и наряду с информативной функцией оно выполняет также эпистемологическую и развлекательную функции [1–3]. По мнению М. Маклюэна, средство коммуникации, используемое в некоторой культуре, в значительной степени предопределяет то, как индивиды, выступающие ее частью, воспринимают окружающий мир и как это восприятие формирует ценности, убеждения, социальную организацию и практики, которых придерживаются представители этой культуры [1]. Данную точку зрения разделяют и современные исследователи медиапространства, отмечающие значимость онтологического самоопределения человека через его субъективную реальность. Подобное самоопределение приходит на смену ценности как параметра какой-либо культурно-исторической формации [4; 5].

В современных теориях дискурса и медиалингвистических исследованиях все чаще указывается на то, что классические подходы и процедуры, доказавшие свою эффективность при анализе линейных текстов, не считаются столь же действенными применительно к медиатекстам [6]. Одними из ключевых особенностей языковой трансформации в условиях цифровой коммуникации выступают высокий убедительный потенциал субъективного восприятия автором явлений и событий окружающего мира и их последующая авторская интерпретация [6; 7].

Понятие «субъективность» приобретает все большую актуальность в современном гуманитарном знании, поскольку, по сути, субъективность представляет собой абстрактную модель человеческого сознания. Оппозиция *субъективное – объективное* была и остается одной из ключевых для философии на протяжении всей истории ее развития (от античной до немецкой классической философии, от диалектического материализма до феноменологии). Данное противопоставление, окончательно сформировавшееся в концепции дуализма Декарта, в которой постулируется неразрывность сосуществования

протяженной и мыслящей субстанций (души и тела, сознания и материи), нашло свое преломление в лингвистической науке: к объективному аспекту языка причисляются все явления внешнего мира, а к субъективному аспекту относятся внутренние переживания человека. Однако характер соотношения данных факторов послужил предметом многочисленных дискуссий. С одной стороны, они были связаны с возможностью номинации какого-либо предмета или явления как факта, находящегося за пределами сознания человека, и наложения на эту номинацию определенных аффективных фильтров. С другой стороны, «предполагается, что всякий индивидуальный акт высказывания должен содержать некоторый момент, независимый от воли самого субъекта и привносимый в высказывание как отношение говорящего субъекта к содержанию информации» [8, с. 117]. Иными словами, речь идет о возможном существовании сообщений сугубо информативного характера в противовес любым высказываниям с ингерентным субъективным аспектом.

На сегодняшний день считается доказанным, что, например, дескриптивные предикаты могут использоваться в акте оценки, а собственно оценочные лексемы *хорошо* и *плохо* способны к дескриптивному употреблению [9, с. 75]. Более того, в проекции высказывания «любое языковое явление имеет ценностное содержание в силу того, что коль скоро в языке имеются сведения о предмете или понятии, то эти предмет или понятие имеют ценностное содержание уже потому, что они получили языковое отражение» [10, с. 170]. Таким образом, выделение объективного и субъективного компонентов в структуре высказывания как обособленных друг от друга элементов следует считать условным и выполняющим исключительно методологическую функцию [8; 11; 12]. По мнению Г. В. Колшанского, недостаточно определить речевое высказывание как одновременный акт сообщения о факте и его оценки, «необходимо также признать, что оно и единопланово, так как сообщение, исходящее от конкретного субъекта, является всегда конкретным сообщением данного субъекта о некотором факте» [8, с. 92].

В работах многих философов и лингвистов антиномия *объективное – субъективное* напрямую коррелирует с понятиями «эмоциональное» и «рациональное» («интеллектуальное»). В монографии Т. И. Красновой выделяется несколько планов понимания субъективности [13]. В житейском, психологическом и социальном планах субъективность напрямую соотносится с психологией мышления, оценочностью человеческого сознания, волевого действия, реализуемого в процессе принятия решения. Художественное понимание субъективности основано на творческом потенциале и оригинальности, оно предполагает множественность интерпретаций при наличии констант общечеловеческого содержания. Современная философская трактовка субъективности базируется на идее взаимопроникающего единства объективного и субъективного начал. Проведенный Т. И. Красновой анализ словарных дефиниций дал основания утверждать, что в русском языке большинство первичных значений слова *субъективный* являются предметными и явно специализированными, а вторичные значения имеют оценочный характер и описывают преимущественно практическую и житейскую область отношений. В лингвистике же субъективность выступает прежде всего в качестве коммуникативно-прагматической категории, объединяющей все возможные формы воплощения говорящего в его сообщении [13, с. 8–17].

Изучение субъективности в терминах коммуникативно-прагматических категорий лишь относительно недавно оказалось в фокусе внимания лингвистов, ввиду чего в их распоряжении на сегодняшний день не имеется ни полного перечня таких категорий, ни системного описания специфики их взаимодействия и особенностей языкового выражения. В Беларуси данным вопросам были посвящены труды Т. П. Карпилович, Н. Ю. Павловской, Т. Ф. Плехановой и др. В России к рассмотрению этой проблемы обращались М. Л. Макаров, А. А. Кибрик, Л. Р. Дускаева, Т. В. Шмелева и др. В США, а также в Великобритании и других странах Европы коммуникативно-прагматические категории исследовали Р. Уайт, Х. Наррог, П. Роуз, Дж. Р. Мартин, С. Ханстон, Дж. Томпсон и др. Однако, несмотря на значительный накопленный опыт, общая картина изучаемой области все еще носит преимущественно фрагментарный характер, она представлена многообразием подходов и концепций. Чуть более детально разработана проблема классификации выявленных коммуникативно-прагматических категорий и особенностей их языковой реализации в различных жанрах и видах дискурса, но совсем небольшое количество исследований посвящено взаимодействию данных категорий. В отечественной лингвистике предпочтение отдается преимущественно дифференцированному рассмотрению проявлений субъективности в аспекте языковой репрезентации [14; 15]. В то же время в современных англоязычных исследованиях преобладает тенденция к интегрированному подходу в изучении специфики воплощения феномена субъективности в языке. Данный подход объединяет в рамках терминов оценки, отношения, позиции и широкий спектр весьма разнородных явлений (общую и частную оценку, эмотивность, модальность, функциональный стиль, интенсивность и др.) [16–18]. В фокусе внимания настоящего исследования находятся категории экспрессивности и оценочности в аспекте их взаимодействия, т. е. диффузной реализации в дискурсе, с акцентом на выявлении особенностей данного взаимодействия.

Экспрессивность и оценочность выбраны в качестве объекта исследования ввиду их особой значимости в воплощении авторской субъективности. Под оценочностью подразумевается результат познавательной деятельности человека, направленной на сопоставление различных предметов и явлений, их свойств, определение их роли в жизни с точки зрения положительного или отрицательного отношения к этим предметам и явлениям. Данный результат зафиксирован в сознании и имеет языковое выражение [2]. В свою очередь, экспрессивность понимается как средство интенсификации высказывания, т. е. амплификации его содержания, акцентирования наиболее релевантной контекстуальной информации [19].

Цель исследования – выявление специфики взаимодействия синтактико-стилистических (экспрессивных) средств и реализованных в них оценочных значений в жанрах блога и колонки медиaproстранства США.

Материалы и методы исследования

Материал исследования представлен 200 текстами (по 100 текстов каждого жанра), опубликованными разными авторами в их персональных блогах (*becomingminimalist.com*, *gretchenrubin.com*, *tracysnewyorklife.com*, *tinybuddha.com*, *witanddelight.com* и др.), а также на официальных сайтах газет («Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост») в 2020–2023 гг. Выбор жанров блога и колонки обусловлен тем, что они являются наиболее яркими представителями персонального дискурса в медиaproстранстве и, в отличие от институциональных жанров, характеризуются широким использованием разнообразных выразительных средств.

В ходе исследования применялись методы лингвостилистического, количественного, контекстуального и сравнительного анализа. На первом этапе материал был проанализирован в лингвостилистическом аспекте, что дало возможность определить репертуар синтактико-стилистических средств, функционирующих в упомянутых жанрах. Количественный анализ позволил выделить наиболее и наименее популярные синтактико-стилистические средства в рассматриваемых жанрах. Далее эти средства были изучены с точки зрения оценочных значений, которые они передают в дискурсе. Наконец, полученные результаты были сопоставлены в целях выявления соотношения между жанром, синтактико-стилистическим средством и выраженным в нем оценочным значением.

Результаты и их обсуждение

Количественные результаты анализа представлены в относительном выражении в табл. 1, в которой указан процент случаев использования каждого синтактико-стилистического средства с положительным или отрицательным оценочным значением для исследуемого жанра.

Таблица 1

Оценочные значения синтактико-стилистических средств в жанре колонки, %

Table 1

Evaluative meanings of syntactical stylistic devices in columns, %

Синтактико-стилистические средства	Оценочное значение	
	Положительное	Отрицательное
Парцелляция	14,5	85,5
Перечисление	33,3	66,7
Повелительное предложение	23,6	76,4
Параллелизм	30,1	69,9
Вопросно-ответный комплекс	5,6	94,4
Повтор	28,6	71,4
Риторический вопрос	18,2	81,8

Как можно заметить, для жанра колонки характерно преимущественное использование синтактико-стилистических средств с отрицательным оценочным значением. Действительно, в колонках авторы склонны обращаться к разным острым социальным проблемам, которые нуждаются в решении. С одной стороны, такая корреляция выглядит вполне естественной, если принять во внимание текущую политическую, социальную и экономическую ситуацию в США (поствыборные беспорядки, пандемия, вызванная ей борьба малого бизнеса за выживание и т. д.). Например, в колонке «Пандемия должна

стать великим уравниателем» Ф. Закария останавливается на неожиданных социальных последствиях продолжающейся пандемии, а именно на увеличении количества проявлений социального неравенства: *Pandemics should be the great equalizer. They affect everyone, rich and poor, black and white, urban and rural. <...> But COVID-19 has actually had the opposite effect. The virus is ushering in the greatest rise in economic inequality in decades, both globally and in the United States. Despite all the concern about inequality within America, it's worth nothing that great global inequality – the gap between the richest and poorest around the world* 'Ожидалось, что пандемии должны стать средством уравнивания общества. Они затрагивают всех: богатых и бедных, черных и белых, городских и сельских жителей. <...> Но на самом деле COVID-19 возымел противоположный эффект. Вирус ведет к самому большому скачку экономического неравенства за последние десятилетия как во всем мире, так и в Соединенных Штатах. Но все опасения по поводу неравенства внутри Америки – это ничто по сравнению со всеобщим глобальным неравенством, пропуская между самыми богатыми и самыми бедными людьми во всем мире'¹ (ZF).

Ф. Закария сочетает приемы перечисления и простого лексического повтора, которые контекстуально употребляются при выражении отрицательной оценки: перечисление (*rich and poor, black and white, urban and rural* 'богатых и бедных, черных и белых, городских и сельских жителей') усиливает всеобъемлющий характер пандемии, тогда как лексический повтор имени существительного *inequality* 'неравенства' подчеркивает значимость этого негативного явления для авторского повествования. Собранные вместе, эти приемы удваивают прагматический эффект, оказываемый на читателя, иллюстрируют повторяющееся понятие посредством стилистического перечисления.

Однако та же тенденция наблюдается и в текстах, посвященных так называемым извечным темам, таким как образование, творчество, воспитание, семейные отношения и т. д. Например, в рубрике «Мои музыкальные мышцы ослабли» А. Шатц делится с читателями опытом приобретения навыка исполнения песен Р. С. Ньюмана: *There's the learning you attempt on purpose, like how to read a book in one hand with your phone in the other; or how to steep your own tamarind water in desperate attempts to replicate the pad thai you miss eating in restaurants. Then there's the learning that's forced upon you. Mandatory education enacted by disaster, by circumstance, by the ongoing present* 'Есть вещи, которым вы пытаетесь обучиться целенаправленно, например читать, держа книгу в одной руке, и одновременно поглядывать в телефон, находящийся в другой руке, или самостоятельно готовить отвар из тамаринда в отчаянных попытках воспроизвести пад-тай, по которому вы скучаете. Но есть и то, что мы вынуждены осваивать. Такие вещи, которым приходится обучаться в результате катастроф, под влиянием обстоятельств, текущей ситуации' (ShA).

Перечисление в данном примере акцентирует отрицательное оценочное значение, актуализируемое за счет употребления имени существительного *disaster* 'катастрофа', и контекстуальную связь с глаголом *forced* 'вынуждены'. Оно также имеет характер градации, т. е. начинается с имени существительного со значением внезапного события, причиняющего большой ущерб (*disaster* 'катастрофа'), и раскрывается через имена существительные с более широкой семантикой (*circumstance* 'обстоятельств' и *ongoing present* 'текущей ситуации'). Во всех перечисленных случаях речь идет о необходимости научиться чему-то под давлением внешних факторов.

Аналогичным образом в колонке «Германия посмотрела в лицо своему ужасному прошлому. Можем ли мы сделать то же самое?» М. Л. Норрис обращается к одному из центральных вопросов американской истории и культуры. Она пытается объяснить, почему, несмотря на всю свою значимость, концепция рабства не нашла отражения в национальных символах: *But despite the centrality of slavery in our history, it is not central to the American narrative in our monuments, history books, anthems and folklore. There is a simple reason: The United States does not yet have the stomach to look over its shoulder and stare directly at the evil on which this great country stands. That is why slavery is not well taught in our schools. That is why the battle flag of the army that tried to divide and conquer our country is still manufactured, sold and displayed with defiant pride. That is why any mention of slavery is rendered as the shameful act of smattering of Southern plantation owners and not a sprawling economic and social framework with tentacles that stamped almost every aspect of American life* 'Но несмотря на то что рабство занимает центральное место в нашей истории, оно не занимает центральное место в наших памятниках, книгах по истории, гимнах и фольклоре. На это есть простая причина: у Соединенных Штатов пока не хватает смелости оглянуться и посмотреть в глаза тому злу, на котором построена эта великая страна. Вот почему в наших школах недостаточно хорошо рассказывают о рабстве. Вот почему боевое знамя армии, пытавшейся разделить и завоевать нашу страну, до сих пор изготавливается, продается и демонстрируется с непреклонной гордостью. Вот почему любое упоминание о рабстве ассоциируется с постыдным поведением горстки южных плантаторов, а не со стремительно распространяющимися социально-экономическими принципами, запечатленными почти во всех аспектах американской жизни' (NM).

¹Здесь и далее перевод наш. – П. Г.

В приведенном примере колумнист прибегает к использованию синтаксического параллелизма в сочетании с анафорическим повтором. Прием параллелизма основан на последовательном употреблении пассивных конструкций (*is not well taught* ‘недостаточно хорошо рассказывают’, *is still manufactured, sold and displayed* ‘до сих пор изготавливается, продается и демонстрируется’, *is rendered* ‘ассоциируется’). Анафорический повтор образуется за счет использования в каждом предложении пояснительной конструкции с союзом *that is why* ‘поэтому’ в начальной позиции. В совокупности эти приемы усиливают негативную авторскую оценку отсутствия увековечивания рабства в национальных символах (*folklore* ‘фольклоре’, *history books* ‘книгах по истории’, *anthem* ‘гимнах’, *monuments* ‘памятниках’), которая раскрывается через контекстуальную связь между упомянутыми приемами и словами и выражениями с негативным оценочным значением (*evil* ‘злу’, *not well* ‘недостаточно хорошо’, *shameful* ‘постыдным’ и т. д.).

Следует отметить, что некоторые из перечисленных синтактико-стилистических средств могут образовывать своеобразные модели. Это происходит при употреблении в непосредственной близости двух и более средств с противоположным оценочным значением: *I chased the diagnosis for five years and had to fight hard for it. It was, at times, dehumanizing and brutal: full of waiting lists, administrative errors, insensitive doctors and humiliating questionnaires that forced my entire life into a new, awkward perspective. But I also saw the thing that I like about myself: my obsessive interests, my memory, my capacity for feeling* ‘Я гонялась за диагнозом пять лет, и мне пришлось упорно бороться за него. Временами это было бесчеловечно и жестоко: полно очередей, административных ошибок, бесчувственных врачей и унижительных анкет, которые заставляли всю мою жизнь выглядеть нелепой. Но я также увидела и то, что мне нравится в себе: мои навязчивые интересы, мою память, мою способность чувствовать’ (ЕМ). В этом отрывке из колонки М. Элоиз «Я аутист. Я не знала об этом, пока мне не исполнилось 27» два перечислительных ряда следуют друг за другом. Если в первом случае акцентируется негативная оценка авторского опыта (*full of waiting lists, administrative errors, insensitive doctors and humiliating questionnaires* ‘полно очередей, административных ошибок, бесчувственных врачей и унижительных анкет’), то во втором случае усиливается позитивное оценочное значение (*my obsessive interests, my memory, my capacity for feeling* ‘мои навязчивые интересы, мою память, мою способность чувствовать’). Этот контраст оказывает большее эмоциональное воздействие на читателей и делает акцент на противоречивом характере ситуации, представленной в тексте.

Результаты, отражающие характер взаимодействия анализируемых категорий в жанре блога, представляются менее однородными (табл. 2).

Таблица 2

Оценочные значения синтактико-стилистических средств в жанре блога, %

Table 2

Evaluative meanings of syntactical stylistic devices in blogs, %

Синтактико-стилистические средства	Оценочное значение	
	Положительное	Отрицательное
Парцелляция	38,4	61,6
Перечисление	25,6	74,4
Повелительное предложение	88,9	11,1
Параллелизм	41,4	58,6
Вопросно-ответный комплекс	75,0	25,0
Повтор	40,8	59,2
Риторический вопрос	12,3	87,7

Такие синтактико-стилистические средства, как вопросно-ответные комплексы и повелительные предложения, обнаруживают тенденцию к усилению преимущественно положительного оценочного значения, а параллелизм, парцелляция, повтор, перечисление и риторический вопрос используются для усиления отрицательной авторской оценки. Первая группа синтактико-стилистических средств выполняет функцию установления диалога между автором и читателем, тогда как вторая группа таких средств (за исключением риторических вопросов) способствует акцентированию в предложении наиболее значимой информации. Например, в блоге «Бойтесь того, что люди думают о вас? Освободите себя, осознав, насколько вы незначительны» Дж. Гаспарович пытается сформулировать для читателей несколько полезных советов, как справиться со страхом быть осужденным другими людьми. Автор прибегает к использованию

параллелизма с анафорическим повтором притяжательного местоимения *my* ‘мой’: *My insides felt like they were twisting around each other. My breathing matched my heartbeat. It wasn't calm and collected, it was frantic. My mind went into full «stop him from taking action» mode by conjuring up a bunch of scenarios in which I look like a total idiot on the dance floor* ‘Мои внутренности как будто скрутились в клубок. Мое дыхание совпадало с биением сердца. Оно было не спокойным и собранным, оно было бешеным. Мой разум полностью перешел в режим «удерживай его от действий», выдумав кучу сценариев, в которых я выгляжу полным идиотом на танцполе’ (GJ). Такое сочетание позволяет автору акцентировать внимание читателей на своем опыте, получившем негативную оценку, и описать его с разных точек зрения (внутренности, дыхание, разум), что, в свою очередь, дает возможность читателю проникнуть в эмоциональное состояние автора, повышает уровень правдоподобности повествования и усиливает доверие зрителей. Но когда дело доходит до рекомендаций по преодолению таких затруднений, автор выбирает вопросно-ответное повествование с положительной оценкой: *And if the person isn't grateful and gives you the cold shoulder? Well, let's just say that you're not the one with the problem if you're trying to be friendly and warm and are flat out dismissed* ‘А если человек неблагодарен и оказывает вам холодный прием? Что ж, давайте просто скажем, что проблема не в вас, если вы пытаетесь быть дружелюбным и теплым, а вас просто категорически отвергают’ (GJ).

Интересно, что приведенный пример содержит ряд слов и выражений с отрицательным оценочным значением (*not grateful* ‘неблагодарен’, *gives the cold shoulder* ‘оказывает холодный прием’, *problem* ‘проблема’, *be flat out dismissed* ‘категорически отвергают’), но общая оценка ситуации является положительной, поскольку автор стремится успокоить своих читателей и сказать, что им не о чем переживать.

Поскольку повелительные предложения в блогах служат вербальным воплощением стремления авторов поделиться своим опытом и дать читателю какие-то рекомендации или советы, эти предложения носят в основном положительный оценочный характер: *Cherish each second you are alive. Master the strength to comfort and to be comforted. Inspire and lead whoever you can, help others through shared problems, and remember to talk about that which is hardest to talk about* ‘Цените каждую секунду своей жизни. Овладейте силой утешать и быть утешенным. Вдохновляйте и помогайте всем, кому можете, помогайте другим в решении общих проблем и не забывайте говорить о том, о чем говорить труднее всего’ (BJ).

Как в колонках, так и в блогах прием перечисления может образовывать своеобразный паттерн, связывающий стоящие рядом слова и выражения с противоположным значением: *By nature, I am a happy, optimistic, idealistic person. My usual philosophy in life is that the world is full of brightness, love, and possibilities to seize. Whenever I engaged in conversation with someone else, I assumed they found me boring, annoying, or self-obsessed, and it sent me even further into my sadness* ‘По натуре я счастливый, оптимистичный, идеалистичный человек. Моя обычная жизненная философия заключается в том, что мир полон веселья, любви и возможностей, которыми можно воспользоваться. Всякий раз, когда я вступал в разговор с кем-то еще, я предполагал, что они находят меня скучным, надоедливым или самовлюбленным, и это заставляло меня еще глубже погружаться в печаль’ (RA). В этом примере два перечислительных ряда образованы антонимичными понятиями (*happy* ‘счастливый’, *optimistic* ‘оптимистичный’, *idealistic* ‘идеалистичный’, *brightness* ‘веселья’, *love* ‘любви’, *possibilities* ‘возможностей’; *boring* ‘скучным’, *annoying* ‘надоедливым’, *self-obsessed* ‘самовлюбленным’, *sadness* ‘печаль’), что фокусирует внимание реципиента на противоречивой природе мыслей автора.

В отличие от материалов в колонках сообщения в блогах могут быть полностью построены по такому шаблону, охватывать множество абзацев и переключаться между положительным и отрицательным оценочными значениями. Например, в публикации «Ленивый? Непродуктивный? Застопорившийся? Как полюбить свое низшее Я» М. Пеннел пишет о пропасти между тем, что мы должны делать, и тем, что мы действительно хотим делать, и размышляет о балансе продуктивности и нежности к себе: *Maybe you want to write the book or work out, but your actual priority is an extra hour of sleep. Maybe you say you want to find a relationship, but you are prioritizing a night of snuggling in and reading over the nerves of a first date. Maybe you think you should be productive and accomplished, but you are right now composting, fermenting, and becoming something within (rather than chasing anything outwardly). Maybe there's no big personal growth happening and you just want to watch «The Crown» and eat Oreos* ‘Может быть, вы хотите поработать над написанием книги или заняться спортом, но на самом деле ваш приоритет – дополнительный час сна. Может быть, вы утверждаете, что хотите найти отношения, но вместо этого лежите, свернувшись клубочком, и вспоминаете волнения первого свидания. Может быть, вы думаете, что должны быть продуктивными и эффективными, но в настоящий момент вы готовите почву для какой-то идеи, вынашиваете ее, фокусируя внимание на том, что происходит внутри вас (вместо того чтобы гоняться за чем-то в окружающем мире). Может быть, большого личностного роста не происходит, и вы просто хотите смотреть сериал «Корона» и есть печенье’ (PM). Данный отрывок содержит комбинацию нескольких синтактико-стилистических приемов: параллелизма (предложения строятся по структуре *maybe... but* ‘может быть... но’),

анафорического повтора (слово *maybe* ‘может быть’ стоит в начале каждого предложения) и парцелляции (выражение *rather than chasing anything outwardly* ‘вместо того чтобы гоняться за чем-то вовне’ выносится в скобки). В первой части каждого предложения автор формулирует гипотетическое желание, а во второй части представляет возможный приоритет, сближая таким образом два противоречивых понятия: писать или работать либо иметь лишний час сна, быть продуктивным и эффективным либо готовить почву для идеи и вынашивать ее и т. д. Интересно, что, несмотря на повторяющийся дизъюнктивный союз *but* ‘но’, обе части каждого предложения исследуемого отрывка отмечены положительной авторской оценкой. Однако М. Пеннел воздерживается от вынесения категоричных оценок, поэтому ни одна из противоречащих друг другу альтернатив не рассматривается как отрицательная.

В следующем абзаце той же записи в блоге М. Пеннел использует ряд риторических вопросов, построенных по модели *what if + Subjunctive* ‘что бы было, если + сослагательное наклонение’, что приводит к синтаксическому параллелизму: *Rather than feeling a failure, what if you accepted that part of yourself, exactly where you are right now? What if you didn't loath yourself for being shy, unproductive, or acting «lazy»? What if you accepted even this part of yourself – the part of you that isn't ambitious, or productive, or even growth-oriented? What if you lean into lazy for a bit? What is you trusted that leaning into this season (rather than hating yourself for it) means that it will someday pass?* ‘Вместо того чтобы чувствовать себя неудачником, что бы было, если бы вы приняли эту часть себя? Что бы было, если бы вы не ненавидели себя за застенчивость, непродуктивность или лень? Что бы было, если бы вы приняли даже эту часть себя – ту часть себя, которая не амбициозна, не продуктивна и даже не ориентирована на рост? Что бы было, если бы вы немного поддались лени? Что бы было, если бы вы поверили, что вместо ненависти к себе лучше поддаться этому состоянию и однажды оно пройдет?’ (PM). Конструкция *what if + Subjunctive* используется автором, чтобы акцентировать внимание на гипотетической ситуации, а не на текущем положении вещей, при этом последнее оценивается негативно. Отрицательное оценочное значение усиливается с помощью анафорического повтора, синтаксического параллелизма, риторических вопросов, а также части, обособленной от основной реплики скобками. Таким образом, в этом абзаце авторская оценка характеризуется как отрицательная в отличие от предыдущего абзаца с положительной оценкой.

Наконец, в заключительной части публикации М. Пеннел прибегает к использованию вопросно-ответных комплексов, состоящих из серии общих вопросов, за которыми следуют ответы в форме императивов: *Today I challenge you to «call in» the lazy, unproductive, stuck parts of your personhood. Remember that they're part of the whole you, and that accepting ALL of these parts is exactly how you will live the true, beautiful and rich life I know that you really want. Do you want to change these things? Rock on. Do you want to watch «The Crown» tonight? Do it. Permission granted* ‘Сегодня я призываю вас погрузиться в ленивое, непродуктивное состояние вашей личности, состояние безвыходности. Помните, что они – часть вас и что принятие ВСЕХ этих частей – это именно то, как вы будете жить настоящей, красивой и богатой жизнью, которую вы действительно хотите. Вы хотите изменить эти вещи? Вперед. Хотите посмотреть сериал «Корона» сегодня вечером? Сделайте это. Разрешение получено’ (PM).

Вопросно-ответные комплексы и повелительные предложения служат для имитации диалога автора с аудиторией и усиливают позитивное оценочное значение, которое раскрывается через контекстуальные связи с именами прилагательными *true* ‘настоящей’, *beautiful* ‘красивой’, *rich* ‘богатой’, имеющими положительную семантику.

Заключение

В обоих исследуемых жанрах категория оценочности является ведущей по отношению к категории экспрессивности: как в колонках, так и в блогах оценка в общем виде отражает отношение автора к тому, о чем он пишет, маркирует рассматриваемые ситуации и явления как хорошие или плохие, а экспрессивные средства дают возможность дополнительно акцентировать наиболее значимые хорошие или плохие характеристики различных аспектов данных ситуаций и явлений, воспринимаемых автором и представляемых читателю в соответствующем свете. Иными словами, экспрессивность выступает интенсификатором и конкретизатором оценки.

В жанре колонки синтактико-стилистические средства интенсифицируют преимущественно негативную оценку и высвечивают конкретные атрибуты описываемой ситуации (или явления), которые и делают ее плохой в понимании автора. Среди синтактико-стилистических средств, наиболее часто используемых с отрицательным оценочным значением, преобладают те, которые ориентированы на установление диалога с читателем: вопросно-ответный комплекс (94,4 %), риторический вопрос (81,8 %), повелительное предложение (76,4 %). Это связано с критическим характером жанра колонки: колумнист подвергает анализу различные аспекты общественной жизни, фокусируя особое внимание на тех из них, которые в его понимании не соответствуют определенному стандарту.

В отличие от колонок в блогах экспрессивные средства могут использоваться в целях интенсификации как негативного, так и позитивного оценочного значения. В первом случае экспрессивность способствует конкретизации негативного характера того, о чем пишет автор, с помощью повторов, параллелизма, перечислений, парцелляции, а во втором случае используются средства, направленные на установление диалога с читателем (вопросно-ответные комплексы, повелительные предложения). Это обусловлено тем, что блоги затрагивают некоторые острые вопросы, но вместо критики акцент смещается на предоставление практических советов по решению таких проблем и установление контакта с читателями.

Как в блогах (в большей степени), так и в колонках (в меньшей степени) можно наблюдать одновременную реализацию положительной и отрицательной оценки в рамках одной параллельной синтактико-стилистической структуры. В этом случае параллелизм формируется перечислениями, анафорическими повторами или вопросно-ответными комплексами.

Сокращения

BJ – Brown J. S. What's really important: 3 things I realized when I lost my grandmother [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/whats-really-important-3-things-i-realized-when-i-lost-my-grandmother> (date of access: 01.06.2021) ; **EM** – Eloise M. I'm autistic. I didn't know until I was 27 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/05/opinion/autism-adult-diagnosis-women.html> (date of access: 01.06.2021) ; **GJ** – Gasparovic J. Afraid of what people think? Free yourself by realising how unimportant you are [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/afraid-of-what-people-think-free-yourself-by-realizing-how-unimportant-you-are> (date of access: 01.06.2021) ; **NM** – Norris M. L. Germany faced its horrible past. Can we do the same? [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/06/03/slavery-us-germany-holocaust-reckoning> (date of access: 03.06.2021) ; **PM** – Pennel M. Lazy? Unproductive? Stuck? How to love your lowest self [Electronic resource]. URL: <https://www.followyourfirecoaching.com/news/2021/1/30/lazy-unproductive-stuck-how-to-love-your-lowest-self> (date of access: 22.07.2022) ; **RA** – Rogers A. Why people are rude and unkind (and why it's not about you) [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/why-people-are-rude-and-unkind-and-why-its-not-about-you> (date of access: 22.07.2022) ; **ShA** – Schatz A. My music muscles were going weak [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/06/opinion/culture/adam-schatz-learning-randy-newman.html> (date of access: 22.10.2022) ; **ZF** – Zakaria F. A pandemic should be the great equalizer. This one had the opposite effect [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-pandemic-should-be-the-great-equalizer-this-one-had-the-opposite-effect/2020/10/15/ca5af870-0f20-11eb-8074-0e943a91bf08_story.html (date of access: 22.07.2022).

Библиографические ссылки

1. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры*. Юдин А, переводчик. Киев: Ника-центр; 2003. 432 с.
2. Желтухина МР. *Тропология суггестивности массмедиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва: Институт языкознания РАН; 2003. 656 с.
3. Карасик ВИ. Трансформация знания в современную эпоху: лингвокультурный аспект. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017;3:88–94. EDN: YKOULE.
4. Ополев ПВ. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту. *Идеи и идеалы*. 2018;2(3):96–112. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112.
5. Николаева ЕМ, Котляр ПС. Медиапространственная коммуникация: проблема аксиологических ориентаций. *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика, филология, философия*. 2016;3:30–38. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-30-38.
6. Клушина НИ. *Медиастилистика*. Москва: Флинта; 2018. 183 с.
7. Welbers K, Opgenhaffen M. Presenting news on social media. *Digital Journalism*. 2019;7(1):45–62. DOI: 10.1080/21670811.2018.1493939.
8. Колшанский ГВ. *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. Москва: Комкнига; 2005. 232 с.
9. Баранов АН. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика). *Вопросы языкознания*. 1989;3:74–89.
10. Чекулай ИВ, Прохорова ОН. Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка». *Исследования языка и современное гуманитарное знание*. 2021;3(2):167–173. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173.
11. Старостина ЮС. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений. *Вестник Самарского государственного университета*. 2007;3:232–240.
12. Вольф ЕМ. *Функциональная семантика оценки*. Москва: URSS; 2020. 278 с.
13. Краснова ТИ. *Субъективность – модальность (материалы активной грамматики)*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; 2002. 189 с.
14. Паўлоўская НЮ. *Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове*. Мінск: Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт; 2001. 205 с.
15. Карпилович ТП. *Коммуникативные категории научного дискурса*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2018. 160 с.
16. Hunston S, Thompson G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 240 p.

17. Narrog H. *Modality, subjectivity, and semantic change: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 333 p. DOI: 10.9793/elsj.32.1_223.
18. Hart Ch, editor. *Cognitive linguistic approaches to text and discourse: from poetics to politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 224 p. DOI: 10.1177/1461445619897141.
19. Арнольд ИВ. *Стилистика. Современный английский язык*. Москва: Флинта; 2002. 384 с.

References

1. MacLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [The Gutenberg galaxy: the making of typographic man]. Yudin A, translator. Kiev: Nika-tsentr; 2003. 432 p. Russian.
2. Zheltuhina MR. *Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI* [Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the issue of linguistic manipulation of tropes in mass media language]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Science; 2003. 656 p. Russian.
3. Karasik VI. Knowledge transformation in the modern period: linguocultural aspect. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;3:88–94. Russian. EDN: YKOULE.
4. Opolev PV. Trends in changing media space: from text to hypertext. *Ideas and Ideals*. 2018;2(3):96–112. Russian. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112.
5. Nikolaeva EM, Kotlyar PS. Media space communication: the problem of axiological orientations. *The Buryat State University Bulletin. Pedagogics, Philology, Philosophy*. 2016;3:30–38. Russian. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-30-38.
6. Klushina NI. *Mediastilistika* [Mediastylistics]. Moscow: Flinta; 2018. 183 p. Russian.
7. Welbers K, Opgenhaffen M. Presenting news on social media. *Digital Journalism*. 2019;7(1):45–62. DOI: 10.1080/21670811.2018.1493939.
8. Kolshanskii GV. *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke* [The correlation of subjective and objective factors in language]. Moscow: Komkniga; 2005. 232 p. Russian.
9. Baranov AN. Axiological strategies in the structure of language (paremeology and lexis). *Voprosy jazykoznanija*. 1989;3:74–89. Russian.
10. Chekulai IV, Prokhorova ON. Aspects of correlation of dichotomy «language» and «speech», «value» and «evaluation». *Language Studies and Modern Humanities*. 2021;3(2):167–173. Russian. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173.
11. Starostina JS. The interpretation of linguistic evaluation in terms of axiology. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;3:232–240. Russian.
12. Vol'f EM. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: URSS; 2020. 278 p. Russian.
13. Krasnova TI. *Sub'ektivnost' – modal'nost' (materialy aktivnoi grammatiki)* [Subjectivity – modality (materials of active grammar)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov; 2002. 189 p. Russian.
14. Pawlowskaja NJu. *Kategorija modal'nasci w suchasnej bielaruskaj movie* [The category of modality in the modern Belarusian language]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2001. 205 p. Belarusian.
15. Karpilovich TP. *Kommunikativnye kategorii nauchnogo diskursa* [Communicative categories of scientific discourse]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2018. 160 p. Russian.
16. Hunston S, Thompson G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 240 p.
17. Narrog H. *Modality, subjectivity, and semantic change: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 333 p. DOI: 10.9793/elsj.32.1_223.
18. Hart Ch, editor. *Cognitive linguistic approaches to text and discourse: from poetics to politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 224 p. DOI: 10.1177/1461445619897141.
19. Arnol'd IV. *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English language]. Moscow: Flinta; 2002. 384 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.08.2023.
Received by editorial board 04.08.2023.

ВАРИАНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ XIX в.

Н. Я. КОШКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются варианты единицы во фразеологической системе белорусского литературного языка XIX в. на материале сборников паремий И. И. Носовича, Е. Р. Романова, П. М. Шпилевского и Е. А. Ляцкого. Исследуются варианты, зафиксированные в каждом сборнике, а также варианты, представленные в разных изданиях. Выделяются варианты типы, приводится репрезентативный иллюстративный материал. Делаются выводы относительно характера фразеологической вариантности, служащей показателем определенного уровня развития языковой системы того времени.

Ключевые слова: вариантность; фразеология; паремия; фразеологическая единица; вариантный ряд; варианты типы; фразеологическая норма.

ВАРЫЯНТНЫЯ АДЗІНКІ Ў БЕЛАРУСКІХ ПАРЭМІАЛАГІЧНЫХ ЗБОРНІКАХ XIX ст.

Н. Я. КОШКІНА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца варыянтныя адзінкі ў фразеалагічнай сістэме беларускай літаратурнай мовы XIX ст. на матэрыяле тагачасных зборнікаў парэмій І. І. Насовіча, Е. Р. Раманава, П. М. Шпілеўскага і Я. А. Ляцкага. Даследуюцца варыянты, зафіксаваныя ў межах кожнага зборніка, а таксама варыянты, прадстаўленыя ў розных выданнях. Вылучаюцца варыянтныя тыпы, прыводзіцца рэпрэзентатыўны ілюстрацыйны матэрыял. Робяцца высновы адносна характару фразеалагічнай варыянтнасці, якая служыць паказчыкам пэўнага ўзроўню развіцця тагачаснай моўнай сістэмы.

Ключавыя словы: варыянтнасць; фразеалогія; парэмія; фразеалагічная адзінка; варыянтны рад; варыянтныя тыпы; фразеалагічная норма.

Образец цитирования:

Кошкина НЯ. Варыянтныя адзінкі ў беларускіх парэміялагічных зборніках XIX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;3:72–82.
EDN: CWOAMW

For citation:

Koshkina NJa. Variant phrase units in the Belarusian paremiological collections of the 19th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;3:72–82. Belarusian.
EDN: CWOAMW

Автор:

Наталья Евгеньевна Кошкина – соискатель кафедры белорусского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. О. Гапоненко.

Author:

Natallia Ja. Koshkina, applicant at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
koshkina.natalie@mail.ru

VARIANT PHRASE UNITS IN THE BELARUSIAN PAREMIOLOGICAL COLLECTIONS OF THE 19th CENTURY

N. Ja. KOSHKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, the variable units in the phraseological system of the Belarusian literary language of the 19th century are analysed. At the same time, the material from collections of proverbs by I. I. Nosovich, E. R. Romanov, P. M. Shpilevsky, and E. A. Lyatsky is used. The variant units recorded in each collection and the variants from different publications are investigated. Variant types are singled out, and illustrative material is given. Conclusions are drawn about the nature of phraseological variability, which serves as an indicator of a certain level of development of the language system at that time.

Keywords: variance; phraseology; paremia; phraseological unit; variant series; variant types; phraseological norm.

Уводзіны

Навуковы разгляд фразеалагічнага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы мае трывалую традыцыю ў айчынным мовазнаўстве. Асаблівасці фразем як спецыфічных моўных адзінак (у літаратурнай і дыялектнай мове ў цэлым і ў творчасці канкрэтных пісьменнікаў у прыватнасці) грунтоўна і шматаспектна прааналізаваны ў шэрагу прац беларускіх навукоўцаў (Ф. М. Янкоўскага, А. С. Аксамітава, М. А. Даніловіча, Г. М. Малажай, І. Я. Лепешава, В. А. Ляшчынскай, М. М. Аляхновіча, І. М. Хлусевіч, В. Калючыц, Н. А. Леўчанка і інш.).

Пры гэтым асноўная ўвага надаецца вывучэнню сучаснага стану беларускай фразеалагічнай сістэмы, а даследаванні дыяхранічнага характару з'яўляюцца фактычна адзінаковымі. У прыватнасці, спецыфіка пачатковага этапу фарміравання фразеалагічнай сістэмы новай беларускай мовы ў XIX – пачатку XX ст. ужо прыцягвала ўвагу беларускіх фразеологаў¹, але застаецца яшчэ не распрацаванай з дастатковай паўнатай. Вывучэнне ж тэндэнцый развіцця фразеалагічнага складу на тым этапе, калі закладваліся нарматыўныя асновы сучаснай беларускай літаратурнай мовы, можна аднесці да адной з найбольш актуальных задач беларускай гістарычнай фразеалогіі. Такі аналіз дае магчымасць атрымаць аб'ектыўнае ўяўленне пра вытокі сучаснай фразеалогіі, прасачыць шляхі і заканамернасці яе фарміравання.

На сённяшні дзень у лінгвістыцы запатрабаваны даследаванні, у якіх гістарычныя моўныя асаблівасці разглядаюцца не ў рамках сістэмна-структурнай парадыхмы, а з пазіцый нарматыўнасці. Для функцыянавання моўнай сістэмы, як і любога сістэмна арганізаванага феномена, надзвычай істотнымі з'яўляюцца такія характарыстыкі, як прынцыпы ўзаемаадносін паміж яе кампанентамі, спосаб сувязі з акаляючым асяроддзем, адпаведнасць пэўным функцыянальным патрабаванням. Таму невыпадкова, што сёння лінгвісты надаюць такую вялікую ўвагу разгляду паняцця «норма» як стабілізуючага складніка ў сістэме мовы, які дапамагае захоўваць яе цэласнасць і агульнадаступнасць.

Перыяд з XIX да пачатку XX ст. у гісторыі беларускай мовы ў цэлым і фразеалогіі ў прыватнасці характарызуецца выразнай нарматыўнай спецыфікай, даследаванне якой можа даць цікавыя і навукова значныя вынікі.

У сучаснай фразеалагічнай навуцы паняцце «фразеалагічная норма» найчасцей карэлюе з паняццем «кадыфікацыя» і фразеалагічнае ўжыванне ацэньваецца як нарматыўнае, калі вытрымліваюцца нязменнасць фразеалагізма, яго ўзнаўленне ў пастаянным складзе, устойлівасць фразеалагічнай формы, захаванне стылістычнай афарбоўкі фразеалагічнай адзінкі. Адступленнем ад нормы лічыцца парушэнне гэтых правіл, што прыводзіць да разнастайных памылак. У працах, прысвечаных пытанням сучаснай фразеалагічнай нормы, падаецца больш ці менш разгорнуты пералік такіх памылак: некарэктнае ўжыванне фразеалагізма з-за няведання яго стылістычнай аднесенасці або спецыфікі кантэкстага атачэння, нематываванае пашырэнне фразеалагізма за кошт удакладняльных слоў або скарачэнне складу фраземы ў выніку пропуску яе кампанентаў і інш. [1].

У дачыненні да перыяду пачатку XX ст. такі падыход да вызначэння нарматыўнасці фразеалагічных ужыванняў не можа быць прыменены, зыходзячы са спецыфікі тагачаснай нормы. Паводле сцверджанняў даследчыкаў, «...з усіх этапаў моўнага планавання корпуса (выбар нормы, кадыфікацыя, устанаўленне

¹Олехнович Н. Н. Фразеология белорусского литературного языка XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 1983. 19 с.

кадыфікаванай нормы, удасканаленне і далейшая распрацоўка) перыяд XIX – пачатку XX ст. у беларускай літаратурнай мове быў часам выбару нормы (normselection)... Нормы ў такой літаратурнай мове яшчэ не столькі выпрацоўвалася, колькі выяўлялася... <...>

<...> Нормы беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. характарызавалася невысокім узроўнем абавязковасці і вялікай варыянтнай разнастайнасцю, што натуральна ва ўмовах адсутнасці нарматыўных кодэксаў і шырокай аўдыторыі карыстальнікаў нормы. Тагачасную норму мэтазгодна лічыць хутчэй *дыспазіцыйнай*, гэта значыць такой, якая прапануе выбар з некалькіх варыянтаў» [2, с. 31].

Такі характар нарматыўнасці моўнай сістэмы цесна звязвае паняцці «норма» і «варыянтнасць». Для беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. гэтыя паняцці не проціпастаўляюцца, бо ў варыянтнасці выразна выступаў стан тагачаснага моўнага дынамічнага развіцця [3, с. 14] і «менавіта ў межах варыянтнага поля адбываліся найважнейшыя працэсы, звязаныя з пачатковым перыядам станаўлення і развіцця новай беларускай літаратурнай мовы, з выпрацоўкай функцыянальных стыляў і нацыянальных нормаў» [3, с. 3]. Адпаведна, вывучэнне варыянтных фразеалагічных намінацый дазваляе выявіць спецыфічныя адзнакі фразеалагічнай нормы на важным этапе моўна-гістарычнага развіцця. Для беларускай фразеалагічнай навукі такі аналіз пытанняў нормы з гістарычнага пункту гледжання мог бы быць каштоўным не толькі ў тэарэтычным, але і ў практычным аспекце, бо аб'ектыўнае ўяўленне аб гісторыі моўнага будаўніцтва «дае магчымасць устанавіць традыцыйныя формы і дапушчальныя межы ўмяшання грамадства ў сістэму мовы і яе функцыянавання»² [4, с. 23] і «дазваляе захаваць моўна-культурную пераемнасць у ходзе моўнага ўдасканалення або рэфармавання» [2, с. 26].

Матэрыялы і метады даследавання

Факталагічная база даследавання фарміравалася на матэрыяле беларускіх парэміялагічных³ зборнікаў XIX ст. – выданняў І. І. Насовіча, Е. Р. Раманава, П. М. Шпілеўскага і Я. А. Ляцкага (гл. пералік выданняў у спісе скарачэнняў).

У беларускай дарэвалюцыйнай парэміялогіі ледзь не самае важнае месца належыць этнографу, фалькларысту і мовазнаўцу І. І. Насовічу. У яго «Сборник белорусских пословиц», паводле падлікаў І. Я. Лепешава, уключаны 3715 запісаў, зробленых у розных раёнах Беларусі як самім збіральнікам, так і (часткова) яго папярэднікамі [5, с. 52]. Зборнік І. І. Насовіча з'яўляецца самым поўным зводам беларускіх прыказак і прымавак свайго часу.

Іншыя этнаграфічныя зборнікі XIX ст. змяшчаюць меншую колькасць парэмій і нярэдка паўтараюць тыя, што былі сабраны І. І. Насовічам, хоць таксама маюць у сваім складзе і зусім новыя, арыгінальныя адзінкі. Другім па шырыні рэестравага ахопу пасля зборніка І. І. Насовіча з'яўляецца «Белорусский сборник» Е. Р. Раманава, у які ўключаны каля 2300 парэмій з даволі частымі адсылкамі да працы І. І. Насовіча. Парэміялагічныя зборнікі Я. А. Ляцкага і П. М. Шпілеўскага яшчэ больш сціплыя ў колькасных адносінах. Так, Я. А. Ляцкі занатаваў каля 2040 беларускіх прыказак і прымавак (згодна з нашымі падлікамі з іх прыкладна 170 парэмій поўнасцю ці часткова супадаюць з адзінкамі са зборніка І. І. Насовіча). У зборніку П. М. Шпілеўскага ўтрымліваюцца каля 500 парэмійных адзінак (з іх каля 20 супадзенняў з парэміямі, сабранымі І. І. Насовічам). Факталагічная база даследавання ўключае прыблізна 10 % ад агульнай колькасці парэмійных адзінак у кожным з пералічаных зборнікаў.

Параўнальны аналіз варыянтаў адной і той жа парэміі праводзіцца ў двух планах: даследуюцца варыянты, зафіксаваныя ў межах асобных зборнікаў, а таксама параўноўваюцца варыянты, прадстаўленыя ў розных выданнях. Гэта дазваляе глыбей усвядоміць парэміійны сэнс, усвядоміць яго не праз пэўныя лексічныя маркеры, а праз кагнітыўную агульнасць парэміянага выказвання. Разуменне сутнасці кагнітыўнай мадэлі і каштоўнасных акцэнтаў прыказак і прымавак становіцца значна больш празрыстым пры супастаўленні розных парэміійных версій.

У асноўным прымяняюцца апісальныя і супастаўляльны метады даследавання, а таксама выкарыстоўваюцца прыёмы фразеалагічнай аплікацыі і ідэнтыфікацыі.

Тэрміны, паняцці і азначэнні

Суадносіны паняццяў «фразеалагізм» і «парэмія». Паколькі ў тэксце выкарыстоўваюцца тэрміны «фразеалагізм» і «парэмія», а таксама іх вытворныя («фразеалагічная адзінка», «парэміялагічны зборнік»), неабходна агаварыць непасрэдны змест адпаведных паняццяў у межах артыкула.

Парэміі і ўласна фразеалагізмы, нягледзячы на тое што яны маюць пэўныя ідэнтычныя рысы (напрыклад, вобразнасць і спосаб фарміравання семантыкі ў выніку пераносу прамога значэння свабоднага

²Тут і далей пераклад наш. – Н. К.

³У артыкуле ўжываюцца тэрміны «парэміялагічны» (які адносіцца да вывучэння парэмій) і «парэміійны» (які адносіцца да парэмій як моўных адзінак).

словазлучэння), у цэлым адносяцца да розных тыпаў устойлівых спалучэнняў, што не дазваляе цалкам іх атаясамліваць. Навукоўцы сцвярджаюць, што адрозненне парэмій ад фразеалагізмаў найперш палягае ў сэнсавай і інтанацыйнай завершанасці, а таксама ў сінтаксічнай чляннасці. У аснове іх цэласнага сэнсавага зместу знаходзяцца не паняцці, а суджэнні. Адпаведна, прыказкі і прымаўкі не могуць быць носбітамі лексічнага значэння, якое ўласціва фразеалагізмам. Іх сэнс перадаецца толькі сказам (нярэдка разгорнутым), у той час як значэнне фразеалагізма – словам або словазлучэннем [6, с. 241–242]. Парэміі ў пераважнай большасці выпадкаў складаюцца са слоў з пэўным самастойным значэннем, якія могуць быць вылучаны лагічным націскам. Кампаненты ж фразеалагізмаў найчасцей пазбаўлены (цалкам або часткова) семантычнай самастойнасці, і фактычна ні адзін з іх не падлягае лагічнаму вылучэнню [7, с. 24].

На фоне агульнапрынятага разумення няпоўнай тоеснасці ўласна фразеалагічных і парэмійных адзінак у лінгвістыцы ўсё яшчэ знаходзяцца на стадыі абмеркавання пытанні аб іх узаемадачынненнях і ўзаемаўключанасці, ступені самастойнасці як даследчых аб’ектаў. Адна шырока распаўсюджаная пазіцыя заключаецца ў тым, што фразеалагізмы і парэміі ўваходзяць у фразеалагічны склад мовы, хоць і адносяцца да асобных відаў устойлівых утварэнняў, якія адрозніваюцца па ступені ідыяматычнасці, але аб’ядноўваюцца такімі параметрамі фразеалагічнасці, як неаднаслоўнасць і ўстойлівасць. «Вяршыняй гэтай піраміды пад назвай “ўстойлівыя выразы”... будуць фразеалагізмы як адзінкі, якія больш жорстка вытрымліваюць асноўныя катэгарыяльныя прыметы ўстойлівасці» [8, с. 1119]. У навуковай літаратуры сустракаецца і іншы падыход, у адпаведнасці з якім радавым паняццем для розных устойлівых выказаў выступае парэмія. Так, паводле думкі А. А. Ошавай, «...уласцівасці ўзнаўляльнасці аб’ядноўваюць у клас парэмій розныя моўныя адзінкі: моўныя афарызмы (прыказкі, прымаўкі, крылатыя словы і г. д.) і фразеалагічныя адзінкі. На аснове ўзнаўляльнасці можна дапусціць уключэнне фразеалагічных выказаў у аб’ём парэміялогіі» [9, с. 84]. Існуе таксама меркаванне, згодна з якім парэміі «разам з афарызмамі нефальклорнага паходжання» [6, с. 41] выключаюцца «з фразеалагічнага фонду мовы па прычыне іх функцыянальнай адасобленасці ў складзе выказвання – фразеалагічныя адзінкі (уласна фразеалагізмы. – Н. К.) уступаюць у фармальныя сувязі з кампанентамі выказвання, а парэміі перадаюць адасобленую думку ў складзе тэксту» [10].

У межах артыкула мы прытрымліваемся так званага шырокага разумення фразеалогіі, у адпаведнасці з якім парэміі (да іх адносяцца ў першую чаргу прыказкі і прымаўкі) уключаюцца ў фразеалагічную сістэму. Істотным, на наш погляд, з’яўляецца тое, што як парэміі, так і ўласна фразеалагізмы характарызуюцца семантычнай нераскладальнасцю, узнаўляльнасцю, устойлівасцю і ўяўляюць сабой своеасаблівы згорнуты тэкст. Гэта дазваляе прымяняць аналагічныя прыёмы для аналізу парэмій і ўласна фразеалагізмаў, а таксама лічыць несупярэчлівым вызначэнне фразеалагічнай нормы з выкарыстаннем парэмійнага матэрыялу.

Лічым такі падыход мэтазгодным, зыходзячы са спецыфікі фактычнага матэрыялу даследавання. Аб’яднаныя ў прааналізаваных зборніках (ці ў іх адпаведных раздзелах) адзінкі, якія аўтары называюць прыказкамі і прымаўкамі, у большасці выпадкаў сапраўды з’яўляюцца менавіта парэміямі, але не заўсёды адпавядаюць тым характарыстыкам, якія надаюцца такім адзінкам у сучаснай лінгвістыцы. Напрыклад, уключаныя ў «Сборник белорусских пословиц» І. І. Насовіча некаторыя адзінкі (*Байды біць*⁴; *Голь, якъ соколь*; *Голый банкетъ*; *Зелено-молодо*; *Пятое черезъ десятое*) можна аднесці да ўласна фразеалагізмаў. Значыць, рэальны рэестравы склад зборнікаў шырэйшы за ўласна парэміі. Гэтая сітуацыя з’яўляецца адлюстраваннем таго, што ў лінгвістыцы XIX ст. агульныя прынцыпы фразеалогіі як навукі, а таксама параметры дакладнай класіфікацыі ўстойлівых выказаў толькі пачыналі распрацоўвацца. Не маючы на мэце дыферэнцыраваць па тыпах даныя, прадстаўленыя ў прааналізаваных выданнях, будзем традыцыйна называць іх парэміялагічнымі зборнікамі, уключаны ў іх матэрыял – фразеалагічным, а для абазначэння асобных адзінак выкарыстоўваць універсальнае тэрміналагічнае спалучэнне «фразеалагічная адзінка».

Суадносіны паняццяў «варыянт» і «сінонім» у фразеалогіі. Навукоўцы сцвярджаюць, што фразеалагічная варыянтнасць як лінгвістычная праблема мае амаль паўсотгадовую гісторыю [11, с. 62]. Вельмі важным яе аспектам з’яўляецца адрозніванне варыянтаў і сінонімаў. У лінгвістыцы за гэты час былі сфармуляваны шмат азначэнняў паняццяў «варыянтнасць» і «сінанімія» ў цэлым і «фразеалагічная варыянтнасць» і «фразеалагічная сінанімія» ў прыватнасці. Мы прытрымліваемся тых азначэнняў варыянтных і сінанімічных адносін у фразеалогіі і крытэрыяў іх адрознівання, якія падаюцца найбольш адпаведнымі спецыфіцы фактычнага матэрыялу. У нашым даследаванні варыянты і сінонімы, згодна з існуючай лінгвістычнай традыцыяй, разглядаюцца «як з’явы адпаведна фонамарфалагічнага і лексіка-семантычнага ўзроўню» [3, с. 24]. У агульнамоўным сэнсе варыянтамі лічацца відазмены адной і той жа адзінкі мовы, «якія захоўваюць тоеснасць марфалага-словаўтваральнай структуры, лексічнага і граматычнага значэння і адрозніваюцца або з фанетычнага боку (вымаўленнем гукаў, складам фанем, месцам націску ці камбінацыяй гэтых адзнак), або словаўтваральнымі афіксами (суфіксами,

⁴Тут і далей прыклады прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

флексій)» [12, с. 38], а сінонімамі – «словы, блізкія ці тоесныя па сваёй семантыцы, якія абазначаюць адно і тое ж паняцце, але розныя паміж сабой адценнямі значэння, стылістычнай афарбоўкай або абедзвюма прыкметамі» [13, с. 9]. Пры размежаванні з’яў варыянтнасці і сінаніміі ў фразеалогіі намі ўлічваецца тое, што фразеалагічныя сінонімы адрозніваюцца такімі кампанентамі кананатыўнага аспекта значэння, як вобразнасць, інтэнсіўнасць, эматыўная ацэначнасць, а таксама функцыянальна-стылістычнай прыналежнасцю. Фразеалагічныя ж варыянты вызначаюцца тым, што, нягледзячы на аднолькавы сэнс, у структурных адносінах яны паказваюць мінімальную розніцу, часам у выглядзе аднаго кампанента [14, с. 161]. Таксама бярэцца пад увагу крытэрыі размежавання фразеалагічных сінонімаў і варыянтаў, прапанаваны беларускай даследчыцай І. М. Хлусевіч: «...варыянты маюць аднолькавую лексіка-граматычную спалучальнасць са словамі кантэксту, а сінонімы, часткова тоесныя па кампанентным складзе з варыянтамі, валодаюць зусім іншымі спалучальнымі магчымасцямі і не ўзаемазамяняюцца без перабудовы сказа»⁵.

Паколькі большасць адзінак у прааналізаваных зборніках адносяцца да прыказкава-прымаўкавага тыпу, ёсць неабходнасць агаварыць прынцыпы адрознівання сінонімаў і варыянтаў непасрэдна ў галіне парэміялогіі, у якой гэтая агульналінгвістычная праблема размытасці лініі падзелу паміж сінонімамі і варыянтамі ўскладняецца тым, што «фалькларысты традыцыйна называюць усе блізкія па змесце прыказкі варыянтамі» [15, с. 12]. Пры размежаванні парэміяных сінонімаў і парэміяных варыянтаў ёсць падставы выкарыстоўваць наступнае азначэнне: «Варыянты прыказак – гэта лексіка-граматычныя разнавіднасці прыказак, якія з’яўляюцца тоеснымі па іх значэнні ў цэлым, стылістычных і сінтаксічных функцыях і маюць агульны лексічны інварыянт пры часткова адрозным лексічным складзе»⁶. Аднак, падзел розных версій парэмій на сінонімы і варыянты праводзіцца па наступнай схеме: «Паколькі сінонімы называюць адну і тую ж з’яву, але па-рознаму, то паміж сінонімамі ўстанаўліваецца не семантычная тоеснасць, а толькі семантычная блізкасць. Калі ж трансфармацыя тэксту прыводзіць да вельмі нязначных сэнсавых страт... то трансфармаваны і зыходны тэксты можна лічыць семантычна тоеснымі, гэта значыць варыянтамі адной і той жа адзінкі» [15, с. 22]. Самастойныя ж сінанімічныя парэміяныя адзінкі ўтвараюцца ў асноўным у двох сітуацыях: «1) у прыказкавым тэксце адбываюцца несінанімічныя замены кампанентаў; 2) пераўтварэнні закранаюць і структуру, і асноўны кампанентны склад тэксту» [15, с. 32].

Тыпы фразеалагічных і парэміяных варыянтаў. У нашым даследаванні пры ўстанаўленні тыпалогіі варыянтаў ужываюцца ўжо апісаныя ў навуковай літаратуры класіфікацыйныя схемы. Так, паводле меркавання І. М. Хлусевіч, існуюць фармальныя (акцэнтныя, фанетычныя, акцэнтна-фанетычныя, словаўтваральныя і марфалагічныя), лексічныя, канструктыўна-колькасныя і камбінаваныя варыянты фразеалагічных адзінак⁷.

У залежнасці ад таго, якая частка структуры парэмій падлегла зменам, вылучаюцца іх лексічныя, граматычныя, структурныя варыянты і тыя варыянты, якія ўзніклі ў выніку рэдукцыі [15, с. 22–23].

Акрамя такой тыпалогіі, складзенай у традыцыйным фразеалагічным рэчышчы, некаторыя даследчыкі прапануюць падзяляць варыянты парэмій на дзве асноўныя групы: «тэкставыя варыянтныя парадэгмы (у тым ліку лексічныя, лексіка-структурныя і лексіка-граматычныя разнавіднасці) і семантычныя варыянтныя парадэгмы» [6, с. 286]. Аўтары выдання «Фразеалогія і парэміялогія» лічаць, што «...варыянты, якія ўваходзяць у семантычную парадэгму, могуць мець розны лексічны і граматычны склад, пры гэтым іх значэнне “сугучна” ў плане выражэння паняццяў аднаго раду. З’яўляючыся фармальна адрознымі, семантычныя варыянты ўсё ж базіруюцца на адзінай сінтаксічнай мадэлі і больш за іншыя разнавіднасці варыянтных прыказак нагадваюць сінонімы ў іх “фразеалагічным” разуменні, напрыклад: *Мал золотник, да золото весят; Велик верблюд, да воду возят*» [6, с. 292]. Аднак, на наш погляд, парэміяныя адзінкі такога тыпу маюць занадта вялікія семантычныя адрозненні, таму яны павінны разглядацца не як варыянтныя, а як сінанімічныя.

Вынікі і іх абмеркаванне

Адабраныя намі з крыніц і раскласіфікаваныя варыянтныя фразеалагічныя адзінкі аб’ядноўваюцца ў варыянтныя пары і рады наступных тыпаў.

Вырыянты, зафіксаваныя ў межах асобных зборнікаў. Пры аналізе варыянтных фразеалагічных адзінак, прадстаўленых у асобных зборніках, выяўляюцца некалькі іх разнавіднасцей.

⁵Хлусевіч І. М. Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.02. Мінск, 2001. С. 3.

⁶Селянина Л. И. Варианты пословиц английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10663. М., 1970. С. 7.

⁷Хлусевіч І. М. Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове... С. 8–15.

Фанетычныя варыянты адрозніваюцца гукавым складам аднаго з кампанентаў. Такія адзінкі знаходзім у розных зборніках. У зборніку І. І. Насовіча адзначаны наступныя фанетычныя варыянты: *къ роту* – *ко рту* (*Вочамъ не вѣрь, да къ роту⁸ (ко рту) примѣрь*), *цацанка* – *цаценька* (*Обѣцанка цацанка (цаценька), а дурному радости*), *всего* – *усего* (*Всего (усего, уси) было много, да пригляду мало или принуки не был*). Зафіксаваны таксама своеасаблівы арфаэпіка-арфаграфічны варыянт з апазіцыяй у напісанні/вымаўленні лексем *чести*: *Отъ чсци* (*произносят тсци – чести*) *отъ вѣры*. У зборніку Е. Р. Раманава сустракаецца фанетычны варыянт *лыска* – *лиска*: *Поймавъ лыску. Поймавъ лиску. Прожогъ платье*. У зборніку А. Я. Ляцкага паказальнымі з’яўляюцца наступныя фанетычныя варыянты: *абмануць* – *аммануць* (*Бога ня думай абмануць (аммануць)*), *трафиу* – *трапиу* (*Добрыя мае вочы, што трафиу (трапиу) у ноц*), *зым* – *з ім* (*Чорт бы зым (з им), як то кажуць, каб я ня бы ў йиму брат*), *ида* – *ѣда* (*Ида (ѣда) як у тэй птушки*). У гэтым зборніку зафіксаваны таксама акцэнталагічны парэмійны варыянт: *Каб стукнуу ды гукнуу (гукнуу)*, *ну и была б рада*. У зборніку П. М. Шпілеўскага адзначаны фанетычны варыянт *васина* – *асина*: *Кали васина (осина) червентецъ, дзяцюкъ шалтвецъ. Осенью – начинаются сватовства*.

Словаўтваральныя варыянты адрозніваюцца словаўтваральнай структурай аднаго з фразеалагічных кампанентаў. У зборніку І. І. Насовіча, напрыклад, адзначаны фразеалагічныя адзінкі з варыянтнымі формамі, якія маюць розныя прыстаўкі (*Ни цяць, ни взяць – Ни вцяць, ни взяць*), суфіксы (*Говоривъ бы котокъ (котикъ)*), да *языкъ коротокъ*; *Наставъ Марець, зморщився старецъ (старикъ)*), а таксама бязафіксныя формы з прыставачна-суфіксальным варыянтам (*Якъ ты мань (обманичикъ), кабъ такій другій подлыгаило, цѣлый бы свѣтъ прошли*).

Варыянты словаўтваральнага тыпу фіксуюцца таксама ў зборніках Е. Р. Раманава і Я. А. Ляцкага. Е. Р. Раманаў прыводзіць прыклад, у якім аднакарэнныя лексемны з аднолькавым значэннем *дохля* і *подох* утвораны рознымі спосабамі: *И дохли нема на ихъ – И подоху нема на ихъ*. Я. А. Ляцкі ілюструе магчымасць афармлення ў парэміі формы 3-й асобы адзіночнага ліку дзеяслова *даць* з дапамогай некалькіх суфіксаў: *Чужбина ня родная matka: хлеба ни дась (дасьць)*. Ён таксама прыводзіць прыклад, у якім прадстаўлены розныя словаўтваральныя формы зборнага лічэбніка: *Два Юрѣя, абоя (абыдва) дурни: адзин галодны, а други халодны*.

Марфалагічныя варыянты – гэта разнавіднасці фразеалагічных адзінак, якія маюць розныя родавыя, склонавыя, асабовыя, лікавыя і іншыя граматычныя формы аднаго ці двух кампанентаў. Такія варыянты адзначаны, напрыклад, у зборніку І. І. Насовіча: *Еще милая (или милый) не спиць; Ни сѣло, ни пало, дай баба (бабѣ) сала; Всего (усего, уси) было много, да пригляду мало или принуки не было; Бѣда по бѣдѣ, якъ по ниточцѣ идзе (идеть); Давѣ да ѣ наддавъ – Дай да ѣ наддай*. У зборніку Е. Р. Раманава зафіксавана парэмія, у якой марфалагічная варыянтнасць выклікаецца ўжываннем розных часавых форм дзеяслова: *Дали духу – Дадутъ духу*. Акрамя таго, у выданні прыводзіцца прыклад, у якім суадносныя кампаненты маюць розную родавую прыналежнасць: *Пропавѣ якъ у воду – Пропало якъ у воду*. Я. А. Ляцкі зафіксаваў парэмію, у якой дзееспрыслоўе ўжываецца ў розных трывальных версіях: *Ни пры нас казана (кажучы)*.

Больш шырока прадстаўленымі ва ўсіх прааналізаваных намі парэміялагічных зборніках з’яўляюцца лексічныя варыянты фразеалагічных адзінак, якія адрозніваюцца адным з кампанентаў, пры гэтым захоўваюцца рознаўзроўневая тоеснасць і агульнае значэнне фразеалагічных адзінак, а адрозныя кампаненты выступаюць як цалкам узаемазамяняльныя. Прывядзем некалькі прыкладаў такіх варыянтных радоў.

Так, у зборніку І. І. Насовіча сустракаюцца наступныя лексічныя варыянты: *Айдзѣ куцо (или коротко), тамъ и рвецца; Байды биць – Бить баклуши; Воръ (мѣхъ) великъ, да воротъ малъ; Великий воръ (мѣхъ), да малый зборъ; Худъ, якъ хрусцель (коротель); Въ лазнѣ (банѣ) уси ровны; Лайка (бранъ) не нагайка, на плечахъ не лежиць; На вовка усегды помовка (нарѣканіе); Голь, якъ колъ – Голь, какъ персть*. У асобных выпадках наяўнасць варыянтаў падлягае аўтарскаму тлумачэнню: *На твоей, пане, шіи воля (зобѣ). Игра словъ. Воле – зобѣ и воля желаніе, вольность. Говорят для юмора упрямоу*.

У зборніку Е. Р. Раманава ў значэнні ‘памерці’ падаюцца дзве пары адзінак: *Ноги простягнуть – Ноги задрать; Руки зложить – Руки сощепить*. Аўтарскае паясненне ‘расплакался’ маюць наступныя парэміі: *Слюньки пустивъ – Слюньки развевъ*. Асобныя адзінкі разгорнута тлумачацца: *За дурной головой сабѣ непокой – За дурной головой ногамъ непокой. Кромѣ толков, выражаетъ, буквально, что за забывчивостію часто приходится ходить нѣсколько разъ въ одно мѣсто. Затѣмъ: глупость бываетъ причиною многихъ неприятностей*. Паказальны і такія прыклады са зборніка: *Три дни не гѣжъ, да сѣ печи не лѣжъ (или: сѣ хаты)*. *Въ морозы; Цыганскій потъ бере (забирае, пробирате)*. *Пробираетъ холодъ, дрожъ*.

У зборніку А. Я. Ляцкага сустракаюцца наступныя лексічныя варыянты: *Да Бога высока, да цара (пана) далека; Далека ни радня (ровня); Каб ведаць, кали кума бадай абедаць (снедаць); Гол (галыш),*

⁸Тут і далей паўтлусты курсіў у цытатах наш. – Н. К.

як *бизун* (як *сокал*); *Як Буог скажа, так тоя й будзя (збудитца)*; *Спазніўся с казкай* – *Спазніўся з навіной*; *Век жыви, век учыся, а ўсё дураком (дурним)* памрэш.

У прыведзеных вышэй парах, як відаць, могуць адбывацца замены некаторых кампанентаў сінонімамі (*вор* – *мехь*, *куцо* – *коротко*, *воля* – *зобь*), міжмоўнымі (беларускімі/рускімі) перакладнымі эквівалентамі (*лазня* – *баня*, *дурак* – *дурань*, *лайка* – *брань*), блізкімі па значэнні словамі (*памовка* – *нарекание*, *гол* – *галыш*, *будзя* – *збудитца*), а таксама лексемамі, якія або ўваходзяць у адну тэматычную групу (*сь печи* – *сь хаты*, *с казкай* – *з навіной*, *цар* – *пань*), або аб'ядноўваюцца гіпера-гіпанімічнымі адносінамі (*сабь* – *ногамь*). Пры гэтым амаль цалкам захоўваецца як агульнае значэнне, так і вобразна-метафарычны сэнс устойлівых адзінак, таму іх можна з дастатковай упэўненасцю адносіць да фразеалагічных варыянтаў.

Некалькі іншая сітуацыя назіраецца з наступнымі аднатыпнымі парэміямі: *Сляпы да сляпога ня пойдзя* – *Глухі да глухога ня пойдзе* – *Бедны да беднага не пойдзе* (Ляц.); *Насмтывся шалудивый паршивому* – *Насмтывся лысый плышывому* (Рам.). Яны пабудаваны паводле стабільных кампазіцыйных формул і абазначаюць тыповую сітуацыю, то бок маюць блізкія структуру і сэнс. Аднак зменныя кампаненты такіх фразеалагічных адзінак ўяўляюць сабой несудадносныя па значэнні словы, што непазбежна выклікае трансфармацыі зместавага складу і метафарычнага афармлення. Некаторыя даследчыкі мяркуюць, што падобныя ўстойлівыя адзінкі ўтвараюць памежную зону паміж варыянтнымі і сінанімічнымі парэміямі [16, с. 47], аднак нам больш аб'ектыўнай бачыцца пазіцыя тых лінгвістаў, якія лічаць, што ёсць падставы адносіць іх не да прамежковых утварэнняў, а да розных сінанімічных фразеалагічных адзінак⁹ [15, с. 26–27].

У рэестры асобных зборнікаў адзначаюцца таксама канструктыўна-колькасныя варыянты, якія адрозніваюцца канструкцыяй і колькасцю кампанентаў: *Треба жиць, якъ набѣжиць* – *Треба жиць якъ зъ калодзея твайго набѣжиць* (Шпіл.).

У асобную групу можна вылучыць камбінаваныя варыянты, у якіх назіраюцца:

- лексічныя і фанетыка-арфаграфічныя адрозненні (*Деретца* – на *новое беретца* – *Дзяретца* – на *новое спыдызаетца* (Рам.));

- лексічныя і словаўтваральныя адрозненні (*Прышпилиў квятушку да кажущуку* – *зрабілася цепла* – *Прыняў квятак да кажущуку* – *зрабілася цепла* (Ляц.); *Крупина за крупинкой гоняецца зъ дубиной* – *Крупинка за крупинкой бѣгаецъ зъ дубинкой* (Рам.));

- лексічныя і марфалагічныя адрозненні (*Не поклавши, не шукай* – *Не поклавши, нечаго шукать*; *Отдамъ на святыи Адамъ* – *Отдать на святыи нигды*. *Потеряи надежду на получение долга* (Рам.); *Думаим за мора, а смерць за плячми* – *Думки за гарамы, а смерць за пличамы* (Ляц.));

- лексічныя і канструктыўна-колькасныя адрозненні, калі адзін кампанент варыянтнай пары ўяўляе сабой поўную парэмію версію, а другі – рэдукаваную (*Сабака й на Бога варчыць, а Буог маўчыць* – *Сабака й на Бога брѣша* (Ляц.); *До Юрья корми дурня, а послѣ Юрья самъ прокормица* – *До Юрья корму и у дурня* (Нас.)).

Цікавая варыянтная разнавіднасць ствараецца ў выніку ўзнікнення або перамяшчэння ў асобных фразеалагічных адзінках адмоўнай часціцы: *И Богъ не укряя, якъ святые допустють* – *И Богъ укряя, якъ святые не допустють* (Рам.); *Умираць будзим* – на *ўсё забудзим* – *Умираць будзим* – *цябе ни забудзим* (Ляц.).

Варыянты, прадстаўленыя ў межах розных зборнікаў. Пры параўнанні рэестраў розных зборнікаў прадказальна найбольш рэгулярна фіксуецца варыянты, прадстаўленыя ў двох фразеаграфічных крыніцах з чатырох разгледжаных: *Хочешъ зъ лавки звалицьца, да не ушибицьца* (Нас.) – *Хоча зъ лавки упасть, да й не ўдаритца* (Рам.); *Вѣ полѣ дзвѣ воли* (Нас.) – *Вѣ поли своя воля* (Рам.); *Прибери пень, и пень будзець пригожъ* (Нас.) – *Прибери пня, и пень хорошъ* (Рам.); *Разваживъ, якъ размазавъ* (Нас.) – *Разказавъ, якъ размазавъ* (Рам.); *Юрій мосиць, а Микола гвоздзиць* (Нас.) – *Юрій замостить, Микола загрузить* (Рам.); *Чужій ротъ не хлѣвъ, не зачинишь* (Нас.) – *Чужій ротъ не воротъ: не зачинишь* (Рам.); *Смашино было, да близко дно* (Нас.) – *Сладко було, да близко дно* (Рам.); *Знаюць его, якъ облупленую кобылу* (Нас.) – *Знаять его, якъ облупленную козу* (Рам.); *Жонка не ботъ, не скинешъ* (Нас.) – *Жонка не лапотъ, зъ ноги не скинешъ* (Рам.) і інш.

Выпадкі вар'іравання фразеалагічных адзінак у трох зборніках менш частотныя: *Насмтывся шолудивый плышывому* (Нас.) – *Насмтывся шалудивый паршивому* (Рам.) – *Насмтывся шалудивый с паршивага* (Ляц.); *Не бацька купивъ, не сынъ гѣдзиць* (Нас.) – *Не батька куплявъ, не сынъ погоняе* (Рам.) – *Ни бацька спраўляў, ни сын нося* (Ляц.); *Не плачь, купиць мама хохлачъ; олейцемъ помажець и тобѣ не покажець* (Нас.) –

⁹Увогуле ў спрэчных сітуацыях нам здаецца лагічным прытрымлівацца пазіцыі У. П. Жукава, які лічыў, што пры адсутнасці поўнай упэўненасці адносна характару сувязі (варыянтнай або сінанімічнай) паміж фразеалагічнымі адзінкамі пытанне павінна вырашацца «на карысць фразеалагічнай сінаніміі». (Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов // Слов. фразеолог. синонимов рус. яз. / под ред В. П. Жукова. М. : Рус. яз., 1987. С. 10.)

Не плачь: купиць мама калачь, медомъ помажа, табѣ не покажа (Рам.) – *Ни плач: купиць мамка калач, маслом помажа, табе ни накажа* (Ляц.).

Пры гэтым варыянты, прадстаўленыя ў двух зборніках, могуць быць максімальна блізкімі паводле свайго кампанетнага складу і афармлення, а варыянты, якія былі адабраны з трэцяй крыніцы, уяўляюць сабой больш спецыфічную варыянтную мадыфікацыю: *Живый живое й говориць* (Нас.) – *Живый объ живое и думаетъ* (Рам.) – *Живы аб жывоя й думаетъ* (Ляц.); *У коровы языкъ довиго, да говориць не вельно* (Нас.) – *У коровы языкъ довгий, да говоритъ заказано* (Рам.) – *У коровы язык доуги, а гаварыць ня можа* (Ляц.); *Кабъ зъ духомъ бывъ, коли гето правда* (Нас.) – *Кабъ ёнъ такъ зъ духомъ бывъ* (Рам.) – *Каб ен так с духам быў* (Ляц.); *Спиць сова, да курей видзиць* (Нас.) – *Сова спить, да курей бачить* (Рам.) – *Сава и ўначы кур видзиць* (Ляц.); *Ласковое целятко дзвюхъ матокъ ссець* (Нас.) – *Ласковое целя двюхъ матокъ ссець, а гордое – не годныя* (Рам.) – *Ласкавая целя дзьвух матак ссець* (Ляц.); *Кинь хлѣбъ-соль позади, найдзешъ впереди* (Нас.) – *Кинь хлѣбъ-соль назадъ, а яна напераду опынетца* (Рам.) – *Кинь напярод, а знайдзиши назадъ* (Ляц.); *Чортъ не возьмечь, а Богу не треба* (Нас.) – *Чортъ не возьма, а Богу не треба* (Рам.) – *Чорт ня возьма, а Богу таки ни патрэбян* (Ляц.).

Адзначаюцца таксама сітуацыі, калі розныя версіі фразеалагічнай адзінкі, зафіксаваныя ў двух зборніках, можна залічваць да варыянтаў, а суадносна парэмійная мадыфікацыя фразеалагічнай адзінкі, якая была адабрана з трэцяй крыніцы, хутчэй кваліфікуецца як сінанімічная ў адносінах да дзвюх іншых: *Не плюй въ лужу, згодицца напичьца* (Нас.) – *Не плюй у воду: доведетца (или згодитца) напитокца* (Рам.) – *Ни плюй у крыницу: прыдзиши на вадзицу* (Ляц.); *Собака брешиць, а дворянинъ гъдзиць* (Нас.) – *Собака брешиць, а панъ гъдзецъ* (Рам.) – *Сабака брэшиць, вецир везя (нося)* (Ляц.); *Слово вѣщер, а письмо грунтъ* (Нас.) – *Слово вѣтер, а бумага грунтъ* (Рам.) – *Слова як птушка: выпусьциў – ня верниши* (Ляц.).

Варыянты адной фразеалагічнай адзінкі, зафіксаваныя ва ўсіх чатырох прааналізаваных крыніцах, вельмі рэдкія. Гэта, як правіла, тычыцца найбольш вядомых і папулярных устойлівых адзінак: *Голь, як коль (бичъ, соколь, перстъ)* (Нас.) – *Голь – якъ бизунъ* (Рам.) – *Гол (галыш), як бизун (як сокал)* (Ляц.) – *Голы якъ бичъ, вуостры якъ мечъ* (Шпіл.); *Приишь кобыль хвостъ, а у кобылы свой ёсьць* (Нас.) – *Приишій кобыль хвостъ, а у ее свой ёсть* (Рам.) – *Приишый кабыли хвост, а ў яе свой ёсьць* (Ляц.) – *Приишу кабыль хвостъ, а у кабылы свой јосьць* (Шпіл.); *Хоць коль на головъ цеши* (Нас.) – *Хоть ты ему коль на головъ теши* (Рам.) – *Хоць ты яму кол на галаве чаши* (Ляц.) – *Хоць яму коль на галавѣ чаши* (Шпіл.); *Не перескочивши рѣчки, не говори: гупъ* (Нас.) – *Не перескочивши, не кажи гопъ* (Рам.) – *Ни пираскочыўши праз (и пераз) калоду, ни кажы «гоц!»* (Ляц.) – *Не кажи гоць, кали не перескочиу* (Шпіл.).

Найчасцей суадносна фразеалагічныя адзінкі фіксуюцца ў зборніках І. І. Насовіча і Е. Р. Раманава. Зборнік Я. А. Ляцкага і асабліва зборнік П. М. Шпілеўскага вызначаюцца большай адметнасцю рээстравага складу і яго малой перасякальнасцю з рээстрамі іншых зборнікаў. Гэта, як можна меркаваць, звязана з многімі фактарамі: спецыфікай аўтарскага падыходу да адбору рээстравых адзінак, прынцыпамі выкарыстання работ іншых аўтараў, моўнымі адметнасцямі рэгіёна, дзе збіраўся факталагічны матэрыял, а таксама з агульным аб'ёмам зборнікаў.

Тыпалагічны аналіз дазваляе вылучыць наступныя варыянтныя разнавіднасці фразеалагічных адзінак:

- парэмій, якія ў розных зборніках супадаюць паводле лексічнага складу, але маюць пэўныя фармальныя адрозненні, у прыватнасці графічныя і фанетыка-арфаграфічныя (*Што голова, то разумъ* (Нас.) – *Што голова, то разумъ* (Рам.) – *Што галава – то разум* (Ляц.); *Приишій кобыль хвостъ, а у ее свой ёсть* (Рам.) – *Приишый кабыли хвост, а ў яе свой ёсьць* (Ляц.) – *Приишь кобыль хвостъ, а у кобылы свой ёсьць* (Нас.) – *Приишу кабыль хвостъ, а у кабылы свой јосьць* (Шпіл.); *Майстеръ зъ Мира, што цявъ, то дзира* (Нас.) – *Майстаръ з Мира, што цяу, то дзира* (Шпіл.); *Дзень мой – вѣкъ мой* (Нас.) – *День мой – вѣкъ мой* (Рам.); *Не зарекайся красць, а якъ Богъ дасць* (Нас.) – *Не зарекайся красть, а якъ Богъ дастъ* (Рам.)), словаўтваральныя (*Середзинка на половинку* (Нас.) – *Серодка на половинъ* (Рам.); *Въ роду не безъ выроду* (Нас.) – *Въ роду не безъ выродка* (Рам.)) і марфалагічныя (*Чортъ не возьмечь, а Богу не треба* (Нас.) – *Чортъ не возьма, а Богу не треба* (Рам.)) варыянты;

- лексічныя варыянты (*Голь, як коль (бичъ, соколь, перстъ)* (Нас.) – *Голь – якъ бизунъ* (Рам.)), у тым ліку такія цікавыя іх разнавіднасці, у якіх адзначаецца варыянтнасць анамастычнага кампанента (*Легенькій Ёська (Петрочокъ)* (Нас.) – *Легенькій Савочка* (Рам.));

- канструктыўна-колькасныя варыянты (*Послѣдняя только жонка у попа* (Нас.) – *Послѣдняя ў попа жонка* (Рам.)).

Пералічаныя варыянты можна адносіць да так званых чыстых тыпаў, калі адрозненні паміж версіямі фразеалагічнай адзінкі назіраюцца на канкрэтным моўным узроўні (фанетыка, марфалогія, лексіка) або ў нейкім аспекце (арфаграфічным, канструкцыйным).

У пераважнай жа большасці выпадкаў зафіксаваныя ў розных зборніках варыянтныя фразеалагічныя адзінкі прылічваюцца да змешаных тыпаў і з'яўляюцца камбінаванымі. Прааналізаваны матэрыял

дазваляе вылучыць вялікую разнастайнасць варыянтных адносін. У разгледжаных парэміялагічных крыніцах фіксуюцца:

- лексіка-фанетычныя варыянты (*Смашно было, да близко дно* (Нас.) – *Сладко було, да близко дно* (Рам.));
- лексіка-марфалагічныя варыянты (*Хочеш з лавки звалицьца, да не ушибицьца* (Нас.) – *Хоча з лавки упасть, да й не ударитца* (Рам.); *Коли Богъ дасць, дакъ и въ окно подасць* (Нас.) – *Кому Богъ даець, и въ вокошко подаець* (Рам.)), у якіх пры гэтым могуць назірацца і неістотныя канструкцыйныя адрозненні (*Перемелица, мука будзець* (Нас.) – *Ператретца, перамнетца – мука будя* (Рам.) – *Пиратрэтца, пирамнетца – мука будзя* (Ляц.));
- лексіка-арфаграфічныя варыянты (*Цаца-цаца, да въ кишеню* (Нас.) – *Цаца, цаца – да й за пазуху* (Рам.) – *Цаца-цаца, ды ў карман* (Ляц.); *Своя сермяжка не цяжка* (Нас.) – *Своя коломаяжка не тяжка* (Рам.); *Старосць не радосць, а горбъ не корысць* (Нас.) – *Старосць не радосць, довгъ – не корысць* (Рам.); *Не Божже каранне, а свое дурованне* (Нас.) – *Не Божее каранье – своё дарованье* (Рам.));
- лексіка-марфолога-арфаграфічныя варыянты (*У коровы языкъ довигъ, да говориць не вельно* (Нас.) – *У коровы языкъ довгій, да говоріть заказано* (Рам.) – *У каровы язык доуги, а гаварыць ня можа* (Ляц.); *Не плачь, купиць мама хохлаць; олейцемъ помажесць и тобъ не покажесць* (Нас.) – *Не плачь: купиць мама калачъ, медомъ помажа, табъ не покажа* (Рам.) – *Ни плач: купиць мамка калач, маслом намажа, табе ни покажа* (Ляц.));
- лексіка-арфаграфічна-канструкцыйна-колькасныя варыянты (*Не перескочивши рѣчки, не говори: гупъ* (Нас.) – *Не перескочивши, не кажи гопъ* (Рам.) – *Ни пираскочыўшы праз (и пераз) калоду, ни кажы «гоц!»* (Ляц.); *Хоць колъ на головъ цеши* (Нас.) – *Хоть ты ему колъ на головъ теши* (Рам.) – *Хоць ты яму кол на галаве чаши* (Ляц.) – *Хоць яму колъ на галавѣ чаши* (Шпіл.));
- марфолога-арфаграфічныя варыянты (*Пара косцей не ломиць* (Нас.) – *Паръ кости не ломить* (Рам.) – *Пар касцей ня ломиць* (Ляц.); *Пьяницъ и капля дорога* (Нас.) – *Пьяницы и капля дорага* (Ляц.));
- марфолога-арфаграфічна-канструкцыйна-колькасныя варыянты (*Пославши дурного, за имъ пошли другога* (Нас.) – *Пошли дурного, а за имъ другого* (Рам.); *По собацъ зъ рота скачець* (Нас.) – *По цѣлому собаку зъ рота скачець* (Рам.) – *Пасабацы з рота скачыць* (Ляц.));
- марфолога-канструкцыйна-колькасныя варыянты (*На одном сонцу сушилися* (Нас.) – *На одном сонцу онучи сушили* (Рам.); *Не хвалися, а Богу молися* (Нас.) – *Не хвались: впередъ Богу молись* (Рам.));
- арфаграфічна-канструкцыйна-колькасныя варыянты (*У Бога всего много* (Нас.) – *У Бога ўсего много* (Рам.) – *У Бога многа, але ни для нас* (Ляц.); *Дзень мой – вѣкъ мой* (Нас.) – *День мой – вѣкъ мой* (Рам.) – *Дзень – век, а гадзіна ў прыдатку* (Ляц.)).

Не выключана, што пры аналізе большага аб’ёму фразеалагічных адзінак колькасць варыянтных груп можа ўзрасці. Але і даследаваны матэрыял з поўнай выдавочнасцю дэманструе стракатасць варыянтнай карціны ў сферы беларускай фразеалогіі XIX ст. і сведчыць аб надзвычай складанай сітуацыі ў справе выпрацоўкі нарматыўных моўных асноў. Працэс фарміравання нацыянальнай фразеалагічнай нормы ў названы перыяд фактычна знаходзіўся на пачатковай стадыі, калі ў выданнях слоўнікавага тыпу адбываліся першасны, яшчэ выразна недыферэнцыраваны адбор фразеалагічных адзінак народнай мовы і іх пачатковае фразеаграфічнае апісанне, а таксама рабіліся спробы па вызначэнні ступені іх прыярытэтнасці.

Заклучэнне

Аналіз прэзентатыўнай выбаркі ўстойлівых адзінак з парэміялагічных зборнікаў XIX ст. паказаў надзвычай багатую, фактычна неабмежаваную варыянтнасць розных відаў.

У вялікай ступені такі вынік тлумачыцца спецыфікай разгледжанага фразеалагічнага матэрыялу, які ў асноўным складаецца з адзінак парэміянага характару. Даследчыкі сцвярджаюць, што парэміі «...у адрозненне ад звычайных устойлівых спалучэнняў, з’яўляюцца жанравай адзінкай і, як любы фальклорны твор, “дадумваюцца” і “даствараюцца” пастаянна. Таму так складана вылучыць “чыстыя” варыянтныя парадыхмы і знайсці сярод варыянтаў першасныя і вытворныя. Парэмія, як адзінка жывой народнай мовы, настойліва прыстасоўваецца да ўмоў зменнай мовы, і да ўжо існуючых варыянтаў дадаюцца новыя, таму большасць варыянтных парадыхм адносіцца да змешанага тыпу» [6, с. 294]. Такім чынам, устойлівасць парэміянага тэксту па сваёй прыродзе даволі нізкая. Яна падтрымліваецца выключна маўленчымі традыцыямі, якія парушаюцца «значна лягчэй і часцей, чым жорсткія правілы моўнай структуры» [15, с. 14], што правакуе істотную, заканамерную і нават непазбежную варыянтнасць адзінак парэміянага тыпу. Нягледзячы на тое што яны з’яўляюцца гатовымі маўленчымі адзінкамі і захоўваюць пэўнае пастаянства свайго аблічча, варыянтныя адзінкі парэміянага тыпу тым не менш трансфармуюцца не «калі-нікалі», а «як правіла» [15, с. 14], падлягаюць вар’іраванню як ніякія іншыя элементы мовы. «Можна сказаць, прыказка (і прымаўка. – Н. К.) мае найбольшую ўстойлівасць сярод фальклорных тэкстаў і найменшую ўстойлівасць сярод фразеалагізмаў» [15, с. 15]. Да ліку варыянтаў, з’яўленне якіх

абумоўлена такой спецыфікай парэміі, можна аднесці, напрыклад, наступны шэраг адзінак: *Кій на кій; а хлябб на хлябб не вадзіць* (Нас.) – *Кій на кій вадзіць, а чарка на чарку не вадзіць* (Рам.) – *Кій на кій шкодзіць, а чарка на чарку ня шкодзя* (Ляц.).

У той сітуацыі, у якой беларуская мова знаходзілася ў XIX ст., агульныя прычыны парэміянай варыянтнасці дапаўняліся ўнутранымі фактарамі, звязанымі з тагачаснай моўнай неўнармаванасцю. Адсутнасць дакладных кадыфікаваных моўных стандартаў спрыяла пранікненню ў структуру фразеалагічных адзінак рознадыялектных, рознастылёвых і арфаграфічна рознааформленых кампанентаў. Варыянтнасць такога паходжання назіраецца ў наступных выпадках: *Одна поришвая овца усё стадо заражаець* (Нас.) – *Одна поганая овца усю стаду порте* (Рам.).

У цэлым «...выпрацоўка літаратурнай нормы беларускай фразеалогіі праходзіла стыхійна ў ходзе выкарыстання рэсурсаў розных дыялектных і агульнанародных пластоў. Шырокая магчымасць выбару з'яўлялася ў нейкай ступені тормадам лексіка-семантычнага выраўноўвання фразеалагічных адзінак і выпрацоўкі агульнамоўнага ўзусу» [17, с. 62]. Аднак разнастайнасць спосабаў перадачы інфармацыі, закадзіраванай у фразеалагічных адзінках, можна лічыць станоўчай адзнакай, якая характарызуе высокі ментальны ўзровень пэўнага этнасу і ўзровень развіцця адпаведнай моўнай сістэмы. У дачыненні да нарматыўнага станаўлення наяўнасць вялікай колькасці альтэрнатыўных фразеалагічных варыянтаў сведчыць аб тым, што працэс выбару нормы ў сферы беларускай фразеалогіі XIX ст. знаходзіўся ў актыўнай фазе. На пазнейшых этапах моўнай гісторыі з агульнай фразеалагічнай базы, адлюстраванай у прааналізаваных зборніках, былі селектыўна адабраны і замацаваны ў сучаснай фразеалогіі найбольш жыццяздольныя адзінкі. Канкрэтныя вынікі гэтага працэсу могуць выступіць аб'ектам асобнага даследавання.

Скарачэнні

Ляц. – *Ляцкий Е. А.* Материалы для изучения творчества и быта белорусов. Пословицы, поговорки, загадки. М. : Унив. тип., 1898. 63 с. ; **Нас.** – *Носович И. И.* Сборник белорусских пословиц. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1874. 232 с. ; **Рам.** – *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Т. 1 : Губ. Могилевская. Вып. 1–2. Песни, пословицы, загадки. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1885. 468 с. ; **Шпіл.** – *Шпилевский П. М.* Белорусские пословицы. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1853. 26 с.

Бібліяграфічныя спасылкі

- Северская ОИ. Фразеология: история и норма. *Русский язык* [Интернет]. 2010 [прочитано 21 декабря 2022 г.]; 11. Доступно по: https://rus.lsept.ru/view_article.php?ID=201001102.
- Гапоненка ІА. Спецыфіка нормы беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013;3:25–32.
- Лемцюгова ВП, Гапоненка ІА, Анісім АМ, Маракуліна ТМ, Крыўко МН, Капылюў ІЛ і інш. *Мова «Нашай нівы» (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія*. Лемцюгова ВП, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2005. 303 с.
- Семенюк НН. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов. В: Серебренников БА, редактор. *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. Москва: Наука; 1970. с. 23–45.
- Лепешаў ІА. Класічная праца айчынай філалогіі. *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1974;3:52–54.
- Алефиренко НФ, Семененко НН. *Фразеология и паремология*. Москва: Флинта; 2009. 344 с. Совместно с издательством «Наука».
- Еремеева М, Мацук А. Трудности разграничения паремологии и фразеологии. В: Прохоренко ОГ, редактор. *Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции; 1–2 марта 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 20–25.
- Моргоева ЛБ. Трудности разграничения устойчивых выражений и паремий. *Фундаментальные исследования*. 2014; 5(часть 5):1114–1120.
- Ошева ЕА. Паремииологическое пространство: дискуссионные вопросы. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2013;1(1):75–88.
- Хайруллина РХ, Леднева АВ. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа. *Современные проблемы науки и образования* [Интернет]. 2015 [прочитано 7 февраля 2023 г.]; 1(часть 1). Доступно по: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008>.
- Федуленкова ТН. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2005;4(приложение 1):62–69.
- Горбачевич КС. *Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка*. Филлин ФП, редактор. Ленинград: Наука; 1978. 238 с.
- Евгеньева АП. *Проект словаря синонимов*. Москва: Советская энциклопедия; 1964. 46 с.
- Сеидова Н. О разграничении синонимии и вариативности в области фразеологических единиц. *Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія: Філологічні науки*. 2015;1:160–163.
- Занглигер В. Вариантность и синонимия пословиц. *Болгарская русистика*. 2010;2:12–33.
- Благова ГФ. *Пословица и жизнь: личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе*. Москва: Восточная литература; 2000. 221 с.
- Аксамітаў АС. Развіццё фразеалагічнага складу мовы і літаратурная норма. *Беларуская лінгвістыка*. 1987;31:61–63.

References

1. Severskaya OI. Phraseology: history and norm. *Russian Language* [Internet]. 2010 [cited 2022 December 21];11. Available from: https://rus.lsept.ru/view_article.php?ID=201001102. Russian.
2. Gaponenka IA. Specific nature of the norm of the Belarusian literary language of the 19th and the beginning of the 20th century. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;3:25–32. Belarusian.
3. Lemciugova VP, Gaponenka IA, Anisim AM, Marakulina TM, Krywko MN, Kapylow IL, et al. *Mova «Nashaj nivy» (1906–1915). Varyjantnasc. Sinanimija* [The language of «Nasha niva» (1906–1915). Variation. Synonymy]. Lemciugova VP, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2005. 303 p. Belarusian.
4. Semenyuk NN. [Formation of literary norms and types of codification processes]. In: Serebrennikov BA, editor. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. Moscow: Nauka; 1970. p. 23–45. Russian.
5. Lepeshaw IJa. [A classic work of domestic philology]. *Pomniki gistoryi i kultury Belarusi* [Monuments of the history and culture of Belarus]. 1974;3:52–54. Belarusian.
6. Alefirenko NF, Semenenko NN. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow: Flinta; 2009. 344 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
7. Ereemeeva M, Matsuk A. Difficulties in the differentiating of paremiology and phraseology. In: Prokhorenko OG, editor. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokulturologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 marta 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and development prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2018 March 1–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 20–25. Russian.
8. Morgoeva LB. On the difficulties of differentiation of fixed phrases and paroemias (proverbs). *The Fundamental Researches*. 2014;5(part 5):1114–1120. Russian.
9. Osheva EA. [Paremiological space: controversial issues]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 2013;1(1):75–88. Russian.
10. Khayrullina RK, Ledneva AV. The linguistic nature of proverbs and their role in shaping the linguistic nature of proverbs and their role in shaping the language worldview of the people. *Modern Problems of Science and Education* [Internet]. 2015 [cited 2021 February 7];1(part 1). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008>. Russian.
11. Fedulenkova TN. Phraseological variance as the linguistic problem. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2005;4(application 1):62–69. Russian.
12. Gorbachevich KS. *Varietnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Word variance and language norm: on the material of the modern Russian language]. Filin FP, editor. Leningrad: Nauka; 1978. 238 p. Russian.
13. Evgen'eva AP. *Proekt slovary sinonimov* [Synonym dictionary project]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1964. 46 p. Russian.
14. Seidova N. About the differentiation between the synonymy and variability in the sphere of the phraseological units. *Alfred Nobel University Journal of Philology*. 2015;1:160–163. Russian.
15. Zangliger V. [Variation and synonymy of proverbs]. *Bulgarian Rusistics*. 2010;2:12–33. Russian.
16. Blagova GF. *Poslovitsa i zhizn': lichnyi fond russkikh poslovits v istoriko-fol'kloristicheskoi retrospektive* [Proverb and life: personal fund of Russian proverbs in historical and folklore retrospective]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2000. 221 p. Russian.
17. Aksamitaw AS. [Development of a phraseological warehouse of language and literary norm]. *Belaruskaja lingvistyka*. 1987;31:61–63. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.08.2023.
Received by editorial board 30.08.2023.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО ГОРОДА: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ГОРОДА АОСТЫ)

О. А. ПАНТЕЛЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяется функциональный потенциал итальянского, французского и франко-провансальского языков в коммуникативном пространстве города Аосты. Выявляются существенные отличия в использовании языков в письменных текстах городской среды: французский язык доминирует в формировании надписей на указателях улиц; итальянский и французский языки достаточно активно представлены в названиях коммерческих заведений; всегда двуязычны наименования государственных учреждений; тексты на французском и итальянском языках приводятся на афишах; только итальянский язык используется в некрологах. В остальных текстах не обнаружено определенной тенденции, может применяться итальянский или французский язык либо их сочетание. Результаты сопоставительного анализа лингвистического ландшафта и речевых предпочтений населения позволили установить специфику функционирования языков в письменной и устной сферах коммуникации. В отличие от внутригородских текстов, которые написаны преимущественно на итальянском и французском языках, в речи вальдостанцев наибольшей демографической мощностью обладают итальянский и франко-провансальский языки, что определяет региональную уникальность лингвистического ландшафта итальянского города Аосты.

Ключевые слова: французский язык; итальянский язык; франко-провансальский язык; городские номинации; демографическая мощность языка.

ЛІНГВІСТЫЧНЫ ЛАНДШАФТ МУЛЬТЫЛІНГВАЛЬНАГА ГОРАДА: РЭГІЯНАЛЬНАЯ СПЕЦЫФІКА (НА МАТЭРЫЯЛЕ ІТАЛЬЯНСКАГА ГОРАДА АОСТЫ)

А. А. ПАНЦЯЛЕЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Вызначаецца функцыянальны патэнцыял італьянскай, французскай і франка-правансальскай моў у камунікатыўнай прасторы горада Аосты. Выяўляюцца істотныя адрозненні ў выкарыстанні моў у пісьмовых тэкстах гарадскога асяроддзя: французская мова дамінуе ў фарміраванні надпісаў на паказальніках вуліц; італьянская і французская мовы дастаткова актыўна прадстаўлены ў назвах камерцыйных устаноў; заўсёды двухмоўнымі з'яўляюцца найменні дзяржаўных устаноў; тэксты на французскай і італьянскай мовах прыводзяцца на афішах; толькі італьянская мова выкарыстоўваецца ў некрологах. У астатніх тэкстах не зафіксавана выразнай тэндэнцыі, можа ўжывацца італьянская ці французская мова альбо іх спалучэнне. Вынікі супастаўляльнага аналізу лінгвістычнага ландшафту і маўленчых сродкаў, якім аддае перавагу насельніцтва, дазволілі ўстанавіць спецыфіку функцыянавання моў у пісьмовай і вуснай сферах камунікацыі. У адрозненне ад унутрыгарадскіх тэкстаў, якія пераважна напісаны на

Образец цитирования:

Пантелеенко ОА. Лингвистический ландшафт мультилингвального города: региональная специфика (на материале итальянского города Аосты). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;3:83–90. EDN: BLJIFN

For citation:

Panteleenko AA. Linguistic landscape of a multilingual city: regional specificity (by the material of the Italian city of Aosta). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023; 3:83–90. Russian. EDN: BLJIFN

Автор:

Олеся Александровна Пантелеенко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры романского языкознания филологического факультета.

Author:

Alessia A. Panteleenko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of romance linguistics, faculty of philology. alessia@list.ru

італьянскай і французскай мовах, у маўленні вальдастанцаў найбольшую дэмаграфічную магутнасць маюць італьянская і франка-правансальская мовы, што вызначае рэгіянальную спецыфіку лінгвістычнага ландшафту італьянскага горада Аосты.

Ключавыя словы: французская мова; італьянская мова; франка-правансальская мова; гарадскія намінацыі; дэмаграфічная магутнасць мовы.

LINGUISTIC LANDSCAPE OF A MULTILINGUAL CITY: REGIONAL SPECIFICITY (BY THE MATERIAL OF THE ITALIAN CITY OF AOSTA)

A. A. PANTELEENKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The study determines the functional potential of the Italian, French and Franco-Provençal languages in the communicative space of the city of Aosta. Significant differences in the use of languages in the written texts of the urban environment are revealed: French language dominates in the formation of the text of street signs; Italian and French languages are quite active in the names of commercial establishments; the names of state institutions are always bilingual; French and Italian languages texts appear on posters; only Italian language is used in obituaries, in other groups there is no definite trend, Italian or French language, or a combination of both can be used. A comparative analysis of the texts of the linguistic landscape and the speech preferences of the population made it possible to establish the specifics of the functioning of languages in the written and oral spheres of communication. Unlike intracity texts, where Italian and French languages are actively used, Italian and Franco-Provençal languages have the greatest demographic power in the speech of residents, which determines the regional specifics of the linguistic landscape of the Italian city of Aosta.

Keywords: French language; Italian language; Franco-Provençal language; urban nominations; language demographic power.

Введение

Активные процессы урбанизации являются характерным признаком современной эпохи. Языковое разнообразие, поликультурность городской среды и неуклонно ускоряющийся ритм мегаполисов, где сегодня живет более половины населения планеты, влияют на формирование коммуникативного пространства города. В связи с этим возрастает значимость урбанистических исследований, проводимых в различных сферах знаний: архитектуре, социологии, политологии, экономике, теории коммуникации, лингвистике.

Интерес к лингвистическому ландшафту итальянского региона определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами создания его языковой ситуации. В 1861 г. состоялось объединение разрозненных королевств Апеннинского полуострова. Однако «если для большинства европейских языковых ареалов формирование национального литературного языка происходило путем трансформации средневековой диглосийной ситуации в ситуацию монолингвизма и одна из форм народной речи, обладающая наибольшим престижем, приобретала функции “языка-крыши”... то в случае Италии фактически произошло замещение одной диглосийной ситуации (диалекты Италии vs латинский язык) другой (диалекты Италии vs литературный язык на основе обработанной формы флорентийского диалекта)» [1, с. 792]. Сегодня некоторые области Италии имеют автономный статус (в том числе благодаря государственному регулированию вопросов сохранения лингвистической уникальности регионов). Так, на территории Трентино-Альто-Адидже, кроме итальянского языка, люди разговаривают на немецком и ладинском языках; в регионе Валле-д’Аоста на законодательном уровне закреплён франко-итальянский билингвизм; в области Фриули-Венеция-Джулия используются четыре признанных языка: итальянский, словенский, фриульский и немецкий, а на острове Сардиния с 1999 г. официальным наряду с итальянским языком признан сардинский язык. Конечно, в данный момент жители страны говорят на стандартном итальянском языке, но при этом во всех областях, провинциях и отдельных городах продолжают существовать диалекты, различающиеся настолько, что порой даже обитатели небольшой деревни не понимают своих соседей [2, с. 238]. «Итальянский художник Сильвано Костанцо, родившийся в 1948 г., вспоминает, как две его пожилые родственницы, приехавшие к нему в гости

в 1970-е гг., не смогли общаться друг с другом, так как говорили только на местных диалектах (одна на пьемонтском, другая на апулийском) и не знали итальянского языка» [3, с. 18]. Этот пример является ярким свидетельством того, что итальянцы до сих пор четко осознают свою принадлежность к определенной региональной общности (а иногда и к конкретному городу), ощущая себя сицилийцами или пьемонтцами, тосканцами или неаполитанцами. Вместе с тем однозначно определить отношение человека к региональной общности иногда оказывается сложно даже ему самому [4, с. 104]. Это обуславливает актуальность изучения проблемы лингвистического ландшафта мультилингвального города с учетом региональной специфики.

Кратко опишем демографические, географические и языковые факторы, влияющие на формирование городской среды Аосты. По состоянию на 2014 г. доля сельского населения в Италии составляла 30 %¹. Сегодня в Валле-д'Аоста уровень урбанизации еще выше: городские жители здесь образуют 78 % населения². Регион расположен на севере Италии, он граничит с Францией и является местом языкового контакта, географическим ареалом взаимодействия итальянского, франко-провансальского и французского языков. При этом в городской среде Аосты языки и диалекты автохтонного населения, языки и диалекты прибывающих мигрантов и английский язык также находят свое место. Здесь на законодательном уровне закреплён паритет итальянского и французского языков, функционируют вальдостанский диалект французского языка, вальдостанский диалект франко-провансальского языка, пьемонтский язык, вальзерский диалект, а также распространены языки и диалекты национальных диаспор.

В работе устанавливаются способы проявления региональной специфики в городской среде итальянского приграничья. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определение терминологического аппарата исследования, систематизация отобранного материала, раскрытие языковых и семантических черт письменных текстов городской среды, а также сравнение особенностей функционирования языков региона в письменных текстах и речевой практике вальдостанцев в зависимости от коммуникативной сферы (ситуации).

Теоретические основы исследования

Теоретической и методологической основой исследования послужили работы известных отечественных и зарубежных ученых в области социолингвистики (В. А. Виноградова, А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского, Ч. Фергюсона и др.), теории языковых контактов (У. Вайнрайха, А. Мартине, Э. Сепира, Е. М. Верещагина, Л. В. Щербы и др.), лингвокультурологии (М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой, М. В. Пименовой и др.).

Сочетание «региональная специфика» используется, как правило, в рамках изучения ономастического пространства определенной территории и обозначает «особенности в именах собственных, которые связаны с особенностями физико-географической среды, этническим составом населения, его культурой, отдельными личностями, оставившими заметный след в истории города, и т. п.» [5, с. 75]. Считаем правомерным употреблять термин «региональная специфика» в более широком смысле, т. е. применительно не только к ономастическому пространству городской среды, но и к любому вербальному тексту, который включает лексемы, актуализирующие локальную специфику.

Материалы и методы исследования

Использованы методы интерпретации текста, анализа, синтеза, фотофиксации, а также приемы обработки количественных данных.

Материалом первой части исследования послужили надписи на дорожных знаках и правительственных зданиях, названия улиц, географические номинации, наименования коммерческих объектов, тексты рекламных вывесок и т. д. Материалом второй части исследования являются результаты социолингвистического опроса (7250 анкет), проведенного сотрудниками Фонда имени Эмиля Шану Института федеральных и региональных исследований с 10 сентября по 5 октября 2001 г. Данные анкетирования были размещены на сайте фонда³. Преимущество этой платформы состоит в том, что ученый из любой точки мира может сортировать информацию по интересующим его вопросам, выбрав в качестве категориатора пол, возраст респондента или муниципалитет.

¹World urbanization prospects. The 2014 revision [Electronic resource]. URL: <https://population.un.org/wup> (date of access: 07.05.2023).

²Demografia [Risorsa elettronica]. URL: https://www.regione.vda.it/statistica/statistiche_per_argomento/demografia/default_i.asp (data della domanda: 07.05.2023).

³I risultati – Valle d'Aosta [Risorsa elettronica]. URL: <https://www.fondchanoux.org/i-risultati-valle-daosta> (data della domanda: 07.05.2023).

Результаты и их обсуждение

Функционирование языков в письменных текстах. В результате анализа выборки и ее классификации выделены следующие группы текстов с региональной спецификой: годонимы (названия улиц, площадей, проспектов и т. д.); наименования достопримечательностей и их описания; эргонимы (номинации коммерческих заведений и государственных учреждений); некрологи, размещенные в специально отведенных местах; публикации на афишах, посвященные музейным экспозициям и иным мероприятиям, а также надписи на мемориальных досках.

Годонимы. Интересной для анализа оказалась группа текстов, представленная надписями на указателях улиц, площадей, проспектов и т. д. Внимание привлекла необычная структура вербального текста указателей. Как оказалось, она типична для коммуникативного пространства центральной части Аосты. Письменный текст указателя является трехчастным: первый компонент составляет собственно наименование улицы, второй компонент включает описательную часть, которая раскрывает меморативный потенциал мотивирующей основы, а третий компонент напоминает об исторической номинации улицы. Например, в тексте указателя улицы, названной в честь известного в регионе историка и юриста Ж.-Б. де Тилье, содержится следующая информация: наименование улицы (*rue Jean-Baptiste de Tillier*), описательная часть (*historien et jurist, 1678–1744*), историческая номинация улицы (*rue de Saint-Grat*). Мотивирующей основой таких указателей выступают, как правило, имена собственные деятелей культуры, политиков и других личностей, внесших существенный вклад в развитие Валле-д’Аоста. Отметим, что в этой группе доминируют франкоязычные описания.

В текстах указателей улиц с трехчастной структурой обнаружены и италияязычные наименования, однако французский язык, наряду с итальянским языком, используется в них чаще всего. Например, в годониме *via abbé Joseph-Marie Trèves, fondatore della «Jeune Vallée d’Aoste», 1874–1941* италияязычными компонентами являются лексемы *via* ‘улица’ и *fondatore* ‘основатель’, средствами французского языка сформированы собственно ономастическая часть *Joseph-Marie Trèves* и название сообщества *«Jeune Vallée d’Aoste»*, основанного в 1925 г. для защиты и развития вальдостанских традиций.

Мотивирующей базой для номинаций улиц могут выступать имена собственные, важные для региона исторические события, локации историко-культурного наследия, а также названия географических объектов региона.

Среди антропонимов обнаружены имена поэтов (*rue Jean-Baptiste Cerlogne, via Giosuè Carducci*), политиков (*place Émile Chanoux*), военных деятелей и борцов за независимость региона (*rue colonel Édouard Alessi, place Séverin Caveri*), представителей религиозной сферы (*rue Saint-Anselme*) и местной знати (*rue Claude d’Avisse, rue baron Emmanuel Bich, rue Carabel*). Отсылки к знаковым для региона событиям содержатся в таких названиях, как *piazza Caduti nei lager nazisti, place des franchises, corso XXVI Febbraio*. Годонимы *rue de l’Amphithéâtre* и *rue de Bramafam* вызывают ассоциации с местными достопримечательностями. Названия рек, гор и других географических объектов, служащие мотивирующей основой для годонимов, также наделяют вербальный текст указателей региональной спецификой (*rue du Buthier, rue de la pointe Chaligne, rue de Chavanne, via Dora Baltea, via Edelweiss, rue du Grand-Paradis, via Monte Vêlan*).

Наименования достопримечательностей и их описание. Подобные тексты существуют в городской среде Аосты в нескольких формах: в виде надписей на стендах, которые размещаются непосредственно у объектов историко-культурного наследия; в виде сведений на информационных вывесках, которые указывают путь следования до той или иной достопримечательности. Вербальный текст является двуязычным, он создан с использованием средств итальянского и французского языков: *ponte Romano* (итал.) – *pont Romain* (фр.), *chiesa di San Lorenzo* (итал.) – *église de Saint-Laurent* (фр.). На стендах с описанием историко-культурной значимости подобных объектов текст составлен на итальянском, французском и английском языках. Указатели достопримечательностей, расположенные на улицах и прикрепленные к стенам зданий, оформлены по-разному. Встречаются италияязычные, франкоязычные и двуязычные тексты. В качестве их мотивирующей основы выступают имена собственные, события, места религиозной значимости и локации развлекательного характера.

Эргонимы. В эту группу входят названия коммерческих заведений и государственных учреждений. Первые представлены на вывесках отелей, ресторанов, кафе, магазинов и т. д. Данные эргонимы актуализируют региональную специфику, их мотивирующей базой являются имена собственные, топонимы и события. Так, антропоним *Jean-Baptiste de Tillier* послужил основой для номинации не только одноименной улицы, но и коммерческих заведений, которые расположены на ней: ресторана (*«Ristorante Brasserie La Cave de Tillier»*), магазина оптики (*«Vision Ottica de Tillier»*) и апартаментов (*«De Tillier Studiò»*). Названия отелей *«Albergo Punta Zerbion»* и *«Hotel Vallée Blanche»* напоминают о географи-

ческих объектах, которые размещены в регионе. Память о военных событиях хранит эргоним «*Hôtel Cavour et des Officiers*».

В свою очередь, наименования государственных заведений представлены двуязычными вывесками. Например, на здании региональной библиотеки, названной в честь вальдостанского политика и журналиста Б. Сальвадори, можно увидеть текст на французском («*Bibliothèque régionale Bruno Salvadori*») и итальянском («*Biblioteca Regionale Bruno Salvadori*») языках. Таким же образом оформлена вербальная составляющая вывесок других подобных учреждений: университетов, колледжей, больниц и т. д.

Публикации на афишах, посвященные музейным экспозициям. Информация на вывесках, принадлежащая к этой группе текстов, может включать элементы итальянского, французского и английского языков. Так, афиша выставки произведений швейцарского экспрессионизма, которая проходила с 23 июня по 25 октября 2022 г. в Аосте, была оформлена на итальянском языке. Все ее структурные части: название («*Espressionismo svizzero. Linguaggio degli artisti d'Olttralpe*»), сведения о времени работы (*tutti i giorni, ore 9–19*), дате проведения (*23 giugno – 25 ottobre 2022*) и адресе (*via Roncas, 12*) – содержат италоязычные лексемы. Между тем у входа в здание регионального археологического музея можно увидеть стенд, на трех языках информирующий о видах экспозиций – постоянной (*Esposizione permanente* (итал.) – *Exposition permanente* (фр.) – *Permanent exhibition* (англ.)) и временной (*Mostre temporanee* (итал.) – *Exposition temporaires* (фр.) – *Temporary exhibitions* (англ.)).

Некрологи. Неожиданным оказалось обнаружение в лингвистическом ландшафте города некрологов. Они представляют собой объявления, размещенные на специальных стендах и сопровождающиеся небольшим текстом и изображением святого либо фотографией умершего. В тексте, как правило, содержится информация о годах жизни покойного, месте и времени проведения панихиды. Все сведения даны на итальянском языке.

Надписи на мемориальных досках. Такие тексты включают информацию о важных региональных событиях или людях, которые внесли существенный вклад в развитие области. Вербальная составляющая представлена средствами итальянского или французского языка.

Результаты проведенного анализа показывают, что тексты вывесок в Аосте отражают его региональную специфику за счет включения в них имен собственных, названий мест, имеющих историко-культурную ценность, наименований географических объектов, различных отсылок к событиям региональной важности, религиозной сфере. Эти мотивирующие основы неоднородно представлены в выделенных группах текстов. Наиболее разнообразными в этом плане оказываются номинации коммерческих объектов и улиц. В отличие от названий коммерческих заведений наименования государственных учреждений однородны: актуализаторами региональной специфики выступают антропонимы.

Региональная специфика проявляется и в полилингвальном характере письменных текстов городской среды. При этом наблюдаются существенные различия в функционировании официальных языков на территории Валле-д'Аоста: французский язык доминирует в вербальной составляющей указателей улиц; итальянский и французский языки достаточно активно представлены в названиях коммерческих заведений; всегда двуязычны наименования государственных учреждений; параллельные надписи на французском и итальянском языках приводятся на афишах; английский язык встречается в текстах, описывающих объекты туристической значимости; только итальянский язык используется в некрологах. В остальных группах текстов не обнаружено определенной тенденции, может применяться итальянский или французский язык либо их сочетание.

Функционирование языков в речевой практике. Интересным в рамках исследования представляется сравнение полученных результатов с информацией о языковых предпочтениях вальдостанцев. Решить данную задачу оказалось возможным благодаря масштабному социологическому опросу. Для этого были отобраны 6 из 30 вопросов анкеты. Критериями для отбора послужила их направленность на раскрытие речевых предпочтений населения в различных сферах (ситуациях) общения: «На каких языках и (или) диалектах Вы разговариваете с приходским священником?»; «На каких языках и (или) диалектах Вы разговариваете с семейным врачом?»; «На каких языках и (или) диалектах Вы разговариваете со своими учителями или с учителями своих детей?»; «Какие языки и (или) диалекты Вы используете при общении в управлении муниципалитета?»; «На каких языках и (или) диалектах Вы разговариваете с пожилыми родственниками?»; «Какие языки и (или) диалекты Вы используете в моменты гнева?».

Эти вопросы не являются всеобъемлющими, однако ответы на них способны показать региональную специфику использования итальянского и французского языков в различных коммуникативных обстоятельствах и продемонстрировать их демографическую мощь. В табл. 1 и 2 перечисленным вопросам соответствуют следующие сферы (ситуации) коммуникации: общение с приходским священником, общение с медицинскими работниками, общение с педагогами в школе, общение с сотрудниками администрации, общение с родственниками, общение в конфликтной ситуации при выражении гнева.

Сортировка результатов анкетирования по возрастному критерию позволила распределить данные в соответствии с датой рождения информантов. В табл. 1 представлены ответы респондентов – жителей Валле-д’Аоста, которые родились в 1950–60-х и 1983–1989 гг., на вопросы о том, в каких сферах (ситуациях) общения они предпочитают пользоваться итальянским языком.

Таблица 1

**Демографическая мощьность итальянского языка в Валле-д’Аоста
в зависимости от сферы (ситуации) общения по данным ответов респондентов,
родившихся в 1950–60-х и 1983–1989 гг.**

Table 1

**Demographic strength of the Italian language in Valle d’Aosta
depending on the sphere (situation) of communication according to the answers of respondents
born in 1950–60s and 1983–1989**

Сфера (ситуация) общения	Доля респондентов, использующих итальянский язык, %	
	Родившиеся в 1950–60-х гг.	Родившиеся в 1983–1989 гг.
Общение с приходским священником	59,68	70,39
Общение с медицинскими работниками	88,22	86,14
Общение с педагогами в школе	59,76	54,12
Общение с сотрудниками администрации	55,20	70,49
Общение с родственниками	27,98	35,35
Общение в конфликтной ситуации при выражении гнева	39,98	55,58

Результаты сравнительного анализа данных табл. 1 показывают, что респонденты, родившиеся в 1950–60-х гг., используют в речевой практике итальянский язык меньше тех опрошенных, которые родились в 1983–1989 гг., однако в сферах медицины и образования эта закономерность нарушается. Для коммуникации с семейным врачом 88,22 % информантов старшего поколения и 86,14 % интервьюируемых младшего поколения выбирают итальянский язык. Такая разница в значениях (около 2 %) является несущественной. В сфере образования различие между количественными данными (более 5 %) очевиднее: в беседе с учителями 59,76 % участников анкетирования, родившихся в 1950–60-х гг., и 54,12 % информантов, которые родились в 1983–1989 гг., предпочитают итальянский язык.

Установлено, что на фоне общего увеличения демографической мощьности итальянского языка подобный сдвиг обусловлен политикой, проводимой в сегменте образования. Это, в свою очередь, влияет на распределение функционала языков, которые официально закреплены в Валле-д’Аоста. Речь идет о сильной позиции французского языка в школе. Курс на паритетное (и обязательное для всех вальдостанских школьников) изучение обоих языков был введен сразу после вступления в силу статута о присуждении Валле-д’Аоста статуса автономной области в 1948 г., однако практика преподавания неязыковых дисциплин на французском языке стала внедряться только с 1970-х гг. [6, с. 114]. Итальянский исследователь франко-итальянского билингвизма в Валле-д’Аоста Д. Пуолато полагает, что «образовательное учреждение в наши дни стало символом вальдостанской франкофонии» (перевод наш. – О. П.) [7, р. 17]. Это подтверждается данными социолингвистического опроса. В результате изучения ответов на вопрос: «На каких языках и (или) диалектах Вы разговариваете со своими учителями или с учителями своих детей?» – обнаружено, что 20,54 % респондентов младшего поколения и только 2,96 % интервьюируемых старшего поколения указали итальянский и французский языки. Таким образом, участники анкетирования, родившиеся в 1983–1989 гг., меньше употребляют в общении итальянский язык из-за того, что в сфере образования активно представлен французский язык.

В табл. 2 отражены ответы респондентов – жителей Валле-д’Аоста, которые родились в 1950–60-х и 1983–1989 гг., на вопросы о том, в каких сферах (ситуациях) общения они предпочитают пользоваться франко-провансальским языком.

Данные, представленные в табл. 2, показывают, что франко-провансальский язык доминирует в кругу семейного общения и активно используется для выражения гнева. Также можно утверждать, что представители старшего поколения вальдостанцев применяют франко-провансальский язык чаще, чем люди среднего возраста. Значимость франко-провансальского языка угасает вследствие усиления позиций итальянского языка.

Таблица 2

Демографическая мощь франко-провансальского языка в Валле-д'Аоста
в зависимости от сферы (ситуации) общения по данным ответов респондентов,
родившихся в 1950–60-х и 1983–1989 гг.

Table 2

Demographic strength of the Franco-Provençal language in Valle d'Aosta
depending on the sphere (situation) of communication according to the answers of respondents
born in 1950–60s and 1983–1989

Сфера (ситуация) общения	Доля респондентов, использующих франко-провансальский язык, %	
	Родившиеся в 1950–60-х гг.	Родившиеся в 1983–1989 гг.
Общение с приходским священником	16,91	7,61
Общение с медицинскими работниками	7,44	5,94
Общение с педагогами в школе	11,83	4,48
Общение с сотрудниками администрации	8,20	3,55
Общение с родственниками	40,07	25,96
Общение в конфликтной ситуации при выражении гнева	28,40	15,54

Результаты анализа данных об особенностях употребления французского языка свидетельствуют о том, что он не является популярным среди вальдоанцев. Только около 1 % респондентов используют французский язык для коммуникации в тех или иных сферах (ситуациях). Немного чаще информанты применяют французский язык в сочетании с другим языком (итальянским, франко-провансальским, пьемонтским), однако доля таких ответов очень низкая. Сравнивая итоги опроса с данными о представленности французского языка в письменных текстах города, можно говорить о том, что он поддерживается языковой политикой региона, но не пользуется популярностью среди населения.

Заклучение

В ходе изучения лингвистического ландшафта Аосты сделаны следующие заключения.

1. Региональная специфика обнаруживается в языковом разнообразии текстов вывесок (французский и итальянский языки), а также в меморативном потенциале лексем, которые входят в их состав (имена собственные, названия мест, представляющих историко-культурную ценность, наименования географических объектов, отсылки к событиям региональной важности и религиозной сфере).

2. Особенности функционирования официальных языков (итальянского и французского) в письменных текстах зависят от типа вывески.

3. Языковой репертуар, используемый в письменных текстах и речевой практике, отличается. В письменных текстах широко представлены итальянский и французский языки. В устной коммуникации итальянский язык доминирует в сферах (ситуациях) общения с сотрудниками администрации, медицинскими работниками и приходским священником; французский язык является своеобразным символом региона в образовательной среде, а франко-провансальский язык активно употребляется в кругу семьи и часто используется для выражения эмоций.

Перспективным кажется дальнейшее исследование данной проблематики в ракурсе сравнительного анализа городского и сельского коммуникативного пространства. Практическая значимость видится в установлении специфики развития функций языков в письменной и речевой практике в условиях близкородственного билингвизма, что может способствовать осмыслению языковых процессов, например, при изучении белорусской двуязычной ситуации.

Библиографические ссылки

1. Жолудева ЛИ. Итальянский литературный язык в свете теории языкового варьирования Э. Косериу. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022;13(3):784–799. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-784-799.
2. Назаренко АИ. Защита миноритарных языков в Трентино-Альто-Адижде и Венето: плюсы и минусы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2019;9:236–247.

3. Борисова ДС. Конструирование национальной идентичности в Италии: от итальянцев к итальянцам. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2019;3:16–21. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-3-16-21.
4. Либертини Р, Челышева ИИ. Региональная идентичность и диалект в Абруццо (Италия). *Социолингвистика*. 2020;4:103–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-103-115.
5. Мальцева ВМ. Региональная специфика современного ономастикона города Абакана. *Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова*. 2019;3:74–80.
6. Моисеева ДП. Валле-д’Аоста: основные вехи языковой политики и дискурс о французском языке в XX–XXI вв. *Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017;3:111–118.
7. Puolato D. *Francese-italiano, italiano-«patois»: il bilinguismo in Valle d’Aosta fra realta e ideologia*. Bern: Peter Lang; 2006. 384 p. (Series: Europäische Hochschulschriften / European University Studies / Publications Universitaires Europeennes; volume 45).

References

1. Zholudeva LI. Italiano neo-standard in the light of E. Coseriu’s theory of language variations. *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*. 2022;13(3):784–799. Russian. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-784-799.
2. Nazarenko AI. Protection of the minority languages in Trentino Alto Adige and Veneto: benefits and costs. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019;9:236–247. Russian.
3. Borisova DS. Construction of national identity in Italy: from the Italians to the Italics. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2019;3:16–21. Russian. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-3-16-21.
4. Libertini R, Chelysheva II. Regional identity and dialect in Abruzzo (Italy). *Sociolinguistics*. 2020;4:103–115. Russian. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-103-115.
5. Maltseva VM. Regional specificity of the modern onomasticon of Abakan. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova*. 2019;3:74–80. Russian.
6. Moiseyeva DP. Valle d’Aosta: the main milestones of language policy and the discourse on the French language in the 20th–21st centuries. *Moscow State University Bulletin. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication*. 2017;3:111–118. Russian.
7. Puolato D. *Francese-italiano, italiano-«patois»: il bilinguismo in Valle d’Aosta fra realta e ideologia*. Bern: Peter Lang; 2006. 384 p. (Series: Europäische Hochschulschriften / European University Studies / Publications Universitaires Europeennes; volume 45).

Статья поступила в редколлегию 07.09.2023.
Received by editorial board 07.09.2023.

УДК [(811.112.2+811.161.1)'37](045)

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ С СЕМОЙ 'ВНИЗ'
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХЕ. Г. УСТИМЕНКО¹⁾¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматривается семантика бесприставочных непереходных глаголов, обозначающих перемещение по направлению вниз, в русском и немецком языках. Устанавливается количественная асимметрия данных глаголов. Выявляется, что общим для их семантики выступает наличие информации о среде, характере перемещаемого объекта, особенностях процесса перемещения и его конечной точке. Определяются отличия в количестве типов информации, представленных в семантике одного глагола, а также в направлениях модификаций семантических признаков, которые репрезентируют обнаруженные типы информации.

Ключевые слова: глаголы перемещения; глаголы движения; направление перемещения; семантика; языковая ориентация в пространстве; модели пространства в языке.

СЕМАНТЫКА ДЗЕЯСЛОВАЎ ПЕРАМЯШЧЭННЯ З СЕМАЙ 'УНІЗ'
У РУСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОВАХА. Г. УСЦІМЕНКА^{1*}^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца семантыка беспрыставачных непераходных дзеясловаў, якія абазначаюць перамяшчэнне ў напрамку ўніз, у рускай і нямецкай мовах. Устанаўліваецца колькасная асіметрыя дадзеных дзеясловаў. Выяўляецца, што агульным для іх семантыкі выступае наяўнасць інфармацыі аб асяроддзі, характары аб'екта перамяшчэння, асаблівасцях працэсу перамяшчэння і яго канечным пункце. Высвятляюцца адрозненні ў колькасці тыпаў інфармацыі, прадстаўленых у семантыцы аднаго дзеяслова, а таксама ў напрамках мадыфікацый семантычных прыкмет, якія рэпрэзентуюць выяўленыя тыпы інфармацыі.

Ключавыя словы: дзеясловы перамяшчэння; дзеясловы руху; напрамак перамяшчэння; семантыка; моўная арыентацыя ў прасторы; мадэлі прасторы ў мове.

Образец цитирования:

Устименко Е.Г. Семантика глаголов перемещения с семой 'вниз' в русском и немецком языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;3:91–100. EDN: KYIFJV

For citation:

Ustimenko EG. Semantics of verbs of movement with the seme 'down' in Russian and German languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;3:91–100. Russian. EDN: KYIFJV

Автор:

Елена Генриховна Устименко – аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Л. А. Тарасевич.

Author:

Elena G. Ustimenko, postgraduate student at the department of theoretical and applied linguistics.
evoshhilo@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1348-7052>

SEMANTICS OF VERBS OF MOVEMENT WITH THE SEME 'DOWN' IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

E. G. USTIMENKO^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article deals with the semantics of non-prefixed intransitive verbs denoting downward movement in Russian and German languages. Quantitative asymmetry of these verbs has been established. It has been found that the information about the medium, the nature of the moving object, the characteristics of the movement process and the end point of movement is common to their semantics. The differences are established in the number of types of information presented in the semantics of one verb, as well as in the directions of modifications of semantic features representing the detected types of information.

Keywords: verbs of movement; verbs of motion; direction of movement; semantics; language orientation in space; models of space in a language.

Введение

Динамический аспект пространства как базовой мыслительной категории является языковой универсалией. Основными единицами, с помощью которых этот аспект репрезентируется в языках, служат глаголы движения. Данная лексико-семантическая группа включает глаголы перемещения (ГП), обозначающие изменение местоположения объекта или субъекта движения в пространстве [1, с. 14]. Семантика ГП неоднократно становилась объектом исследований на материале разных языков, причем особое внимание этой группе глаголов уделяется в когнитивной лингвистике [1–6]. Первоочередной задачей, решаемой в рамках данного направления, выступает установление тех характеристик движения, которые «фиксируются в значениях языковых единиц разных типов, запечатлеваясь в языковой системе» [1, с. 4]. К их числу относятся среда, способ перемещения, его скорость, зависимость или независимость и др.

Среди характеристик движения, репрезентированных в семантике ГП, следует выделить направление перемещения как его имманентный признак, что неоднократно отмечалось в разных отраслях знаний. Так, в физике под перемещением подразумевается «векторная величина... имеющая пространственное направление и числовое значение»¹. В философии движение толкуется как «перемещение кого-нибудь, чего-нибудь в определенном направлении»². Примечательно, что направление, как обязательная составляющая, необходимая для идентификации понятия «перемещение» («движение»), также указывается в лингвистических трудах [3, S. 31; 7, S. 59–60]. С точки зрения В. Г. Гака, «определить направление движения – значит указать на положение в пространстве движущегося предмета X относительно другого предмета Y» [4, с. 156–157]. Исследователь выделил два основных компонента в семантике глаголов движения: направление движения и его способ, объединение которых «делает глагол движения полноценным» [4, с. 161].

В лексическом значении ГП сема 'направление' может являться латентной и актуализироваться в виде направительной валентности с помощью предложно-падежной конструкции с пространственным значением (например, рус. *идти в магазин*³, *бежать ко мне*; нем. *aufs Land fahren* 'поехать за город', *aus dem Zimmer gehen* 'выходить из комнаты' и т. д.). Информация о направлении перемещения способна также входить в качестве ингерентной части в семантику бесприставочных глаголов либо возникать у производных приставочных глаголов в процессе словообразования. В семантике ГП содержатся сведения о шести основных пространственных направлениях: вверх (рус. *карабкаться*, *вспорхнуть*; нем. *emporfliegen* 'взлетать') и вниз (рус. *нырять*, *спускаться*; нем. *abstürzen* 'падать, срываться'), вперед (рус. *выступить*; нем. *vorrennen* 'бежать вперед') и назад (рус. *отплеснуть*; нем. *zurücklaufen* 'бежать назад'), внутрь (рус. *юркнуть*, *войти*; нем. *einreiten* 'въезжать верхом (куда-либо)') и наружу (рус. *выбежать*, *вылететь*; нем. *aussickern* 'вытекать, сочиться').

В статье представлены результаты сопоставительного анализа типов информации, репрезентированных в семантике бесприставочных непереходных глаголов, которые обозначают перемещение по направлению вниз, в русском и немецком языках. Интерес к бесприставочным ГП как к производным

¹Путь и перемещение тела [Электронный ресурс]. URL: https://questions-physics.ru/uchebniki/9_klass/put_i_peremeshchenie_tela.html (дата обращения: 12.03.2023).

²Движение // Филос.-терминол. слов. / сост. А. Ф. Малышевский. Калуга : Изд. педагог. центр «Гриф», 2004. С. 14.

³Здесь и далее полужирный курсив наш. – Е. У.

единицам вызван их центральным местом в лексической системе языка. Оно обусловлено высокой частотностью употребления ГП, их значительным деривационным потенциалом и спецификой семантики данных лексем⁴ [1, с. 14].

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются бесприставочные непереходные ГП русского и немецкого языков, обозначающие движение по направлению вниз, в их первом значении. Лексемы отбирались методом сплошной выборки из БАС, МАС⁵ и DW. В качестве источников языкового материала также использовались БТС и ТС. Применение нескольких толковых словарей для исследования ГП русского языка вызвано неоднородностью лексикографического описания, поэтому для более точного семантического анализа изучаемых глаголов автор настоящей статьи опирался на дефиниции, представленные в различных источниках.

Внимание к данной группе глаголов обусловлено ее численным преобладанием над группами бесприставочных непереходных ГП, маркирующих движение в других направлениях. Установлено, что общее количество ГП в русском языке составило 45 ед., а в немецком языке – 30 ед. Распределение ГП по группам в соответствии с обозначаемым ими направлением движения представлено в таблице.

Бесприставочные непереходные ГП с семой 'направление' в русском и немецком языках

Non-prefixed intransitive verbs of movement with the seme 'direction' in Russian and German languages

Направление перемещения	Количество, ед.	
	Русский язык	Немецкий язык
Вверх	2	5
Вниз	38	20
Вперед	–	–
Назад	2	1
Внутрь	2	2
Наружу	1	2

Как следует из таблицы, в русском языке перемещение вниз обозначают более 80 % ГП, а в немецком языке – более 65 %. Важно отметить, что в русском языке таких лексем больше, чем в немецком. Остальные направления движения представлены несколькими глаголами.

Источником материала – контекстов с анализируемыми глаголами – послужили НКРЯ и DWDS. Для выявления семантических характеристик ГП использовались метод компонентного анализа в его дефиниционной версии, метод контекстуального анализа, а также методы, применяемые для исследования пространственной семантики.

Как правило, семантика знаменательных слов (имен существительных, имен прилагательных) описывается на основе результатов анализа дефиниций и контекстуального анализа. Выявление же типов информации в пространственной семантике ГП с помощью дефиниционного анализа связано с рядом проблем: многие глаголы толкуются идентично либо мотивируются через перекрестные ссылки, не позволяющие определить их семантику. Например, в русском языке дефиниции глаголов *бахнуться* и *брякнуть* полностью совпадают («с шумом падать» (БАС)). В немецком языке глагол *klettern* «карабкаться, взбираться, лезть» имеет значение «подняться вверх, преодолевая препятствие, используя руки, ступни, ноги для удерживания, хватания» (DW). Глаголы со сходной семантикой *klimmen* и *kraxeln* толкуются через глагол *klettern* («mit [großem] Kraftaufwand in die Höhe, nach oben klettern, hinaufsteigen» 'с большой затратой сил карабкаться, подниматься вверх' (DW); «[mühsam] steigen, klettern» 'с трудом подниматься, карабкаться' (DW)). Это характерно и для многих других глаголов, обозначающих перемещение в определенном направлении. Неудовлетворительность толкования ГП, которая отмечалась еще Ч. Дж. Филлмором [8, с. 30–31], свидетельствует о недостаточной изученности типов информации, заложенных в семантической структуре данных единиц.

⁴Соболева Л. И. Денотативный прагматический анализ глаголов шума: психолингвистическое исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 1981. С. 15 ; Лещева Л. М. Связь лексических значений в семантической структуре слова: на материале имен прилагательных современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Минск, 1985. С. 2.

⁵Так как процесс издания БАС не завершен (в 2021 г. вышел том 27), для отбора материала использовался МАС.

В публикации [1] предлагается схема описания семантики базовых ГП, в которой учитываются онтологические условия процесса перемещения: его среда, характеристики перемещающегося физического объекта, разнообразные знания о мире и т. д. Рассматриваемая в настоящей статье семантическая подгруппа глаголов организуется по принципу «ядро – периферия»: центральной единицей группы базовых ГП служит глагол *идти*, обозначающий естественный способ перемещения человека по земле. Его семантику формируют такие признаки, как среда, скорость, каноническое положение человека в пространстве и др. Отклонения от параметров перемещения, задаваемых глаголом *идти*, актуализируются в семантике других глаголов через модификации названных признаков, т. е. через субпризнаки, которые позволяют уточнить и дифференцировать семантику изучаемых глаголов. Например, слово *бежать* обладает семой ‘быстрый темп’, а единица *рыскать* – семой ‘наличие цели’ и др. [1, с. 26–27].

На основании семантических признаков, выявленных в семантике базовых ГП, делается вывод о том, что в лексическом значении данных единиц содержатся три ключевых типа информации: сведения о среде перемещения, особенностях этого процесса и характере перемещающегося объекта. В ходе анализа устанавливалась представленность данных типов информации в семантике бесприставочных переходных ГП, маркирующих движение по направлению вниз.

Результаты и их обсуждение

В сравниваемых языках центральными, или, с точки зрения Л. И. Соболевой, ядерными⁶, глаголами со значением перемещения по направлению вниз являются глагол *падать* и его коррелят *fallen*. В семантике этих единиц содержатся наиболее общие компоненты, вследствие чего они с самой высокой вероятностью могут заменять другие единицы своей семантической подгруппы⁷. Результаты анализа показывают, что общая информация о перемещении по направлению вниз, заложенная в семантике названных глаголов (движение в воздухе от более высокой точки к более низкой под воздействием гравитации), модифицируется таким же образом, как и информация, содержащаяся в лексическом значении базовых ГП. Кроме того, выявлено специфичное для этой подгруппы глаголов направление модификаций – характер конечной точки перемещения.

Рассмотрим данные типы информации в каждом из сравниваемых языков. Так, в русском языке большинство ГП, обозначающих движение по направлению вниз (34 слова из 38), как и ядерный глагол *падать*, маркируют перемещение в воздухе (например, *сыпаться*, *бахнуться*, *валиться*, *капать*, *снежить*) (см. пример (1)). В свою очередь, оставшиеся лексемы (*тонуть*⁸, *нырять*, *окунуться*, *грязнуть*) указывают на перемещение в воде или иной жидкой среде (см. пример (2)).

(1) С многокилометровой высоты она **падает** чуть ли не вертикально (НКРЯ (Фаличев О. Месть «Фаворита». В ответ на удар «противника» из космоса // Воздушно-косм. оборона. 2002. № 4)).

(2) Я вообще очень люблю **нырять**, достать дно моря на глубине метров 20 – посильная для меня задача (НКРЯ (Вольский И. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? 1994)).

В семантике 15 из 38 рассматриваемых глаголов актуализируется информация о характере перемещающегося объекта. Так, 7 слов (*кануть*⁹, *капать*, *литься*, *струиться*, *течь*, *хлынуть*, *цедиться*) обозначают движение вниз жидкости, 4 лексемы (*крапать*, *моросить*, *порошить*, *снежить*) – осадков и 2 глагола (*сыпаться*, *труситься*) – объектов с нежесткой структурой. Слово *парашютировать* именует перемещение летательных средств, а лексема *валиться* – тяжелых объектов. Характер перемещающегося объекта предопределяет другие особенности перемещения, информация о которых отразилась в семантике глаголов. Рассмотрим их подробнее.

Результаты анализа дефиниций показали, что в значении ряда лексем актуализируется форма перемещающегося объекта. Так, глаголы *кануть* и *капать* указывают на движение жидкости в виде капли, а слова *литься*, *струиться*, *течь* и *цедиться* – в форме струи (см. примеры (3)–(6)).

(3) Дождевая **вода капает** мне прямо на кровать! (НКРЯ (Коллекция анекдотов: гостиница. 1970–2000)).

(4) Другие студенты рассказывали, как ночью видели сгустившиеся пространства, как кран в ванной сам открывался и **вода** начинала **литься**, как хлопали двери и доносились странные звуки (НКРЯ (Головина К., Кожурина Е. Япония: нестандартный путеводитель. 2006)).

(5) По лицу и спине начинает **струиться влага** (НКРЯ (Яхина Г. Зулейха открывает глаза. 2015)).

⁶Соболева Л. И. Денотативный прагматический анализ глаголов шума... С. 6.

⁷Там же. С. 14–15.

⁸Любопытно, что в немецком языке глагол *ertrinken*, коррелят глагола *тонуть*, является приставочным и обладает прозрачной внутренней мотивацией: слово *ertrinken* дословно означает «запиваться, захлебываться».

⁹Данный глагол в первом значении маркируется как устаревший (МАС).

(6) – *Злые слезы уже текли по Таниному лицу* (НКРЯ (Улицкая Л. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый мир. 2000. № 8–9)).

В семантике глагола *цедиться*, помимо информации о форме перемещающейся жидкости, содержатся сведения о движении жидкости через препятствие, как правило сквозь тонкую ткань, для ее очищения («литься через сито, тонкую ткань, очищаясь от каких-нибудь частиц» (ТС)).

Между тем с помощью глагола *хлынуть* подчеркивается интенсивность перемещения жидкости («начать литься с силой, потоком» (БТС; МАС; ТС)) (см. пример (7)).

(7) *Вот-вот, наверно, должен был хлынуть теплый крупный летний дождик* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Хранитель древностей. Ч. 2. 1964)).

Семы ‘размер перемещающегося объекта’, ‘форма перемещающегося объекта’ и ‘интенсивность перемещения’ содержатся в семантике ГП, именующих выпадение осадков (снега, дождя). Так, глагол *крапать* обозначает «падать мелкими редкими каплями» (БТС; МАС), а единица *моросить* – «идти, падать очень мелкими частыми каплями» (МАС). В отличие от семантики слова *снежить* в семантике лексемы *порошить* актуализируется информация о движении мелкого снега.

В свою очередь, сема ‘множественность перемещающегося объекта’ содержится в значении лексем *сыпаться* и *труситься*, называющих движение, как правило, вещественных объектов с нежесткой структурой (см. примеры (8)–(9)).

(8) *Сахарный песок так из нее и сыпался* (НКРЯ (Грекова И. Перелом. 1987)).

(9) *Сено трусится* (БТС).

Глагол *парашютировать* обозначает перемещение с помощью соответствующего средства, вследствие чего скорость движения замедляется («опуститься (опускаться), летя с предельно малой скоростью (о самолете, аэростате и т. п.)» (МАС)).

Информация о тяжелом объекте перемещения содержится в семантике глагола *валиться*, о чем свидетельствуют результаты анализа имен перемещающихся объектов, а также присутствие оператора «тяжелый» в контекстах с данным словом и его несочетаемость с оператором «легкий» (см. пример (10)).

(10) *С дерева, под которым мы сидели на скамейке, все время валились тяжелые, как ртуть, зеленые гусеницы* (НКРЯ (Нагибин Ю. М. Дневник. 1971)).

В обобщенном виде модификации семантики ГП, уточняющие информацию о характере объекта перемещения, представлены на рис. 1.

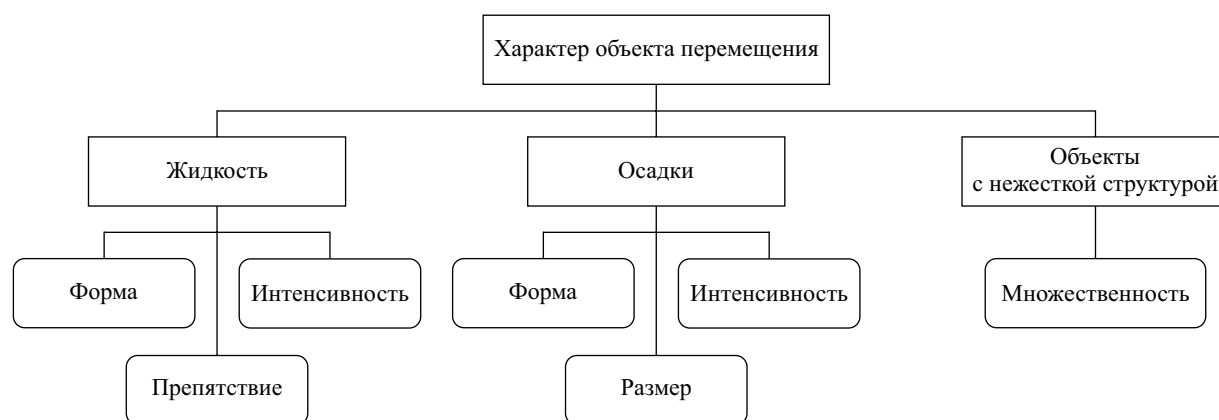

Рис. 1. Модификации семантики ГП, уточняющие информацию о характере объекта перемещения

Fig. 1. Modifications of the semantics of the verbs of movement clarifying information about the nature of the object of movement

Рассмотрим особенности семантики ГП, характеризующие процесс перемещения. В ней отражается информация о таких параметрах этого процесса, как звук, причина, большая высота, скорость, произвольность или непроизвольность, а также время.

Сема ‘перемещение, сопровождающееся звуком’ присуща значениям 15 из 38 глаголов (*бабахнуться*, *бахнуться*, *бацнуться*, *брякнуть*, *бухнуть*, *бултыхнуться*, *грохнуть*, *ляпнуться*, *плюхнуться*,

рухнуть, тарарахнуться, ухнуть, шлепаться, шмякаться, хлопнуться). Во всех случаях речь идет о звуке, который возникает в результате контакта с конечной точкой перемещения. С помощью глагола называется специфический звук, обусловленный особенностями объекта перемещения либо этого контакта.

Слова *бабахнуться, бахнуть, бацнуться, бухнуться* и *тарарахнуться* являются близкими синонимами, однако результаты контекстуального анализа позволяют дифференцировать их значение на уровне тенденций употребления. Данные лексемы именуют перемещение, сопровождающееся сильным отрывистым звуком, который вызван падением тяжелого объекта, как правило человека¹⁰ (см. примеры (11)–(12)).

(11) *Зрелище не для слабонервных: ой, неужели актрису Татьяну Догилеву или синхронистку Машу Киселеву не удержат и бедняги все-таки бабахнутся на лед?* (НКРЯ (Долгополов Н. Междусобойчик на коньках // Труд-7. 23 авг. 2006)).

(12) – *Сейчас посмотрю, – ответила девочка и бухнулась на пол* (НКРЯ (Трауб М. Домик на Юге. 2009)).

Глагол *ляпнуться* передает информацию о звуке, возникающем в результате контакта большой площади субъекта с конечной точкой перемещения (см. пример (13)). В семантике единицы *ухнуться* указывается на перемещение, сопровождающееся глухим звуком, при этом конечной точкой выступает обычно своеобразное углубление (см. пример (14)).

(13) *Прохор ударил сапогом в бархатное брюхо, купец ляпнулся пластом, а простоволосый, без шляпы, Прохор, пробежав квартал, упал в пролетку, крикнул...* (НКРЯ (Шишков В. Я. Угрюм-река. Ч. 5–8. 1913–1932)).

(14) *Наоборот, создано полное ощущение, что ангел ухнулся в жуткую пропасть* (НКРЯ (Москвина М. Небесные тихоходы: путешествие в Индию. 2003)).

Лексема *грохнуться* употребляется преимущественно в контекстах, в которых делается акцент на падении с большой высоты (см. пример (15)) либо указывается его причина (см. пример (16)).

(15) *Грохнулся же он с третьего этажа в двадцать один десяток* (НКРЯ (Азольский А. Облдрамтеатр // Новый мир. 1997. № 1)).

(16) *Едва он заговорил, Саша от неожиданности чуть не грохнулся на землю* (НКРЯ (Саломатов А. Наши соседи // Наука и жизнь. 2006. № 4)).

С помощью слова *рухнуть* описывается перемещение по направлению вниз, сопровождающееся звуком, в результате чего объект разрушается. Чаще всего в качестве подобных объектов выступают здания и сооружения, например стена, дом, пирамида и др. (см. пример (17)). Результаты анализа контекстов с данным глаголом показали, что он также может обозначать изменение положения объекта с вертикального на горизонтальное (см. пример (18)).

(17) *Но когда упала крыша и рухнули стены, все говорят, что его нужно было, оказывается, ремонтировать* (НКРЯ (Михайлов Е. Издательство «Наука» на грани закрытия. Что произошло? // Афиша Daily. 2018. 13 июля)).

(18) *Он вскочил с постели и сразу же рухнул опять* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. Ч. 3. 1978)).

В семантике глаголов *шлепаться* и *шмякаться* указывается на перемещение чаще всего чего-либо жидкого (например, капель), мягкого (яблок, слив, блинов, комков каши и др.), скользкого (лягушек, змей, рыб и др.) либо человека в воду, на сыпучую или вязкую поверхность (песок, грязь и др.) (см. примеры (19)–(20)).

(19) *Один за другим шлепаются на блюдо блины – тонкие, кружевные, нарядные, любо-дорого поглядеть* (НКРЯ (Семенова М. Волкодав: знамение пути. 2003)).

(20) *Поредевшие кофейные капли шмякаются ему на загривок* (НКРЯ (Петросян М. Дом, в котором... 2009)).

В дефиниции глагола *хлопнуться* отсутствует указание на перемещение, сопровождающееся звуком. Однако результаты анализа контекстов показали, что данный семантический признак актуализируется в его значении (см. пример (21)).

(21) *Тут гитара со страшным звоном хлопнулась на каменный пол, но, кажется, не раскололась* (НКРЯ (Климонтович Н. Дорога в Рим. 1991–1994)).

¹⁰Глаголы *бабахнуться, бахнуть, бацнуться* и *тарарахнуться* являются малоупотребительными, в исследовании учтены все доступные примеры с ними.

Сема 'скорость перемещения' содержится в толковании лексем *хлобыстнуться*, *хлопнуться* и *шваркнуться*, о чем свидетельствует наличие в их дефинициях операторов «стремительно», «с размахом» (МАС).

Информация о произвольном или непроизвольном перемещении вниз в водной среде актуализируется в семантике глаголов *окунуться*, *нырять* и *тонуть*. Единицы *окунуться* и *нырять* описывают произвольное, контролируемое перемещение объекта, а лексема *тонуть* наоборот [1].

В лексическом значении глагола *окунуться* содержится сема 'время перемещения' («погрузиться в жидкость на некоторое (обычно короткое) время» (МАС)).

Непроизвольное погружение во что-либо вязкое, сыпучее, например в грязь, лужу или снег, именуется посредством глагола *грязнуть* (МАС).

В обобщенном виде модификации семантики ГП, уточняющие информацию о характеристиках процесса перемещения, представлены на рис. 2.

Рис. 2. Модификации семантики ГП,
уточняющие информацию о характеристиках процесса перемещения

Fig. 2. Modifications of the semantics of the verbs of movement
clarifying information about the characteristics of the process of movement

Сведения о характере конечной точки перемещения обнаруживаются в семантике таких единиц, как *брякнуться*, *бултыхнуться*, *плюхнуться* и *хлопнуться*. Глагол *брякнуться* обозначает перемещение на твердую поверхность. Конечной точкой перемещения, которая специфицируется в семантике лексем *бултыхнуться*, *плюхнуться* и *хлопнуться*, является чаще всего что-либо жидкое или вязкое (см. примеры (22)–(23)).

(22) *Вот он вылез из портфеля, увидел, как камушек **плюхнулся в воду**, и побежал* (НКРЯ (Чарушин Е. И. Тюпа. Томка и сорока. 1946)).

(23) *Вслед за осиной полетело в грязь и трухлявое бревно. Тяжело **хлопнулся туда же** гнилой пенёк* (НКРЯ (Гайдар А. П. Голубая чашка. 1935)).

Таким образом, данный тип информации имеет наименьшее количество модификаций, что объясняется деятельностным опытом человека.

Рассмотрим глаголы, обозначающие процесс перемещения вниз, в немецком языке. Результаты анализа их семантики показывают, что они передают те же типы информации, что и глаголы русского языка. Существенные отличия обнаруживаются в направлениях модификаций признаков, репрезентирующих данные типы информации, а также в их представленности в семантике отдельных глаголов.

Так, информация о среде перемещения выявлена в семантике 18 из 20 лексем. В частности, 16 глаголов обозначают перемещение вниз в воздухе (например, *hageln* 'идти (о граде)', *nieseln* 'моросить', *stürzen* 'свалиться; падать' и др.), 1 слово маркирует прохождение этого процесса в жидкости (*tauchen* 'нырять, окуна́ться, погружаться') и 1 номинация – на земле (*rodeln* 'кататься на санях с гор'). Между тем единицы *sinken* 'падать, опускаться' и *sacken* 'опускаться' являются нейтральными по отношению к отображению параметра среды перемещения (см. примеры (24)–(27)).

(24) *Der Wassereintrich war jedoch so stark, dass das **Schiff sank*** 'Однако затопление было настолько сильным, что корабль затонул'¹¹ (DWDS (Berliner Zeitung. 10 Feb. 1995)).

(25) *Der Vater **sank** in seinen Stuhl* 'Отец опустился на стул' (DWDS (Widmer U. Das Buch des Vaters. 2004)).

(26) *Plump **sackt** der Körper unter gezogenen Gewehrläufen auf den trockenen Asphalt* 'Тело неуклюже опускается на сухой асфальт под нарезными стволами винтовок' (DWDS (Die Zeit. 3 Dez. 2015)).

(27) *Doch gleich darauf **sackte** er wieder in den Schnee, die Beine gehorchten ihm nicht* 'Но тут же увяз в снегу: ноги совсем не слушались' (НКРЯ (Sorokin V. Der Schneesturm. 2010)).

¹¹Здесь и далее перевод наш. – Е. У.

Как и в русском языке, в немецком языке информация о характере объекта перемещения содержится в семантике ГП, обозначающих движение жидкости (*klecken* ‘шлепаться, падать с шумом’, *tröpfeln* ‘капать’, *tropfen* ‘капать; стекать по капле’), осадков (*nieseln* ‘моросить’, *pieseln* ‘моросить’, *pflatschen* ‘плескать, лить’, *plästern* ‘лить (о дожде)’, *pladdern* ‘стучать, лить (о дожде)’, *hageln* ‘идти (о граде)’, *regnen* ‘идти (о дожде)’, *schneien* ‘сыпаться, падать (как снег)’). Кроме того, в данную подгруппу входят слово *rodeln* ‘кататься на санях с гор’, в семантике которого актуализируется информация о средстве перемещения, и лексема *stürzen* ‘свалиться; падать’, указывающая на движение тяжелых объектов. В отличие от русского языка в немецком языке не выявлены непереходные глаголы, именующие перемещение вниз объектов с нежесткой структурой.

В семантике глагола *klecken*¹² ‘шлепаться, падать с шумом’, помимо информации о движении жидкости, актуализируется сема ‘перемещение, сопровождающееся звуком’ («(von Flüssigkeiten) geräuschvoll fallen» ‘(о жидкостях) с шумом падать’ (DW)).

Единицы *tröpfeln* ‘капать’ и *tropfen* ‘капать; стекать по капле’ обозначают движение жидкости в виде капли (см. примеры (28)–(29)). В семантике глагола *tröpfeln* обнаруживаются семы ‘размер перемещающегося объекта’, ‘интенсивность перемещения’ и ‘скорость перемещения’ («in kleinen Tropfen schwach [und langsam] niederfallen oder an etwas herabrinnen» ‘мелкими каплями слабо [и медленно] падать или на что-либо стекать’ (DW)).

(28) *Das Schwein fällt um, Blut tröpfelt aus der Schnauze* ‘Свинья падает, с ее морды капает кровь’ (DWDS (Zeit Magazin. 26 März. 2015)).

(29) *Flüssige Farbe wird ohne Hilfe eines Pinsels auf die Leinwand getropft* ‘Жидкая краска капает на холст без помощи кисти’ (DWDS (Der Tagesspiegel. 25 Aug. 2004)).

В немецком языке, как и в русском языке, семы ‘форма перемещающегося объекта’, ‘размер перемещающегося объекта’ и ‘интенсивность перемещения’ содержатся в значениях глаголов, описывающих движение осадков. Так, слова *nieseln* ‘моросить’ и *pieseln* ‘моросить’ указывают на перемещение мелких и густо падающих дождевых капель, а номинации *pflatschen* ‘плескать, лить’, *plästern* ‘лить (о дожде)’ и *pladdern* ‘стучать, лить (о дожде)’ – крупных и интенсивных капель. В семантике последнего глагола содержится информация о перемещении, сопровождающемся звуком. В значении лексем *hageln* ‘идти (о граде)’, *regnen* ‘идти (о дожде)’ и *schneien* ‘сыпаться, падать (как снег)’ акцентируется характер осадков.

Сведения о средстве перемещения (сани) актуализируются в семантике глагола *rodeln* ‘кататься на санях с гор’ («mit dem Schlitten einen Hang hinunterfahren» ‘спуститься на санках со склона’ (DW)).

Движение, как правило, тяжелого объекта обозначается с помощью слова *stürzen* ‘свалиться; падать’ (см. примеры (30)–(31)) [7, S. 58].

(30) *Die Hänge erodieren, Bäume stürzen in den Fluss* ‘Склоны размываются, деревья валяются (падают) в реку’ (DWDS (Die Zeit. 13 Nov. 2017)).

(31) *Rechts neben dem Fenster stürzt der Fels Hunderte Meter ins Meer* ‘Справа от окна скала падает на сотни метров в море’ (DWDS (Die Zeit. 30 Okt. 2017)).

В отличие от русского языка, характеризующегося специализацией ГП на определенном типе информации, в немецком языке в семантике ГП комбинируются два типа информации: сведения о характере объекта перемещения и особенностях этого процесса (рис. 3).

Рассмотрим семантику глаголов, обозначающих процесс перемещения. В их значении отражаются такие характеристики, как звук, способ и произвольность.

Сема ‘перемещение, сопровождающееся звуком’ актуализируется в значении глаголов *klecken* ‘шлепаться, падать с шумом’, *pladdern* ‘стучать, лить (о дожде)’ и *plumpsen* ‘шлепнуться, плюхнуться, бултыхнуться’. Характер звука зависит от перемещающегося объекта (жидкости, артефакта, живого существа), а также от конечной точки перемещения. В семантике лексемы *pladdern* содержится информация о движении, сопровождающемся барабаниющим звуком, который возникает в результате соприкосновения осадков с твердой поверхностью (см. пример (32)). Глагол *plumpsen* обозначает перемещение объекта на жидкую или твердую поверхность, которое происходит одновременно с глухим либо шлепающим звуком (см. примеры (33)–(34)).

(32) *Klingelt der Wecker, pladdert der Regen aufs Dach, dieseln die Maschinen hoch* ‘Звонит будильник, бьет по крыше дождь, набирают обороты двигатели’ (DWDS (Die Zeit. 23 Dez. 2008)).

¹²Данный глагол является устаревшим (DWDS).

(33) *250 Kilometer vor der Küste soll sie schließlich – am Fallschirm hängend – ins Meer plumpsen* ‘Наконец, в 250 километрах от берега она должна, свисая с парашюта, плюхнуться в море’ (DWDS (Berliner Zeitung. 26 Okt. 2005)).

(34) *Nach 58 Metern plumpste Sven Hannawald auf den Boden* ‘Через 58 метров Свен Ханнавальд шлепнулся на землю’ (DWDS (Der Tagesspiegel. 28 Dez. 2002)).

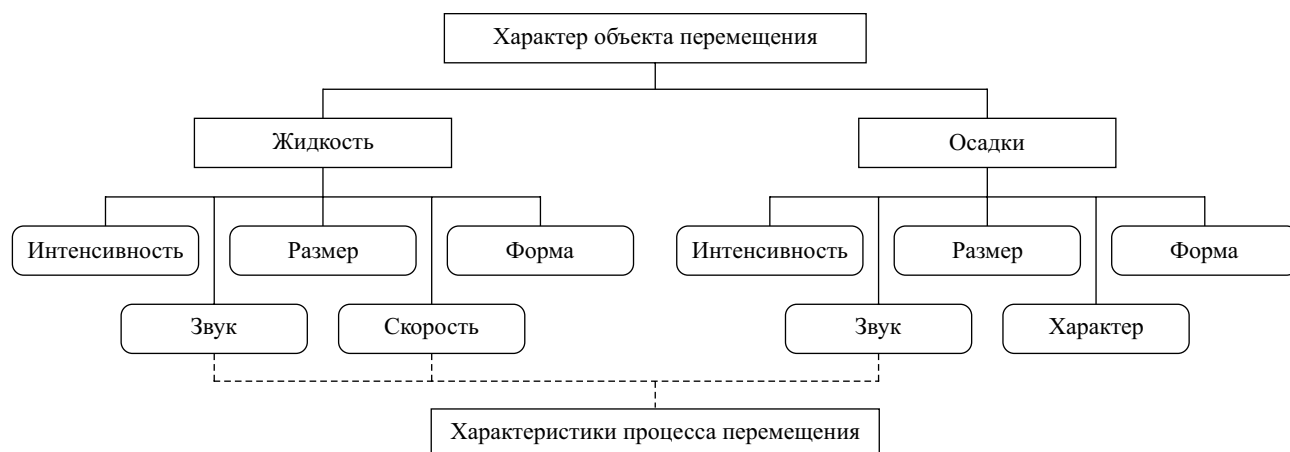

Рис. 3. Комбинация информации о характере объекта перемещения и сведений об особенностях этого процесса в семантике ГП

Fig. 3. A combination of information about the nature of the object of movement and data about characteristics of this process in the semantics of the verbs of movement

В семантике единицы *purzeln* ‘лететь кувырком, падать’ актуализируется сема ‘особый способ перемещения’ («[sich überschlagend] [hin] fallen» ‘переворачиваясь, падать’ (DW)).

Между тем сема ‘произвольность перемещения’ содержится в лексическом значении глагола *tauchen* ‘нырять, окуна́ться, погружа́ться’ (см. пример (35)).

(35) *Gut 50 Kilometer schwimmen sie dafür jeden Tag hin und her und tauchen bis zu 30 Meter in die Tiefe* ‘Каждый день они проплывают добрых 50 километров туда и обратно и ныряют на глубину до 30 метров’ (DWDS (Die Zeit. 21 Dez. 2017)).

Сведения о характере конечной точки перемещения присутствуют в семантике глагола *landen* ‘приземляться’. Он обозначает перемещение объекта на твердую поверхность (см. пример (36)).

(36) *Um 16.13 Uhr landete der grau-weiß lackierte Airbus A-319 aus Katars Hauptstadt Doha in Tegel* ‘В 16:13 серо-белый самолет Airbus A-319 из столицы Катара Дохи приземлился в Тегеле’ (DWDS (Berliner Zeitung. 16 Dez. 2005)).

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что сравниваемые языки обнаруживают ряд существенных отличий на уровне субпризнаков, детализирующих основные типы информации, которые отражаются в семантике бесприставочных непереходных ГП, обозначающих перемещение вниз.

Заключение

В ходе семантического анализа бесприставочных непереходных глаголов, обозначающих перемещение по направлению вниз, в русском и немецком языках выявлены как общие, так и специфические характеристики их семантики. В обоих языках представлены одни и те же типы информации в значении исследуемых ГП: сведения о среде, характере перемещающегося объекта, особенностях процесса перемещения и его конечной точке. В сравниваемых языках различия наблюдаются в количестве ГП, а также в направлениях модификаций признаков, репрезентирующих данные типы информации. Установлено, что как в русском, так и в немецком языке большинство исследуемых глаголов описывают перемещение в воздухе. В семантике данных глаголов актуализируется информация о перемещении жидкости, осадков и объектов с нежесткой структурой. В отличие от русского языка в немецком языке обнаружены 2 глагола, являющиеся нейтральными по отношению к отображению параметра среды, и 1 глагол, обозначающий перемещение по земле. В русском языке более детально членится информация о перемещении

жидких объектов (7 глаголов) и движении, сопровождающемся звуком (15 глаголов), а в немецком языке дифференцируются сведения о перемещении осадков (8 глаголов). По сравнению с русским языком в немецком языке выявлена такая характеристика процесса перемещения, как его способ. Количество глаголов, используемых для обозначения движения по направлению вниз, и детальность членения информации об этом фрагменте внеязыковой действительности в сравниваемых языках свидетельствуют о значимости данного процесса для пространственного опыта человека.

Сокращения

DW – Duden Onlinewörterbuch [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.duden.de> (Datum der Bewerbung: 01.03.2023) ;
DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.dwds.de/d/woerterbuecher> (Datum der Bewerbung: 01.04.2023) ; **БАС** – Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / ред. Л. И. Балахонova. М. : СПб. : Наука, 2004–2021. 27 т. ; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка : А – Я / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. ; **МАС** – Малый академический словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. 4 т. ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2023) ; **ТС** – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Технологии, 2003. 944 с.

Библиографические ссылки

1. Набати Ш, Тарасевич ЛА, Харитончик ЗА. *Персидско-русские корреляты в системе базовых глаголов перемещения*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2016. 154 с.
2. Yoshihiko Ikegami. *The semiological structure of the English verbs of motion*. New Haven: Yale University Press; 1969. 127 p.
3. Diersch H. *Verben der Fortbewegung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Eine Untersuchung zu syntagmatischen und paradigmatischen Beziehungen des Wortinhalts*. Berlin: Akademie-Verlag; 1972. 221 S. (Abhandlungen der Sachsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse; Band 62, Heft 3).
4. Гак ВГ. *Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков*. Москва: Международные отношения; 1977. 264 с.
5. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: Shopen T, editor. *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press; 1985. p. 57–149.
6. Майсак ТА, Рахилина ЕВ. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения. В: Арутюнова НД, Шатуновский ИБ, редакторы. *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна»; 1999. с. 53–66.
7. Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und im Englischen*. Heidelberg: Quelle und Meyer Verlag; 1971. 141 S.
8. Филлмор ЧДж. Об организации семантической информации в словаре. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1983;14:23–60.

References

1. Nabati Sh, Tarasevich LA, Kharitonchik ZA. *Persidsko-russkie korrelyaty v sisteme bazovykh glagolov peremeshcheniya* [Persian-Russian correlates in the system of basic movement verbs]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2016. 154 p. Russian.
2. Yoshihiko Ikegami. *The semiological structure of the English verbs of motion*. New Haven: Yale University Press; 1969. 127 p.
3. Diersch H. *Verben der Fortbewegung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Eine Untersuchung zu syntagmatischen und paradigmatischen Beziehungen des Wortinhalts*. Berlin: Akademie-Verlag; 1972. 221 S. (Abhandlungen der Sachsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse; Band 62, Heft 3).
4. Gak VG. *Sopostavitel'naya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative lexicology: based on the French and Russian languages]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1977. 264 p. Russian.
5. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: Shopen T, editor. *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press; 1985. p. 57–149.
6. Maisak TA, Rakhilina EV. Semantics and statistics: the verb *idti* ('go') against the background of other motion verbs. In: Arutyunova ND, Shatunovskii IB, editors. *Logical analysis of language. The languages of the dynamic world*. Dubna: Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»; 1999. p. 53–66. Russian.
7. Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und im Englischen*. Heidelberg: Quelle und Meyer Verlag; 1971. 141 S.
8. Fillmore CJ. [On the organisation of semantic information in the dictionary]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1983;14:23–60. Russian.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023.
Received by editorial board 13.09.2023.

Р

ЕЦЕНЗИИ

Р

ЭЦЭНЗІІ

R

EVIEWS

Дятко Д. В. **Белорусская лингвистическая терминология** : монография / Д. В. Дятко. Рига : BVKI, 2023. 780 с. (на белорус.).

Дзятко Д. В. **Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія** : манаграфія / Д. В. Дзятко. Рыга : BVKI, 2023. 780 с.

Dziatko D. V. **Belarusian linguistic terminography** : monograph / D. V. Dzyatko. Riga : BVKI, 2023. 780 p. (in Belarus.).

Манаграфія Д. В. Дятко знаходзіцца ў шэрагу актуальных для сучаснага тэрміназнаўства даследаванняў, абумоўленых тым, што навука ХХІ ст. патрапіла ў «тэрміналагічную пастку», па вобразным і вельмі трапным вызначэнні вядомага расійскага нейралінгвіста доктара філалагічных і біялагічных навук Т. В. Чарнігаўскай. Пастаяннае пашырэнне сферы навуковага пазнання прыводзіць да некантраляванага павелічэння колькасці агульнанавуковай і галіновай тэрміналогіі, якая фіксуецца (але далёка не ў поўным аб'ёме) у шматлікіх тэрміналагічных слоўніках і энцыклапедыях. Большая іх частка пабудавана без уліку класічных прынцыпаў арганізацыі акадэмічных тэрмінаграфічных выданняў. Колькасны рост тэрмінаў – натуральны і неабходны вынік развіцця навукова-тэхнічнага прагрэсу, аднак, акрамя ўзнікнення тэрмінаў, неабходных для намінацыі новых навуковых аб'ектаў, нарастае лавіна тэрміналагічных абазначэнняў, вынайздзеных выключна па той прычыне, што аўтары «хочут свою образованность показать» (А. П. Чэхаў). Можна прывесці адпаведныя прыклады з часопісаў і дысертацый апошніх двух гадоў: *граматыка-арфаэпічны комплекс слова, іншакультурныя дзеянні, кінаадаптацыя* (замест *экранізацыя*), *камунікант*

(замест *суразмоўца*), *міжкультурны камунікант* (замест *перакладчык*), *партнёр па міжкультурных зносінах*, *канцэпт грамадства спажывання*, *лексічныя групоўкі* (замест *тэматычныя групы слоў*), *неблізкароднасныя мовы*, *неалагізацыя мовы і маўлення*, *агульнаўжывальная мова і яе іншамоўныя версіі*, *рэцыпіент* (замест *чытач*), *эвалютыўная юрыдызацыя лексікі*, *элімінаванне* (замест *запаўненне*) *лакун у лексічным складзе і інш.*

Гэта прыводзіць да ўзнікнення тэрміналагічных сінонімаў (напрыклад, класічнымі з'яўляюцца тэрміналагічныя сінонімы *мовазнаўства – лінгвістыка, параўнальна-гістарычнае мовазнаўства – кампаратывістыка, націск – акцэнт, прыстаўка – прэфікс, словаўтваральнае гняздо – дэрывацыйнае гняздо – эпідыгматычнае гняздо, злучальная галосная – інтэрфікс, назоўны склон – намінатыў*), узнікненне якіх гістарычна абумоўлена працэсамі канструявання тэрмінаў з выкарыстаннем міжнародных старажытнагрэчаскіх і лацінскіх каранёў, а таксама да з'яўлення тэрмінаў на аснове спрадвечнай лексікі і больш позніх запазычанняў з адной еўрапейскай мовы ў іншую. Само паняцце «навуковы тэрмін» лагічна выключае наяўнасць абсалютных сінонімаў, але яго ўжыванне можа быць апраўдана ў адносінах да тэрміналагічных сістэм, якія склаліся да сярэдзіны ХХ ст., да зараджэння самастойнай галіны навукі – тэрміназнаўства. Больш за тое, гэта частка тэрміналагічных сістэм прынята навуковай супольнасцю і адлюстравана ў класічных энцыклапедыях і слоўніках, у прыватнасці ў такіх знакавых і да нашага часу актуальных выданнях, як выданні Ф. А. Брокгауза і І. А. Эфрона «Энциклопедический словарь»¹, В. С. Ахманавай «Словарь лингвистических терминов»², энцыклапедыя «Русский

¹Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 41 (+2) т. СПб. : Издат. об-во «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1890–1907. 41 (+2) т.

²Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энцикл., 1966. 576 с.

язык»³, энцыклапедычны слоўнік «Языкознание»⁴. Аднак штучнае і нічым не апраўданае стварэнне сінанімічных радоў, якія складаюцца з тэрміналагічных «навадзелаў», толькі абцяжарвае разуменне навуковых і навукова-вучэбных тэкстаў і зацягвае іх сэнс. Можна прывесці тэрміналагічныя «знаходкі» ў абазначэнні аморфных моў: *ізалюючыя, бясформенныя, каранёвыя, корнеізалюючыя, аднаскладовыя*.

У сувязі з гэтым ні ў каго не ўзнікае сумненняў у настойлівай неабходнасці:

- фарміравання вычарпальных корпусаў галіновых тэрміналогій;
- тэматычнай сістэматызацыі тэрмінаў;
- выяўлення сінанімічных радоў і строгай каліграфічнай тэрмінаў з прамой забаронай ужывання неапраўданых неалагізмаў (нарматыўная тэрміналагічная цэнзура).

Названыя задачы не могуць быць вырашаны без лексікаграфічнага апісання тэрмінаў, якое патрабуе стварэння тэорыі тэрмінаграфіі, складання наменклатурнага рэестра неабходных тэрміналагічных слоўнікаў для навуковых і вучэбных мэт, падрабязнага апісання жанраў і структурных параметраў такіх слоўнікаў (што, у сваю чаргу, немагчыма без аналізу нацыянальных і міжнародных традыцый тэрмінаграфіі ў цэлым і лінгвістычнай тэрмінаграфіі ў прыватнасці), інвентарызацыі і тыпалагізацыі наяўнага арсенала тэрміналагічных слоўнікаў, дэталёвага даследавання іх мега- і мікраструктуры, апісання асаблівасцей падачы тэрмінаў і іх дэфініцый.

Гэтыя задачы кваліфікавана рашаюцца ў манаграфіі Д. В. Дзятко, якая складаецца з сямі ўзаемадапаўняльных раздзелаў («Тэарэтычныя аспекты сістэмнай параметрызацыі тэрмінаў», «Генезіс і традыцыі беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі», «Мегаструктура беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў», «Макраструктура беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў», «Метаструктура беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў», «Мікраструктура беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў», «Тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў»), а таксама з інавацыйнага аўтарскага слоўніка тэрмінаў лінгвістычнай тэрмінаграфіі і матэрыялаў для тэрміналагічнага кантыненту, заснаванага на ўнікальнай базе даных аб'ёмам у 1170 старонак машынапіснага тэксту (электронны дадатак). База даных, з аднаго боку, з'яўляецца пераканаўчым доказам прадстаўленых у манаграфіі тэарэтычных палажэнняў, а з другога боку (лічу гэта найбольш важным), можа служыць матэрыялам для далейшых тэарэтычных і прыклад-

ных даследаванняў, складання агульных і галіновых тэрміналагічных слоўнікаў, якія адпавядаюць строгаму крытэрыю структурнай арганізацыі і, самае галоўнае, адрозніваюцца поўным рэестрам базавай або галіновай тэрміналогіі.

У рэцэнзаванай манаграфіі пераканаўча і доказна зроблена наступнае:

- выяўлены і апісаны панарамна- і юнітыўна-дэскрыптыўны тыпы тэрмінаграфічнага дыскурсу (пры гэтым аптымальным прызнаецца іх разгляд па мадэлі *мэта слоўніка – рэестр слоўніка – форма слоўніка*), прыярытэтныя напрамкі і нераспрацаваныя аспекты тэорыі тэрмінаграфіі;

- уведзена паняцце «нацыянальная тэрмінаграфічная традыцыя» з прадстаўленнем гісторыі і тыпалогіі беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі на шырокім фоне еўрапейскіх (англійскіх, аўстрыйскіх, венгерскіх, нямецкіх, дацкіх, іспанскіх, літоўскіх, нідэрландскіх, польскіх, расійскіх, славацкіх, славенскіх, украінскіх, харвацкіх, фінляндскіх, французскіх, чэшскіх, швейцарскіх, шведскіх) і амерыканскіх слоўнікаў і энцыклапедыяў лінгвістычных тэрмінаў;

- распрацаваны механізмы ацэнкі рэестравай паўнаты тэрміналагічнага слоўніка;

- на аснове аналізу кампазіцыйных асаблівасцей беларускіх і ўсходнеславянскіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў устаноўлены базавыя параметры мадэлявання тэрмінасістэмы, найважнейшыя тэрмінаграфічныя кластары на ўзроўні мегаструктуры слоўніка з выяўленнем функцыянальнай нагрукі яе кампанентаў;

- устаноўлены і ўпарадкаваны метамоўныя сродкі тэрмінаграфічнай параметрызацыі і намінацыі адносінаў паміж адзінкамі ў слоўніках лінгвістычных тэрмінаў, у тэорыю і практыку тэрмінаграфіі ўведзены неабходныя тэрміналагічныя абазначэнні, сістэмна прадстаўлены ў аўтарскім слоўніку тэрмінаў лінгвістычнай тэрмінаграфіі, які з'яўляецца самастойным навуковым даследаваннем;

- распрацаваны матрыцы для складання тэрміналагічных слоўнікаў на аснове ўсебаковага вывучэння, каталагізацыі і сістэматызацыі існуючага на дадзены момант корпуса беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў з падрабязным апісаннем структурных кампанентаў такіх слоўнікаў.

Нягледзячы на тое што фарміраванне лінгвістычнай тэрміналогіі было пачата яшчэ старажытнагрэчаскімі граматыстамі і філосафамі, корпус сучаснай лінгвістычнай тэрміналогіі патрабуе ўпарадкавання і строгай сістэматызацыі, ліквідацыі дублетнасці, «старой» сінаніміі і папярэджання

³Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Совет. энцикл., 1979. 431 с. ; Русский язык : энцикл. / под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 2003. 703 с. ; Русский язык : энцикл. / гл. ред. А. М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Словари XXI в. : АСТ-пресс школа, 2020. 902 с.

⁴Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 682 с.

«новой» сінаніміі, якая ўзнікае спантанна, а часам і мэтанакіравана ўводзіцца даследчыкамі.

Каталагізацыя і сістэматызацыя тэрміналогіі, а таксама тэарэтычнае асэнсаванне тэрміназнаўства і тэрмінаграфіі пачаліся ў сярэдзіне XX ст. у Амерыцы, краінах Еўропы і Азіі, пра што падрабязна напісана ў манаграфіі з прыцягненнем вялікага корпуса бібліяграфічных апісанняў (596 адзінак на 20 мовах у спісе літаратуры). Гэта, з аднаго боку, сведчыць аб найвышэйшай ступені актуальнасці манаграфіі, а з другога боку, ставіць перад навуковай супольнасцю задачу складання па магчымасці поўных і несупярэчлівых тэрміналагічных слоўнікаў (аднамоўных, двухмоўных і шматмоўных), на аснове якіх можна пабудаваць універсальныя слоўнікі любой навуковай галіны.

Амаль адначасова такую працу пачалі беларускія, расійскія і ўкраінскія лексікографы. Дастаткова назваць работы В. Д. Старычонка «Большой лингвистический словарь»⁵, В. К. Шчэрбіна «Белорусская лексикографическая традиция: история и современность»⁶, А. С. Герда «Прикладная лингвистика»⁷, С. В. Грынёва-Грыневича «Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь»⁸, С. У. Леснікова «Словарь русских словарей» (і створаны пад яго кіраўніцтвам у Інстытуце лінгвістычных даследаванняў РАН гізаўрус метамовы лінгвістыкі)⁹, С. Д. Шэлава «Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения»¹⁰, А. Дземскай «Вступ до лексикографії»¹¹, В. Кравіцкай «Українська лексикографія: теорія і практика»¹², І. А. Казіміравай «Прикладная лингвотерминография»¹³ і інш. У шэрагу прыведзеных даследаванняў знаходзіцца і рэцэнзаваная манаграфія.

У манаграфіі ў адпаведнасці з актуальнымі лінгвістычна-тэрміназнаўчымі даследаваннямі распрацавана канцэпцыя сістэмнай арганізацыі і параметрызацыі беларускага метамоўнага кантынуума на аснове выяўлення і ўпарадкавання храналагічных, структурна-кантэнтных і тыпалагічных асаблівасцей беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў на шырокім фоне ўсходнеславянскай і еўрапейскай тэрмінаграфіі. Практычным пацвярджэннем правамернасці прапана-

ванай канцэпцыі з'яўляецца арыгінальны слоўнік тэрмінаў лінгвістычнай тэрмінаграфіі, які складзены на матэрыяле вычарпальнага корпуса слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў (115 адзінак), выдадзеных беларускімі лінгвістамі за 100 гадоў (з 1921 да 2021 г.), з выкарыстаннем метаду комплекснага сістэмна-структурнага аналізу 57 704 слоўнікавых артыкулаў, што змяшчаюць больш за 19 000 лінгвістычных тэрмінаў.

Слоўнік складаецца з наступных частак:

- апісання структуры слоўнікавых артыкулаў (лема, дэфініцыя, каментарыі і ілюстрацыі, сістэмная інфармацыя, варыянтныя найменні);
- гіпера-гіпанімічнага навігатора, які ўключае восем тэматычных тэрміналагічных груп («Тэрмін», «Лексікаграфія», «Слоўнік», «Мегаструктура слоўніка», «Макраструктура слоўніка», «Метаструктура слоўніка», «Мікраструктура слоўніка», «Тэрмінаграфічная параметрызацыя»);
- слоўнікавага корпуса, які змяшчае 493 артыкулы;
- алфавітнага спіса тэрмінаў з указаннем стэронак слоўнікавага корпуса, на якіх размешчаны слоўнікавыя артыкулы, прысвечаныя дадзеным тэрмінам (другі ўваход у слоўнік);
- спіса персаналій;
- спіса запазычаных тэрмінаў і тэрмінаэлементаў (каранёў і прыставак) з тлумачэннем іх этымалогіі;
- спіса тэрміналагічных слоўнікаў-крыніц.

Варта ўлічыць, што тэрміналагічныя слоўнікі – гэта толькі малая частка лексікаграфічнага кантынуума. Яна заўсёды ідзе за складаннем і выданнем нацыянальных энцыклапедый, акадэмічных тлумачальных, дыялектных, арталагічных і аспектных слоўнікаў, якія адлюстроўваюць сістэму адзінак розных узроўняў мовы. Такая колькасць лінгвістычных тэрміналагічных слоўнікаў, выдадзеных у Беларусі, сведчыць, з аднаго боку, пра высокі ўзровень развіцця навукі ў краіне, а з другога боку, пра тое, што іх стварэнню папярэднічала вялізная лексікаграфічная праца акадэмічных інстытутаў і вучоных-выкладчыкаў, якая паралельна працягваецца і зараз. Дзякуючы ім склаліся нацыянальныя традыцыі тэрмінаграфіі ў прыватнасці і лексікаграфіі ў цэлым, адкрытыя для абмеркавання

⁵Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 810 с.

⁶Щербин В. К. Белорусская лексикографическая традиция: история и современность // Славянская лексикография = Slavic lexicography: международ. коллектив. моногр. / отв. ред. М. И. Чернышова. М.: Азбуковник, 2013. С. 21–61.

⁷Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 266 с.

⁸Гринёв-Гриневич С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь: учеб. пособие. М.: URSS Либроком, 2009. 224 с.

⁹Лесников С. В. Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002. 328 с.; Лесников С. В. Метаязык лингвистики: в 2 т. СПб.: Нестор-история, 2021. 2 т.

¹⁰Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения: монография. М.: Принтпро, 2018. 472 с.

¹¹Демська О. Вступ до лексикографії. Київ: Києво-Могилянська академія, 2010. 266 с.

¹²Кровицька О. Українська лексикографія: теорія і практика. Львів: Ін-т українознавства імя І. Крип'якевича, 2005. 175 с.

¹³Казимирова І. А. Прикладна лінгвотермінографія // Мовознавство. 2017. № 2. С. 55–68.

на міжнародных навуковых канферэнцыях, што ўжо адбыліся і, хочацца спадзявацца, яшчэ адбудуцца.

З упэўненасцю можна заключыць, што рэцэнзаваная манаграфія знаходзіцца ў шэрагу актуальных інавацыйных даследаванняў сучаснай тэрмі-

награфіі, уносіць істотны ўклад у тэорыю і практыку крытычнага аналізу слоўнікаў метамоў лінгвістыкі і іх састаўлення.

*Н. В. Пятаева*¹⁴

¹⁴Наталія Вячаславаўна Пятаева – доктар філалагічных навук, дацэнт; прафесар кафедры языкознання і лінгводидактыкі філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Наталія Вячаславаўна Пятаева – доктар філалагічных навук, дацэнт; прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Natalia V. Pyataeva, doctor of science (philology), docent; professor at the department of linguistics and linguodidactics, faculty of philology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

E-mail: pjataeva@ya.ru

«Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX века) / Ин-т славяноведения РАН ; редкол.: Е. Ю. Борисенко [и др.]. М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-история, 2021. 424 с.

«Роднае слова». Беларуская і ўкраінская мовы ў школе (нарысы гісторыі масавай адукацыі, сярэдзіна XIX – сярэдзіна XX стагоддзя) / Ін-т славяназнаўства РАН ; рэдкал.: А. Ю. Барысёнак [і інш.]. М. : Ін-т славяназнаўства РАН ; СПб. : Нестар-гісторыя, 2021. 424 с. (на рус.).

«Native word». Belarusian and Ukrainian languages at school (essays on the history of mass education, mid-19th – mid-20th century) / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; ed. board: E. Y. Borisenok [et al.]. Moscow : Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences ; Saint Petersburg : Nestor-istoriya, 2021. 424 p. (in Russ.).

Зборнік тэматычных нарысаў з’яўляецца плёнам дзейнасці вучоных трох краін – Беларусі (І. А. Гапоненка, А. Г. Дашкевіч, А. А. Савіч, В. І. Яршова), Расіі (А. А. Астапчук, І. І. Барынаў, А. Ю. Барысёнак, К. С. Драздоў, Д. А. Караткова, М. Э. Клопова, М. В. Лескінен, Л. Л. Шчавінская) і Украіны (Н. М. Колб, Н. Ф. Мысак), якія прадстаўляюць Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Акадэмію кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Інстытут славяназнаўства Расійскай акадэміі навук, Інстытут расійскай гісторыі Расійскай акадэміі навук, а таксама Інстытут украіназнаўства імя І. Крып’якевіча Нацыянальнай акадэміі навук Украіны. Кніга прысвечана вывучэнню моўных аспектаў арганізацыі народнай адукацыі на беларускіх і ўкраінскіх землях у дастаткова супярэчлівы і палітычна нестабільны час – перыяд узнікнення і мадэрнізацыі масавай школы, калі пытанні народнай адукацыі былі прадметам вострых дыскусій паміж прадстаўнікамі ўрада і членамі апазіцыйных рухаў розных дзяржаў.

Важнасць такога выдання можна лічыць несумненнай: нягледзячы на шматлікасць літаратуры, прысвечанай адукацыйнай і моўнай палітыцы сярэдзіны XIX – сярэдзіны XX ст., пераважная большасць уласна лінгвістычных і сацыялінгвістычных аспектаў укаранення нацыянальных моў у адукацыйны працэс або застаюцца неасветленымі, або характарызуюцца павярхоўна і тэндэнцыйна.

Менавіта канцэптуальнасць, навуковая вытрыманасць, аб’ектывнасць і неангажыраванасць вылучаюць рэцэнзаваную кнігу сярод іншых і даюць падставы кваліфікаваць яе як навуковую манаграфію.

Адной з важных ідэй выдання з’яўляецца сфармуляванае М. В. Лескінен меркаванне аб тым, што

ў другой палове XIX ст. пад уплывам рэформ расійскай сістэмы адукацыі 1860–70-х гг. актуалізавалася пытанне аб выкарыстанні мясцовых гаворак у школах для прадстаўнікоў нярускіх народаў, вынікам чаго стала палеміка на гэтую тэму ў педагогічных і грамадскіх колах. Асноўнае месца ў дыскусіях займалі вызначэнне мэтазгоднасці перанясення еўрапейскага вопыту на расійскую глебу, акрэсленне месца народнасці ў працэсах выхавання і адукацыі, а таксама выяўленне так званых родных гаворак рускіх, беларусаў і ўкраінцаў. У сувязі з гэтым невыпадковымі падаюцца першыя радкі ў назве кнігі, якія прыводзяцца ў двукоссі.

Інтэрпрэтацыі паняцця «роднае слова» ў кантэксце эпохі прысвечаны асобны параграф (с. 21–22). У ім выказваецца думка аб тым, што да канца XIX ст. нарматыўнае азначэнне паняцця «роднае слова» не сфарміравалася ні ў лінгвістычным, ні тым больш у юрыдычным або навуковым дыскурсе. Высвятленне суадносін паміж роднай мовай і ўсвядомленай або неўсвядомленай этнічнай ідэнтычнасцю, натуральна, было важным перш за ўсё для арганізатараў перапісаў, якія вымушана прызнавалі, «што ўзровень самасвядомасці большасці жыхароў Расійскай імперыі не дазваляе абапірацца на іх самавызначэнне як на крыніцу дакладных даных»¹ (с. 21).

Увогуле аўтары, як падаецца, дастаткова ўзважана асвятляюць пытанні нацыянальнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі беларускага і ўкраінскага народаў, паказваючы іх шматаспектнасць, прадстаўляючы розныя ракурсы і альтэрнатыўныя трактоўкі. З улікам агульнай спецыфікі акрэсленага перыяду такая задача мае павышаны ўзровень цяжкасці: як вядома, царскія ўлады ўключалі беларускія землі ў склад Паўночна-Заходняга краю, польскія эліты лічылі іх часткай гістарычнай прасторы Рэчы Паспалітай, а прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху часта апелывалі да традыцый Вялікага Княства Літоўскага.

Шмат увагі ў манаграфіі надаецца ўкраінскай праблематыцы. У прыватнасці, М. В. Лескінен разглядае ролю ўкраінскай мовы ў народнай пачатковай адукацыі на тэрыторыі сучаснай Украіны ў сувязі з педагогічнымі канцэпцыямі і вучэбнымі задачамі, характэрнымі для другой паловы XIX ст. Аўтар падрабязна апісвае мэты новай нацыянальнай школы для сялянства як часткі тагачаснай агульнай сістэмы адукацыі, робіць спробу рэканструяваць асноўныя пазіцыі, спрэчныя пункты і доказы бакоў у палеміцы аб выкарыстанні родных гаворак і так званай агульнарускай мовы ў пачатковых вучылішчах. У раздзеле разглядаецца аргументацыя прыхільнікаў выкладання ў пачатковых вучылішчах на ўкраінскай мове (В. І. Вадавозаў, М. П. Драгаманаў, А. Я. Ефіменка, М. А. Корф, К. Д. Ушыньскі і інш.) і іх апанентаў (М. Д. Багацінаў,

¹Тут і далей пераклад наш. – Д. Д.

С. С. Гагоцкі, А. А. Іваноў, М. Н. Каткоў, М. У. Юзэфовіч і інш.).

У шэрагу раздзелаў выдання закрэслена пытанні, актуальныя як для ўкраінскай, так і для беларускай лінгвадыдактыкі і сацыялінгвістыкі. Так, М. Э. Клопава асвятляе дыскусію, якая адбывалася на пасяджэннях III Дзяржаўнай думы і была прысвечана магчымасці выкарыстання ўкраінскай і беларускай моў у сістэме народнай адукацыі. Нягледзячы на адсутнасць якіх-небудзь істотных вынікаў абмеркавання, ідэі аб неабходнасці (пажаданасці) пашырэння сферы ўжытку родных моў неаднаразова выказваліся на пасяджэннях III Дзяржаўнай думы, а потым і IV Дзяржаўнай думы. Гэта, на думку М. Э. Клопавай, сведчыць пра тое, што дадзенае пытанне не было прадыхавана неадкладнай кан'юнктурай і што насельніцтва беларускіх і ўкраінскіх зямель (як і расійскае грамадства) адчувала патрэбу ў яго вырашэнні.

Працэс нацыянальна-культурнага будаўніцтва ў асяродках беларусаў і ўкраінцаў, якія пражываюць на тэрыторыі Расіі, вывучаецца К. С. Драздовым. Ён аналізуе мэты, метады і вынікі палітыкі ўкраінізацыі і беларусізацыі школ і культурна-асветніцкіх устаноў на тэрыторыі РСФСР.

Н. Ф. Мысак даследуе негатыўныя фактары, якія ў канцы XIX – пачатку XX ст. перашкаджалі ўкраінцам на Галічыне рэалізаваць права на атрыманне адукацыі на роднай мове. Да іх адносяцца пазіцыя імперскай улады, палітыка мясцовай польскай адміністрацыі, нізкая кваліфікацыя педагогічных работнікаў, парушэнне прынцыпаў роўнасці пры вывучэнні краёвых моў, адсутнасць дыдактычных матэрыялаў, перапоўненасць школ і інш. Аўтар разглядае таксама аспекты, якія садзейнічалі пашырэнню сферы выкарыстання ўкраінскай мовы ў пачатковых і сярэдніх навучальных установах (дзеянсць украінскіх дэпутатаў парламента і сейма, грамадская актыўнасць украінцаў па стварэнні ўкраінацэнтрычных дзяржаўных і прыватных школ і інш.).

Н. М. Колб падкрэслівае важнае значэнне ўрокаў грэкакаталіцкай рэлігіі ў сістэме пачатковай і сярэдняй школы Усходняй Галічыны як істотнага фактару фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ўкраінскай моладзі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Аўтар адзначае асаблівую ролю, якую ігралі прадстаўнікі грэкакаталіцкага духавенства: яны выступалі за пашырэнне сферы ўжытку роднай мовы ў выкладанні і тым самым процістаялі ўкраінафобскім настроям членаў тагачасных польскіх уладных колаў.

Стварэнне і выкарыстанне першых масавых падручнікаў і дапаможнікаў па ўкраінскай мове, а таксама іншых выданняў аналізуе А. А. Астапчук. Аўтар надае асаблівую ўвагу перыяду 1917–1919 гг., калі былі апублікаваны кнігі І. І. Агіенкі, М. К. Грунска-

га, С. М. Кульбакіна, А. Б. Курыла, Я. К. Цімчанкі і інш. Даследчык абгрунтоўвае ідэю, у адпаведнасці з якой працэс актыўнага далучэння прадстаўнікоў украінскай інтэлігенцыі да асветніцкай дзейнасці сведчыў пра важныя змены ў сферы адукацыі ў прыватнасці і ў моўнай сітуацыі ў цэлым.

Лагічным працягам гэтых раздзелаў з'яўляецца частка, прысвечаная асветленню праблемы мовы навучання ва ўкраінскіх агульнаадукацыйных школах у 1920–30-я гг. У ёй А. Ю. Барысёнак характарызуе першыя крокі, зробленыя ў сферы школьнай адукацыі пасля ўтварэння УССР, а таксама спробы ўкраінізацыі адукацыйнай сістэмы, прычыны і вынікі карэкцёрскіх палітыкі каранізацыі ў 1930-я гг. Аўтар адзначае, што «развіццё эканамічных сувязей і павышэнне сацыяльнай мабільнасці насельніцтва... суправаджаліся сістэматызацыяй адукацыйнай сферы і павелічэннем колькасці гадзін на выкладанне рускай мовы ва ўсіх школах краіны» (с. 276). Праўда, у тэксце сцвярджаецца, што гэтыя рэформы чамусьці «зусім не змянялі прынцыпу навучання ўкраінцаў на роднай мове» (с. 276), хоць, напрыклад, толькі на Харкаўшчыне ў 1933 г. колькасць украінскіх школ зменшылася з 44 да 30 навучальных устаноў (с. 290).

Непасрэдна беларускай праблематыцы прысвечаны шэсць раздзелаў манаграфіі. Менавіта яны ўяўляюць найбольшую цікавасць для прадстаўнікоў айчынай навуковай супольнасці: лінгвістаў, гісторыкаў, педагогаў, культуролагаў.

На шырокім гістарычным матэрыяле І. А. Гапоненка аналізуе грамадскія і моўныя аспекты сістэмы адукацыі на беларускіх землях у XIX – пачатку XX ст. Даследчык вылучае і сістэматызуе гістарычныя факты і кампаненты сацыяльнай структуры, якія ўплывалі на беларускую нацыянальную адукацыю. Да іх адносяцца ўзровень нацыянальнай самасвядомасці прадстаўнікоў элітарных груп насельніцтва, прынцыпы моўнай палітыкі расійскіх улад, якія не спрыялі фарміраванню беларускай моўнай ідэнтычнасці, пашыранасць беларускай мовы ў асяроддзі сялян і мяшчан, забароненасць кнігавыдавецкай дзейнасці на беларускай мове, а таксама своеасаблівасць культурнай і рэлігійнай сітуацыі, у межах якой нацыянальная самабытнасць не з'яўлялася прыхрытанай.

У выніку І. А. Гапоненка прыходзіць да слушнай высновы аб тым, што пры фактычнай адсутнасці розных моўных абмежаванняў беларускай мове быў перакрыты доступ ва ўсе грамадскія сферы, у тым ліку і ў сферу навучання (с. 92), а імперская адукацыйная стратэгія на тэрыторыі нацыянальных ускраін не арыентавалася на развіццё ні сістэмы адукацыі ў прыватнасці, ні пісьмёнасці ўвогуле (с. 110).

Гэты раздзел мае не толькі рэтраспектыўнае, але і тэарэтычнае значэнне. У ім акрэсліваюцца арыгінальныя характарыстыкі паняцця «норма»

ў беларускай мове XIX – пачатку XX ст.: паводле арыентацыі на моўныя сродкі (прыўнясенне на дыялектную аснову функцыянальна новых утварэнняў: аказіяналізмаў, запазычанняў, наватвораў), паводле суадносін стыхійнага і ўсвядомленага кампанентаў у нарматыўным працэсе (спалучэнне спантаннага і рэгуляванага феноменаў пры перавазе стыхійнага), паводле ўзроўню аўтаномнасці (уплыў польскіх і рускіх моўных норм на беларускую мову), паводле адпаведнасці пэўнаму этапу моўнага планавання (выяўленне і выбар нормы ў XIX – пачатку XX ст.), а таксама паводле ступені імператывнасці (невысокі ўзровень аблігаторнасці і значная варыянтная разнастайнасць нормы).

В. І. Яршова вывучае праблему выбару мовы выкладання падчас рэфармавання сістэмы пачатковай адукацыі ў Віленскай навучальнай акрузе ў 1860-я гг. У яе раздзеле дастаткова падрабязна аналізуюцца прынцыпы тагачаснай адукацыйнай палітыкі ўрада, прычыны і ход рэформы пачатковай адукацыі, спецыфіка распрацоўкі ў 1863 г. Часовых правіл для народных школ у губернях Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай. Асобныя параграфы прысвечаны развіццю сістэмы рускіх народных школ з мэтай супрацьдзеяння польска-каталіцкаму ўплыву на беларускія землі і адначасова для абрусення беларускага насельніцтва. Дэманструецца, што ў выніку рэформы царскі ўрад зрабіў стаўку на школу з рускай мовай навучання, ізаляваную ад уплыву мясцовага адукаванага насельніцтва (эліт).

Вялікі пласт новага сацыялінгвістычнага матэрыялу ўводзіцца ў навуковы зварот у раздзеле І. І. Барынава, прысвечаным беларускай мове ў сферы адукацыі на тэрыторыі Обер-Ост у 1915–1917 гг. У названы перыяд беларускія інтэлігенты ва ўмовах нямецкай акупацыі фактычна тэсціравалі ў школе нормы будучай беларускай літаратурнай мовы і адначасова імкнуліся развіваць нацыянальную культуру. Вынікі гэтага працэсу былі неадназначнымі для абодвух бакоў: «... для немцаў вывучэнне беларусаў садзейнічала іх з’яўленню на нямецкай “ментальнай карце”» (с. 199), а для мясцовых інтэлектуалаў такая сітуацыя дала магчымасць упершыню рэалізаваць нацыянальныя праграмы на практыцы.

Праблему існавання нацыянальных школ на тэрыторыі Беларусі ў перыяд польскай акупацыі, якая працягвалася з 1919 па 1921 г., асвятляе А. Г. Дашкевіч. Даследчык характарызуе сітуацыю ў сферы адукацыі на тэрыторыі Брэсцкай і Мінскай акруг, а таксама ў беларускіх паветах Віленскай акругі. Адзначаецца, што школьныя інспектары ў гэты час імкнуліся пашырыць тэрыторыю ўсеагульнага навучання на польскай мове, прытрымліваючыся адукацыйных праграм Міністэрства рэлігійных веравызнанняў і народнай асветы Польшчы, і абмяжоўвалі магчымасці атрымання сярэдняй адукацыі на беларускай мове.

Раздзел Д. А. Каратковай прысвечаны эвалюцыі палітыкі польскіх улад на ўсходніх землях у 1920–30-я гг. Аўтар дэманструе, якім чынам ажыццяўлялася палітыка паступовага выпяцнення беларускай мовы са сферы адукацыі, калі беларускія школы ў выніку рэформы, што праводзілася па праекце Я. Енджаевіча, у 1932 г. былі пастаўлены пад поўны кантроль польскіх школьных інспектараў, а к канцу 1930-х гг. фактычна цалкам спынілі сваё існаванне.

А. А. Савіч вывучае становішча беларускай мовы ў камуністычным руху Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. ва ўмовах, калі Камуністычная партыя Польшчы «дэманстравала нацыянальны шавінізм і эгаізм у дачыненні да беларускіх нацыянальна-палітычных прыярытэтаў» (с. 407).

К. С. Драздоў прапануе агляд гістарыяграфіі апошніх дзесяцігоддзяў па праблеме савецкай беларусізацыі ў міжваенны перыяд. У яго нарысе акрэсліваюцца падыходы беларускіх (А. І. Зелянкова, А. С. Кароль, Л. М. Лыч, Р. П. Платонаў, М. І. Старавойтаў і інш.) і замежных (Ю. А. Барысёнак, А. Маркава, Т. Марцін, П. А. Рудлінг і інш.) даследчыкаў да інтэрпрэтацыі мэт і задач беларусізацыі, яе рухаючых сіл, вынікаў і прычын згортвання. Акрамя таго, вучоны характарызуе разнастайныя падыходы да праблемы вылучэння перыядаў беларусізацыі, што важна ў тым ліку і для гісторыкаў беларускай лінгвістыкі.

Запатрабаваным у выкладчыцкім і студэнцкім асяроддзі можа стаць раздзел Л. Л. Шчавінскай, прысвечаны агляду лекцый прафесара П. А. Растаргуева па гісторыі і сучасным стане беларускай мовы, працытаных ім у Беларускім народным універсітэце, што ў 1918 г. функцыянаваў у Маскве. Лекцыі з’яўляюцца добра структураваным моўным вучэбным курсам, «сапраўдным кампендыумам свайго часу» (с. 218), у якім асвятляюцца пытанні гукавога і марфалагічнага ладаў беларускай мовы, вылучаюцца асноўныя этапы ў развіцці гэтай лінгвістычнай сістэмы і характарызуюцца яе гаворкі.

Дзесяцігоддзі, якія асвятляюцца ў кнізе, уяўляюцца дваістымі і нераўназначнымі па ідэалагічных уплывах і праявах. Невыпадкава ў прадмове «Ад рэдкалегіі» агаворваецца, што сучасныя беларускі, расійскі і ўкраінскі наратывы маюць істотныя адрозненні: прынятыя ў адной навукова-гістарыяграфічнай традыцыі тлумачэнні падзей і тэндэнцый могуць аспрэчвацца або лічыцца спрабай мадэрнізацыі гісторыі ў другой традыцыі (с. 7). У прыватнасці, гэта тычыцца і тэрміналогіі: *Беларусь* ці *Беларусія*; *Україна*, *Маларосія* або *Маларусія*; *Галіцыя* альбо *Галічына*; *Вільна* ці *Вільня* і інш. Па ўсім выданні, а асабліва ў раздзелах беларускіх і ўкраінскіх аўтараў, дастаткова карэктна ўжываюцца этнонімы, назвы рэгіёнаў і абазначэнні, вытворныя ад іх. Падаецца, што ў некаторых нарысах варта было б дасягнуць вышэйшага ўзроўню

наратыўнай несупярэчлівасці, паколькі ў асобных выпадках нельга адназначна сцвярджаць, чым матывуецца той ці іншы тэрмін ці ідэйны пасыл – адлюстраваннем каларыту эпохі або светапогляднымі ўстаноўкамі аўтараў: «Наша мэта – разгледзець ролю *маларасійскай гаворкі/мовы*²...» (с. 12); «Важным аспектам... стала канструяванне імперскай нацыі з адначасовай выпрацоўкай канцэпцыі нацыяўтваральнага народу – *рускіх (у шырокім значэнні – як адзінай усходнеславянскай агульнасці велікарусаў, маларусаў і беларусаў, а ў больш вузкім – толькі велікарусаў)*» (с. 13); «Па ўзроўні валодання рускай мовай *іншародцы* падзяляліся на тры групы» (с. 17); «...*маларуская мова ў пачатковай школе...*» (с. 29); «...папраўка І. В. Лучыцкага аб *маларасійскай і беларускай мовах*» (с. 71); «...школьная праграма *маларускай мовы*» (с. 71) і інш.

Аднак гэтыя нешматлікія недарэчнасці не здольны паўплываць на агульнае становішча ўражанне ад манаграфіі як першага выдання, у якім вылучаецца роля мовы ў арганізацыі масавай адукацыі падчас мадэрнізацыі Расійскай імперыі і Аўстра-Венгерскай імперыі, а таксама СССР і сумежных дзяржаў на працягу стагоддзя. Рэцэнзаваная кніга з’яўляецца важнай не толькі таму, што ўводзіць у навуковы зварот значны пласт арыгінальных даследчыцкіх тэкстаў, але яшчэ і таму, што гэтыя тэксты створаны на падставе соцень сур’ёзных (а нярэдка і маладаступных) крыніц, адзін толькі пералік якіх у бібліяграфіі ўражвае і мае выключную каштоўнасць для наступных пакаленняў вучоных.

Д. В. Дзятко³

²Тут і далей курсіў у цытатах наш. – Д. Д.

³Дмитрий Васильевич Дзятко – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой языкознания и лингводидактики филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

Дзмітрый Васільевіч Дзятко – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Dzmitry V. Dziatko, doctor of science (philology), professor; head of the department of linguistics and linguodidactics, faculty of philology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

E-mail: lingby@gmail.com

Кончевская К. Поляки и польский язык на Гродненщине. Краков : ПАН, 2021. 192 с. (на польск.).

Канчэўская К. Палякі і польская мова на Гродзеншчыне. Кракаў : ПАН, 2021. 192 с. (на польск.).

Konczewska K. Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie. Kraków : PAN, 2021. 192 s.

Сацыялінгвістычнае апісанне мовы польска-беларускага памежжа апошнім часам набыло папулярнасць сярод даследчыкаў¹. Падобныя працы пашыраюць веды пра моўныя асаблівасці гэтага рэгіёна, штодзённае і культурнае жыццё яго насельнікаў. Кніга К. Канчэўскай арганічна папоўніла спіс такіх даследаванняў. Аўтар, якая нарадзілася ў Лідзе, скончыла Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы (вывучала польскую і беларускую філалогію) і значную частку свайго жыцця прысвяціла папулярнаму польскай мовы і культуры на Гродзеншчыне, характарызуе стан польскай мовы ў гэтым рэгіёне і складаную, спецыфічную сацыялінгвістычную сітуацыю ў ім.

Выданне ўяўляе сабой пашыраную і дапрацаваную версію кандыдацкай дысертацыі, якую К. Канчэўская падрыхтавала пад кіраўніцтвам прафесара Л. Беднарчука і абараніла ў Кракаўскім педагагічным універсітэце ў 2015 г. У працы вывучаюцца асаблівасці жыцця палякаў на Гродзеншчыне і іх польская мова, якая была ўведзена ў польскую літаратуру Э. Ажэшка, а ў дыялектнай і прастамоўнай версіях ужываецца да сёння палякамі ў Гродне і шматлікіх мястэчках, вёсках і былых шляхецкіх ваколіцах на Гродзеншчыне (s. 9). Мэта даследавання – асветленне ўсіх сфер актуальнай функцыянальнай дыстрыбуцыі польскай мовы на Гродзеншчыне і прадстаўленне яе найбольш характэрных рыс (s. 125).

Кніга складаецца з прадмовы, пяці раздзелаў, васьмі дадаткаў, спісаў карт, фотаздымкаў, дыяграм і табліц, бібліяграфіі і рэзюмэ на польскай, беларускай і англійскай мовах.

У першым раздзеле («Уводзіны») К. Канчэўская характарызуе ступень даследаванасці паўночнаўсходняга перыферычнага дыялекту польскай мовы (паўночнакрэсавой пальшчызны), прыводзіць гістарычнае апісанне тэрыторыі, якая зараз называецца Гродзеншчынай, адзначае асаблівасці яе вывучэння сацыёлагамі, этнолагамі і мовазнаўцамі і апісвае паходжанне і гісторыю польскай мовы ў рэгіёне. Пэўную ўвагу аўтар аддае некаторым пытанням тэорыі моўных кантактаў.

К. Канчэўская даследуе тыя населеныя пункты, у якіх польская мова яшчэ не вывучалася і ў якіх жывуць нашчадкі прадстаўнікоў розных грамадскіх класаў (як шляхты, так і сялян). Аўтар выкарыстоўвае элементы метадалогіі традыцый-

най дыялекталогіі і сучаснай сацыялінгвістыкі, што, на яе думку, з'яўляецца найбольш аптымальным для аналізу матэрыялу і яго комплекснай характарыстыкі.

Матэрыял даследавання з'яўляецца разнародным і складаецца з наступных частак: 1) аўдыязапісы размоў асоб на акрэсленай тэрыторыі; 2) зафіксаваныя пры любой нагодзе асобныя моўныя формы; 3) польскамоўныя артыкулы ў прэсе і інтэрнэце са свежых і каталіцкіх лістоў, у якіх згадваецца Гродна; 4) прамовы і спантанныя пісьмовыя выказванні ксяндзоў; 5) польскамоўныя кніжныя публікацыі; 6) надмагільныя надпісы з даследаванага субрэгіёна.

К. Канчэўская выкарыстоўвала некалькі спосабаў збору матэрыялу: палявыя даследаванні, размовы і назіранні, фіксаваў вытрымак з тэкстаў. Гутаркі запісваліся яўна, радзей прыхавана (калі асобы згаджаліся на фіксацыю размовы, але баяліся, што сам факт запісу спалохае іх і выступіць пэўным абмежаваннем). Даследчыца старалася правесці з інфармантамі пабольш часу, каб паназіраць за іх паўсядзённым жыццём. З мэтай аналізу змен на ўзроўні пакаленняў К. Канчэўская гутарыла як са старэйшымі, так і з маладзейшымі асобамі. Сярод тэм размоў былі наступныя: мова і сітуацыя выбару канкрэтнай мовы, ацэнка яе правільнасці, адносіны да іншых моў; нацыянальная і рэлігійная самаідэнтыфікацыя; гісторыя малой супольнасці і субрэгіёна; традыцыі і звычкі; сямейныя і суседскія адносіны; сучаснае жыццё.

Іншыя часткі матэрыялу К. Канчэўская збірала, калі працавала ў дыяцэзійнай газеце «Слова Жыцця» («Słowo Życia»), вывучала мову надмагільных надпісаў, аналізавала рэгіянальную польскую мову ў друкаваных творах пісьменніцы Э. Ажэшка і сучаснага аўтара з-пад Ліды А. Юрэвіча, а таксама ў спантаных пісьмовых выказваннях дзеячаў мясцовых грамадскіх арганізацый.

Урыўкі з размоў, якія выкарыстоўваюцца для сацыялінгвістычнага апісання, падаюцца ў кнізе ў літаратурнай пісьмовай версіі, для строга моўнага матэрыялу ўжываецца паўфанетычны запіс, які адлюстроўвае толькі найбольш істотныя рэгіянальныя рысы. У дадатку змешчана падборка арыгінальных выказванняў інфармантаў з захаваннем іх моўнай формы, аднак аўтар адмовілася ад традыцыйнай транскрыпцыі.

На наш погляд, адсутнасць прыкладаў затранскрыбіраваных вусных размоў і малая колькасць прааналізаваных тэкстаў (пяты раздзел, прысвечаны аналізу дыялектнага матэрыялу, займае ўсяго шэсць старонак, дыялектныя тэксты ў дадатку размяшчаюцца на васьмі старонках), а таксама непрадстаўленасць звестак пра інфармантаў (пол, узрост, адукацыя, род дзейнасці) і сітуацыі камунікацыі

¹Гл.: Lewaszkiewicz T. Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy. Poznań, 2017 ; Żebrowska A. Komarowszczyzna. Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego. Poznań, 2019 ; Kozłowska-Doda J. Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi (na podstawie badań terenowych z przełomu XX i XXI w.). Lublin, 2021 i інш.

(месца, час, умовы) робяць аналіз сабранага матэрыялу (яго першай часткі) крыху няпоўным і не вельмі інфарматыўным для чытача, асабліва спецыяліста ў сацыялінгвістыцы. Аўтару варта было б падаць больш звестак пра ўдзельнікаў даследавання і ўмовы правядзення запісаў.

У другім раздзеле («Гістарычнае аблічча даследаваных мясцовасцей») прадстаўлена кароткае апісанне гісторыі месцаў збору матэрыялу з мэтай падкрэсліць іх гістарычна-культурную сувязь і паказаць змены, якія адыгралі важную ролю ў фарміраванні актуальнай сацыялінгвістычнай сітуацыі. Асобна характарызуюцца лёсы палякаў у Савецкай Беларусі (невывучанне імі планаў савецкай улады па стварэнні калгасаў і саўгасаў, увядзенні савецкіх традыцый, заснаванні ў школах палітычных арганізацый для вучняў (піянерскіх і камсамольскіх), дэпартацыя, масавыя арышты, русіфікацыя).

Трэці раздзел («Сучасная сацыялінгвістычная сітуацыя») прысвечаны аналізу нацыянальнага складу абранага рэгіёна і функцыянавання моўных кодаў у ім. Зараз у Гродзенскай вобласці пражывае найбольшая ў Беларусі колькасць асоб, якія дэкларуюць польскае паходжанне. Сярод жыхароў гэтай тэрыторыі польская мова часта асацыіруецца з палякамі, шляхтай, а гаворка «па-просту» – з сялянамі, тутэйшымі.

У рэгіёне пражываюць беларусы (выступаюць карэннымі жыхарамі гэтых мясцовасцей, але складаюць найменшы працэнт насельніцтва ў параўнанні з іншымі рэгіёнамі Беларусі), літоўцы, расіяне, украінцы. Згодна са статыстыкай 2010 г. асобы, якія сцвярджалі польскую нацыянальнасць, у якасці роднай мовы (па назіраннях К. Канчэўскай, гэта паняцце неадназначнае) называлі беларускую, літоўскую, польскую, рускую. Польскую мову як родную выбралі не толькі тыя, хто адзначаў сваё польскае паходжанне, але і беларусы, літоўцы, украінцы, расіяне, татары, яўрэі.

Па меркаванні інфармантаў, на рускай мове размаўляюць у Расіі і ў беларускіх гарадах, на беларускай – у праваслаўных, былых сялянскіх вёсках. «Простая» мова для іх – гэта «свая» мова, якой карыстаюцца жыхары памежжа (як вёсак, так і гарадоў) у паўсядзённай камунікацыі.

Характарызуючы трасянку, К. Канчэўская робіць слушную заўвагу аб адсутнасці агульнапрынятага азначэння гэтага тэрміна і адназначных крытэрыяў адпаведнай з’явы. Аўтар справядліва адзначае (са спасылкай на беларускіх даследчыкаў) імкненне навукоўцаў у пачатку XXI ст. аналізаваць трасянку з сацыялінгвістычнага ракурсу. К. Канчэўская прыводзіць асноўныя рысы трасянікі: 1) спалучэнне рускіх марфем з беларускай фанетыкай і арфаэпіяй; 2) наяўнасць аўтарскіх лексем, не зарэгістраваных

ні ў беларускай, ні ў рускай мове; 3) распаўсюджанне пераважна сярод мігрантаў з вёскі без вышэйшай адукацыі, якая б аўтаматычна звязвалася з абавязковасцю засваення рускай мовы (s. 63). Аднак аўтар не дае спасылкі на крыніцу такога апісання трасянікі, што, на нашу думку, не вельмі правільна, улічваючы неадназначнасць з’явы і розныя погляды даследчыкаў на яе.

Па назіраннях К. Канчэўскай, рэспандэнты польскай нацыянальнасці пераважна разумеюць, што мова, на якой яны размаўляюць, адрозніваецца ад ужыванай у этнічнай Польшчы, і называюць яе «наша польская». Гэта мова – вынік асіміляцыйных працэсаў і прымусовай русіфікацыі, а таксама выключэння польскай мовы з усіх сфер жыцця, акрамя сямейнай і рэлігійнай.

На думку інфармантаў, польская мова – гэта мова строга акрэсленых сфер: каталіцкага касцёла і польскай культуры. «Чыстую» польскую мову можна пачуць на тэлебачанні або радыё, на ёй размаўляюць у Польшчы, «за Бугам». У традыцыйных сем’ях аўтаматычна адбываецца пераключэнне кодаў: па-польску размаўляюць з ксяндзам або ў касцёле (у тым ліку з прыхаджанамі), а таксама з тымі, хто прыбыў з Польшчы.

Прааналізаваўшы маўленне інфармантаў, К. Канчэўская зрабіла выснову аб розным узроўні іх моўнай кампетэнцыі. Старэйшае пакаленне ў размове ўжывала пераважна «нашу польскую» або «простую» мову ў залежнасці ад асяроддзя і тэмы размоў. Асобы сярэдняга пакалення з вышэйшай адукацыяй, якія пражываюць у гарадах, маглі, акрамя вынесенай з дома «мясцовай польскай» або «простае» мовы, дастаткова правільна карыстацца рускай мовай, а асобы таго ж пакалення толькі з базавай адукацыяй разам з «простае» мовай ужывалі трасянку, прызнаючы яе рускай мовай. Інфарманты малодшага пакалення карысталіся або рускай мовай (у горадзе), або «простае» мовай (у вёсцы), але ў залежнасці ад сітуацыі маглі размаўляць таксама па-беларуску і па-польску (калі вывучалі польскую мову ва ўстановах адукацыі).

У чацвёртым раздзеле («Функцыянальнае размеркаванне польскай мовы») апісваецца характар выкарыстання жыхарамі аналізаванага рэгіёна польскай мовы ў сям’і, іншых супольнасцях (клубах, таварыствах і інш.), школе, медыя, касцёле, а таксама на месцах пахавання (на могілках). Так, па меркаванні К. Канчэўскай, на ўжыванне польскай мовы ў сем’ях значны ўплыў аказвае іх змешаны характар (прадстаўнікі маладога пакалення паміж сабой размаўляюць «па-свойму» або «па-просту», а ў кантактах з бабулямі і дзядулямі карыстаюцца мясцовай польскай мовай на беларускай аснове). Больш чыстую польскую мову можна сустрэць сярод інтэлігенцыі. Для нашчадкаў дробнай шляхты

польская мова мае сімвалічную каштоўнасць і выкарыстоўваецца імі не толькі ў сакральнай сферы, але і ў звычайным маўленні.

Шмат увагі К. Канчэўскай аддае пытанню польскага школьнага навучання. Аўтар апісвае размеркаванне моў у школьнай адукацыі ў даследаваным рэгіёне ў розныя гістарычныя перыяды. Па назіраннях даследчыцы, з канца XX ст. адносны поспех у галіне польскага навучання мелі толькі прыватныя ўстановы, дзе выкарыстоўваліся польскія падручнікі, праводзіліся адмысловыя мерапрыемствы, выкладчыкі былі носьбітамі польскай мовы і г. д. Зараз польскую мову вывучаюць дзеці не толькі з польскіх, але і са змешаных сем'яў або нават асобы, якія не маюць польскіх каранёў. Іх матывацыя – атрыманне далейшай адукацыі ў Польшчы.

Даследчыца аналізуе асаблівасці польскай мовы ў мясцовых папярвых і электронных СМІ (іх асноўныя тэмы – жыццё палякаў на Гродзеншчыне ў прыватнасці і ў Беларусі ў цэлым, гісторыя гэтых зямель, інфармацыя з Польшчы і ўсяго свету), на сайтах грамадска-культурных польскіх арганізацый, на сайце Гродзенскай дыяцэзіі. Аўтарам устаноўлена наяўнасць у мове гэтых выданняў элементаў паўночнакрэсавой пальшчызны, значная колькасць русізмаў і крэсавізмаў.

Характарызуючы функцыянаванне польскай мовы ў касцёле, К. Канчэўскай адзначае змяншэнне на Гродзеншчыне колькасці ксяндзоў з Польшчы і павелічэнне колькасці беларускіх святароў, якія атрымалі адукацыю ў Гродзенскай вышэйшай духоўнай семінарыі. Па назіраннях даследчыцы, усё больш маладых ксяндзоў дрэнна ведаюць польскую мову. Адзначаецца, што доля выкарыстання польскай мовы ў аб'явах і надпісах у каталіцкіх храмах, на касцёльных занятках змяншаецца, а каталіцкі партал Гродзенскай дыяцэзіі з канца 2012 г. функцыянуе толькі на беларускай мове. У парафіях, дзе працуюць маладыя беларускія ксяндзы, касцёл не заўсёды з'яўляецца месцам захавання польскасці (польскай мовы, культуры і г. д.).

К. Канчэўскай даследуе рэгіянальныя рысы мовы надмагільных надпісаў на Гродзеншчыне. Гэта надпісы на крыжы, надмагільным помніку або пліце, якія з'явіліся пасля Другой сусветнай вайны. Яны зроблены толькі па-польску і маюць рысы паўночнакрэсавой пальшчызны. Аўтар прыводзіць асаблівасці, звязаныя з графікай, арфаграфіяй, фанетыкай, граматыкай і лексікай. Прааналізаваны матэрыял сведчыць аб працягу традыцыі ўжывання польскай мовы на могілках незалежна ад стану яе захавання.

У пятым раздзеле («Выбраныя моўныя рысы дыялектнага матэрыялу») прыводзяцца некаторыя фанетычныя, марфалагічныя, сінтаксічныя

і лексічныя асаблівасці сабранага матэрыялу. У сувязі з дэталёвым аналізам моўнай сістэмы паўночнакрэсавой пальшчызны ў шматлікіх навуковых крыніцах К. Канчэўскай абмежавалася толькі схематычным прадстаўленнем найбольш уласцівых гродзенскай польскай мове рыс. Адзначым, што ў падраздзеле, прысвечаным лексіцы, аўтар асобна падае некаторыя рысы, характэрныя для мовы інфармантаў, якія жывуць у былых шляхецкіх ваколіцах (запазычанні з рускай, літоўскай і беларускай моў, рэгіяналізмы, архаізмы). На адрозненні польскай мовы нашчадкаў шляхты і сялян указвалася таксама ў папярэдніх раздзелах. У такіх сітуацыях вельмі не хапае прыкладаў затранскрыбіраваных кантэкстаў.

Шосты раздзел («Рэгіянальная польская мова ў мастацкіх творах і публіцыстыцы») прысвечаны гродзенскаму варыянту польскай мовы ў апавесцях Э. Ажэшка (у мове гродзенскай шляхты яна заўважыла архаічнасць, адсутнасць усходнеславянскіх уплываў і частае выкарыстанне лацінамоўных выразаў) і мове ваколіц Ліды ў «перасяленчых» апавесцях А. Юрэвіча (ён пераносіў у творы мову членаў сваёй сям'і, якія размаўлялі «па-простаму», у іх мове было шмат запазычанняў з рускай і беларускай моў). Аўтар аналізуе таксама рэгіяналізмы ў сучасных публікацыях (на прыкладзе зборніка ўспамінаў аб пачатку адраджэння польскасці на разглядаанай тэрыторыі «Jak Feniks z popiołu»).

Сёмы раздзел («Падагульненні і вывады») змяшчае асноўныя вынікі праведзенага К. Канчэўскай даследавання. Аналіз разнастайнага матэрыялу паказаў, што польская мова на Гродзеншчыне да гэтай пары з'яўляецца жывой і ўтрымлівае шмат рыс, якія заўважыла і адлюстравала ў творах яшчэ Э. Ажэшка. Нягледзячы на грамадска-палітычныя і гістарычныя змены, польская мова на Гродзеншчыне захавалася, хоць і змяніўся яе стан і сфера ўжывання. З мовы паўсядзённай камунікацыі да 1939 г. яна пераўтварылася ў мову, якая зараз ужываецца толькі ў пэўных асяродках. Рускамоўнае атачэнне і нячастае карыстанне польскай мовай маюць непазбежныя наступствы.

У якасці дадаткаў выступаюць прыклады дыялектных тэкстаў (адзначым, што аўтару варта было б прывесці іх фанетычную версію), фрагменты з польскамоўных гродзенскіх друкаваных СМІ і інтэрнэт-старонак (хацелася б пад кожным прыкладам убачыць назву выдання), з пісьмовых выкаванняў маладых мясцовых ксяндзоў (на жаль, не пададзена ніякіх звестак пра іх), а таксама асноўныя малітвы і рэлігійныя песні з кірылічным фанетычным запісам, узоры надмагільных надпісаў на каталіцкіх могілках Гродзеншчыны, спіс арганізацый і ўстаноў, карты і фотаздымкі.

Выхад кнігі К. Канчэўскай – важная падзея ў даследаванні мовы памежных польска-беларускіх тэрыторый. Выданне пашырае веды пра функцыянаванне паўночнакрэсавай пальшчызны ў розных сферах, што, безумоўна, надае яму асаблівую значнасць. Пэўную складанасць ва ўспрыняцці матэрыялу выклікае адсутнасць падрабязных

звестак пра ўдзельнікаў даследавання і сітуацыі камунікацыі, а таксама непрадстаўленасць прыкладаў затранскрыбіраваных кантэкстаў. Аднак мы ўпэўнены, што праца зойме пачэснае месца ў шэрагу сацыялінгвістычных даследаванняў памежжа.

*Н. В. Яфімава*²

²Наталля Васілеўна Яфімава – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Наталля Васільевна Ефимова – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Natallia V. Jafimava, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

Email: janienka@bsu.by

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

CHRONICLE, INFORMATION

**III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПИСАТЕЛЬ – ЯЗЫК – СТИЛЬ»,
21–22 СЕНТЯБРЯ 2023 г.**

**III МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«ПІСЬМЕННІК – МОВА – СТЫЛЬ»,
21–22 ВЕРАСНЯ 2023 г.**

**3rd INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«WRITER – LANGUAGE – STYLE»,
21–22 SEPTEMBER 2023**

«Письменник – мова – стиль» – такую назву мае міжнародная навуковая канферэнцыя, якая рэгулярна праводзіцца на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Упершыню яна адбылася 17–19 верасня 1996 г. і была прымеркавана да 70-гадовага юбілею вядомага мовазнаўца, лаўрэата Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь, прафесара Л. М. Шакуна. Па аб’ектыўных прычынах пазней у правядзенні канферэнцыі быў зроблены перапынак, аднак закладзеная ў яе аснову ідэя стварэння для філолагаў магчымасці распавесці пра ўласныя навуковыя даследаванні мовы тэкстаў розных аўтараў, стыляў і жанраў, а таксама даведацца пра актуальную дзейнасць калег спрыяла ўзнаўленню канферэнцыі як традыцыйнага навуковага мерапрыемства. Дарэчы, удалы вопыт правядзення канферэнцыі «Письменник – мова – стиль» у 1996 і 2001 гг., у якой удзельнічалі спецыялісты не толькі з розных рэгіёнаў Беларусі, але і з Аўстрыі, Венгрыі, Германіі, Польшчы, Расіі і Украіны, паспрыяў зараджэнню новай міжнароднай навуковай канферэнцыі «Мова – літаратура – культура» з больш шырокай праблематыкай і тэматыкай. Яна

таксама стала традыцыйнай і ўжо другое дзесяцігоддзе праходзіць на філалагічным факультэце БДУ.

Кафедра беларускага мовазнаўства арганізавала і правяла III Міжнародную навуковую канферэнцыю «Письменник – мова – стиль» 21–22 верасня 2023 г. Гэтым разам мерапрыемства было прысвечана першаму дэкану філалагічнага факультэта БДУ вядомаму рускаму і беларускаму навукоўцу Ц. П. Ломцеву. Ён быў дэканам непрацяглы даваенны час – з 1939 па 1941 г., але яшчэ з 1934 г. працаваў у БДУ на пасадзе прафесара, а пазней, з 1943 г., быў загадчыкам кафедры рускай мовы ў эвакуіраваным універсітэце на станцыі Сходня Маскоўскай вобласці. Ц. П. Ломцеў з’яўляецца аўтарам 16 манаграфій і каля 140 прац па рускай і беларускай мовах, таму навуковая спадчына лінгвіста прыцягвае ўвагу не толькі расійскіх, але і беларускіх мовазнаўцаў.

Праца канферэнцыі пачалася з урачыстага адкрыцця, падчас якога да прысутных з прывітальнымі словамі звярнуліся дэкан філалагічнага факультэта дацэнт С. А. Важнік і загадчык кафедры рускай мовы, старшыня Беларускага грамадскага

аб'яднання выкладчыкаў рускай мовы і літаратуры, член прэзідыума Міжнароднай асацыяцыі выкладчыкаў рускай мовы і літаратуры, прафесар І. С. Роўда.

Першы даклад на пленарным пасяджэнні, зроблены загадчыкам кафедры беларускага мовазнаўства прафесарам М. Р. Прыгодзічам, пазнаёміў прысутных з дзейнасцю Ц. П. Ломцева і яго асноўнымі працамі па беларускай мове. Прафесар М. І. Канюшкевіч распавяла пра вынікі і перспектывы рэалізацыі міжнароднага праекта М. У. Усеваладавай «Граматыка славянскага прыназоўніка», які з'яўляецца працягам развіцця ідэй, выказаных навуковым кіраўніком яе кандыдацкай дысертацыі Ц. П. Ломцевым. Пра словатворчасць П. Панчанкі гаварыў у сваім дакладзе, напісаным у суаўтарстве з дацэнтам Б. А. Крукам, дацэнт А. В. Солахаў (Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна). Аспекты канцэптуалізацыі нацыянальнай літаратурнай мовы беларускімі і славацкімі пісьменнікамі асвятляліся ў выступленні прафесара Універсітэта Мацея Бела В. М. Ляшук (Банска-Быстрыца, Славакія).

Заяўкі на ўдзел у канферэнцыі падалі 72 чалавекі; 64 даклады, за выключэннем пленарных, былі размеркаваны па пяці секцыях, што працавалі на працягу двух дзён. Секцыя «Актуальныя праблемы мовазнаўства» стала найбольш прадстаўнічай па колькасці ўдзельнікаў, якія заявілі 22 даклады, прысвечаныя розным праблемам беларускай тэрміналогіі (Г. І. Кулеш, А. М. Лапцёнак, А. Я. Супрыновіч і інш.), анамстыкі (І. А. Гапоненка), функцыянальнай стылістыкі (П. С. Басалыга, Д. Г. Марчанка і інш.), гісторыі беларускага мовазнаўства (С. М. Запрудскі, І. І. Караткевіч), а таксама моўным асаблівасцям асобных тэкстаў (У. І. Куліковіч). Зразумела, што канферэнцыя «Пісьменнік – мова – стыль» прыцягвае ўвагу тых філолагаў, якія займаюцца даследаваннем мовы твораў пражаных паэтаў. На секцыі «Мова мастацкай літаратуры» былі прадстаўлены 9 такіх дакладаў. Яны датычыліся творчасці Янкі Купалы (А. Я. Мантур),

Якуба Коласа (Ю. В. Назаранка), Максіма Гарэцкага (Ю. А. Гурыновіч), Давіда Самойлава (І. С. Балабановіч), Уладзіслава Галубка (Л. У. Глушыцкі) і Міколы Шабовіча (Н. У. Чарнаброўкіна). Большасць дакладаў, агучаных на секцыі «Гісторыя мовы», былі прысвечаны пытанням гістарычнага сінтаксісу (І. У. Будзько, С. М. Макітурк, В. К. Мароз, Н. В. Паляшчук, Э. В. Ярмоленка), што сведчыць пра актыўную распрацоўку дадзенага напрамку гістарычнага мовазнаўства. Удзельнікі секцыі пачулі таксама выступленні на тэмы функцыянавання малавядомых тэкстаў XVIII ст. (М. І. Свістунова) і адаптацыі старабеларускіх германізмаў (В. У. Пахірка). Усяго на гэтай секцыі выступілі 7 даследчыкаў. Творчасці асобных пісьменнікаў (Максіма Багдановіча, Паўлюка Труса, Рыгора Семашкевіча, Соф'і Шах, Ладзіслава Фукса, Чэслава Мілаша і інш.), беларускай жаночай паэзіі XX ст., усходніх форм сучаснай рускай паэзіі, некаторых аспектаў вывучэння старажытных літаратурных помнікаў (А. І. Бельскі, А. У. Вострыкава, У. Г. Кароткі, А. Я. Сянава і інш.), асобных фальклорных жанраў, а таксама праблем кампаратывістыкі і параўнальна-тыпалагічнага літаратуразнаўства датычыліся 16 дакладаў, заяўленых на секцыі «Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. Культуралогія». Удзельнікі секцыі «Методыка выкладання філалагічных дысцыплін» былі засяроджаны на розных пытаннях выкладання беларускай і рускай моў інафонам, навучання міжкультурнай камунікацыі, фарміравання кампетэнтнаснага падыходу і лінгвакультуразнаўчай кампетэнцыі (Т. А. Савіна, С. М. Якуба і інш.).

Па выніках правядзення III Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Пісьменнік – мова – стыль» запланаваны выпуск друкаванага зборніка навуковых матэрыялаў. У хуткім часе з артыкуламі ўдзельнікаў мерапрыемства можна будзе пазнаёміцца як у папярвым выданні, так і ў электроннай бібліятэцы БДУ.

М. І. Свістунова¹

¹Марына Іосіфаўна Свістунова – кандыдат філалагічных навук, доцент; доцент кафедры беларускага языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Марына Іосіфаўна Свістунова – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Maryna I. Svistunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: svistunovami@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 821.161.3-94+821.161.3.09"18"(092)

Слаўная кампанія: рэАНІМАцыя [Электронны рэсурс] : зб. гіст.-біяграф. твораў. Выпуск II / БДУ ; [склад.: С. Д. Воцінава, І. М. Запрудскі]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2023. 361 с. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300271>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 23.08.2023, № 006923082023.

У другім выпуску зборніка гісторыка-біяграфічных твораў, прысвечаных беларускім пісьменнікам XIX стагоддзя, узнаўляюцца жыццяпісы дзесяці айчынных майстроў слова – Аляксандра Рыпінскага, Арцёма Вярыгі-Дарэўскага, Паўла Шпілеўскага, Аляксандра Ельскага, Фелікса Тапчэўскага, Францішка Багушэвіча, Альгерда Абуховіча, Элізы Ажэшка, Зоф’і Манькоўскай і Янкі Лучыны. Без постацяў гэтых літаратараў не ўяўляюцца станаўленне новай беларускай літаратуры і складаныя шляхі нацыянальнай мінуўшчыны.

Адрасуецца навучэнцам вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, выкладчыкам і ўсім зацікаўленым беларускай гісторыяй, літаратурай і культурай названага перыяду.

УДК 80(06)

Мова і літаратура [Электронны рэсурс] : матэрыялы 80-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 27 красавіка 2023 г.) / БДУ ; [рэдкал.: Г. У. Навумава (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2023. 304 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300380>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 23.08.2023, № 007023082023.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 80-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, метадыкі выкладання, класічнай філалогіі, міфалогіі, культуралогіі і фальклору. Прызначаецца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 811.111'276.6:34(075.8)

Иностранный язык. Модуль «Английский язык (профессиональная лексика)» [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / БГУ ; сост.: А. А. Воскресенская [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 152 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 127–128. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300409>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.08.2023, № 007224082023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (профессиональная лексика)» предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право».

ЭУМК включает аннотированный перечень рекомендуемых учебных пособий по дисциплине, учебные материалы для проведения практических занятий, а также задания для самостоятельной работы, в том числе на образовательном портале БГУ. Представлены тематический словарь, вопросы для самоконтроля, образцы заданий для текущего и промежуточного контроля, методические рекомендации по организации самостоятельной работы.

УДК 811.581'35(075.8)

Основы иероглифики [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс с креативным компонентом для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост. П. С. Бабкина. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 62 с. : ил. Библиогр.: с. 59–62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/303257>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.10.2023, № 008611102023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Основы иероглифики» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с образцами упражнений для практических занятий, включая задания с креативным компонентом; раздел контроля знаний с примерами УСР и экзаменационной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Косарева Ю. С.</i> Рецепция образов – дериватов архетипа мировой оси в романах М. Муркока.....	5
<i>Алексеев Я. А.</i> Роман Дж. Смайли «Тысяча акров»: американская адаптация трагедии У. Шекспира «Король Лир».....	13
<i>Дуктова Л. Г.</i> Репрезентация национальных культурных кодов в романе К. Цвирки «Волчий остров».....	21
<i>Зелезинская Н. С.</i> Синкретический образ святого в Житии святого Катберта авторства святого Беды Досточтимого	28
<i>Афанасьева Ю. А.</i> Музыка в афроамериканской литературе: опыт интермедиального анализа романов З. Н. Херстон	40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Чжан Сьюй.</i> Субъекты дипломатической коммуникации и специфика их деятельности в Древнем Китае	52
<i>Глазко П. П.</i> Особенности корреляции синтактико-стилистических средств с реализованными в них оценочными значениями в англоязычных медиажанрах	62
<i>Кошкина Н. Я.</i> Вариантные единицы в белорусских паремиологических сборниках XIX в.	72
<i>Пантелеенко О. А.</i> Лингвистический ландшафт мультилингвального города: региональная специфика (на материале итальянского города Аосты).....	83
<i>Устищенко Е. Г.</i> Семантика глаголов перемещения с семой 'вниз' в русском и немецком языках...	91

РЕЦЕНЗИИ

<i>Пятаева Н. В.</i> Дятко Д. В. Белорусская лингвистическая терминология	101
<i>Дятко Д. В.</i> «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX века).....	105
<i>Ефимова Н. В.</i> Кончевская К. Поляки и польский язык на Гродненщине	109

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Свиридова М. И.</i> III Международная научная конференция «Писатель – язык – стиль», 21–22 сентября 2023 г.	113
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	115

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Косарава Ю. С.</i> Рэцэпцыя вобразаў – дэрыватаў архетыпа сусветнай восі ў раманах М. Муркока ...	5
<i>Аляксеенка Я. А.</i> Раман Дж. Смайлі «Тысяча акраў»: амерыканская адаптацыя трагедыі У. Шэкспіра «Кароль Лір»	13
<i>Дуктава Л. Г.</i> Рэпрэзентацыя нацыянальных культурных кодаў у раманах К. Цвірка «Воўчая выспа»	21
<i>Зелязінская Н. С.</i> Сінкрэтычны вобраз святога ў Жыцці святога Катберта аўтарства святога Бэды Вялебнага	28
<i>Афанасьева Ю. А.</i> Музыка ў афраамерыканскай літаратуры: вопыт інтэрмедыйнага аналізу раманаў З. Н. Хэрстан.....	40

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Чжан Сьюй.</i> Суб'екты дыпламатычнай камунікацыі і спецыфіка іх дзейнасці ў Старажытным Кітаі	52
<i>Глазко П. П.</i> Асаблівасці карэляцыі сінтактыка-стылістычных сродкаў з рэалізаванымі ў іх ацэначнымі значэннямі ў англамоўных медыяжанрах	62
<i>Кошкіна Н. Я.</i> Варыянтныя адзінкі ў беларускіх парэміялагічных зборніках XIX ст.	72
<i>Панцялеенка А. А.</i> Лінгвістычны ландшафт мультылінгвальнага горада: рэгіянальная спецыфіка (на матэрыяле італьянскага горада Аосты)	83
<i>Усціменка А. Г.</i> Семантыка дзеясловаў перамяшчэння з семай 'уніз' у рускай і нямецкай мовах...	91

РЭЦЭНЗІІ

<i>Пятаева Н. В.</i> Дзятко Д. В. Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія.....	101
<i>Дзятко Д. В.</i> «Роднае слова». Беларуская і ўкраінская мовы ў школе (нарысы гісторыі масавай адукацыі, сярэдзіна XIX – сярэдзіна XX стагоддзя).....	105
<i>Яфімава Н. В.</i> Канчэўская К. Палякі і польская мова на Гродзеншчыне.....	109

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Свістунова М. І.</i> III Міжнародная навуковая канферэнцыя «Пісьменнік – мова – стыль», 21–22 верасня 2023 г.	113
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	115

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Kosareva Yu. S.</i> The reception of derivative images of the world axis archetype in the novels by M. Moorcock.....	5
<i>Aliakseyenka Ya. A.</i> J. Smiley's «A thousand acres»: American adaptation of W. Shakespeare's «The tragedy of King Lear».....	13
<i>Duktava L. G.</i> Representation of national cultural codes in K. Cvirka's novel «Wolf island»	21
<i>Zelezinskaya N. S.</i> The syncretic image of a saint in <i>The Life of Saint Cuthbert</i> by Saint Bede the Venerable.....	28
<i>Afanasyeva Yu. A.</i> Music in African-American literature: the experience of the intermedial analysis in the novels of Z. N. Hurston.....	40

LINGUISTICS

<i>Zhang Siyu.</i> Subjects of diplomatic communication and specifics of their activities in Ancient China ...	52
<i>Glazko P. P.</i> Specific features of correlation between the syntactical stylistic devices and their evaluative meanings in English media genres.....	62
<i>Koshkina N. Ja.</i> Variant phrase units in the Belarusian paremiological collections of the 19 th century....	72
<i>Panteleenko A. A.</i> Linguistic landscape of a multilingual city: regional specificity (by the material of the Italian city of Aosta).....	83
<i>Ustimenko E. G.</i> Semantics of verbs of movement with the seme 'down' in Russian and German languages	91

REVIEWS

<i>Pyataeva N. V.</i> Dziatko D. V. Belarusian linguistic terminography	101
<i>Dziatko D. V.</i> «Native word». Belarusian and Ukrainian languages at school (essays on the history of mass education, mid-19 th – mid-20 th century).....	105
<i>Jafimava N. V.</i> Konczewska K. Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie	109

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Svistunova M. I.</i> 3 rd International scientific conference «Writer – language – style», 21–22 September 2023	113
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	115

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2023**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 31.10.2023.
Тираж 60 экз. Заказ 1027.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 31.10.2023.
Edition 60 copies. Order number 1027.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023